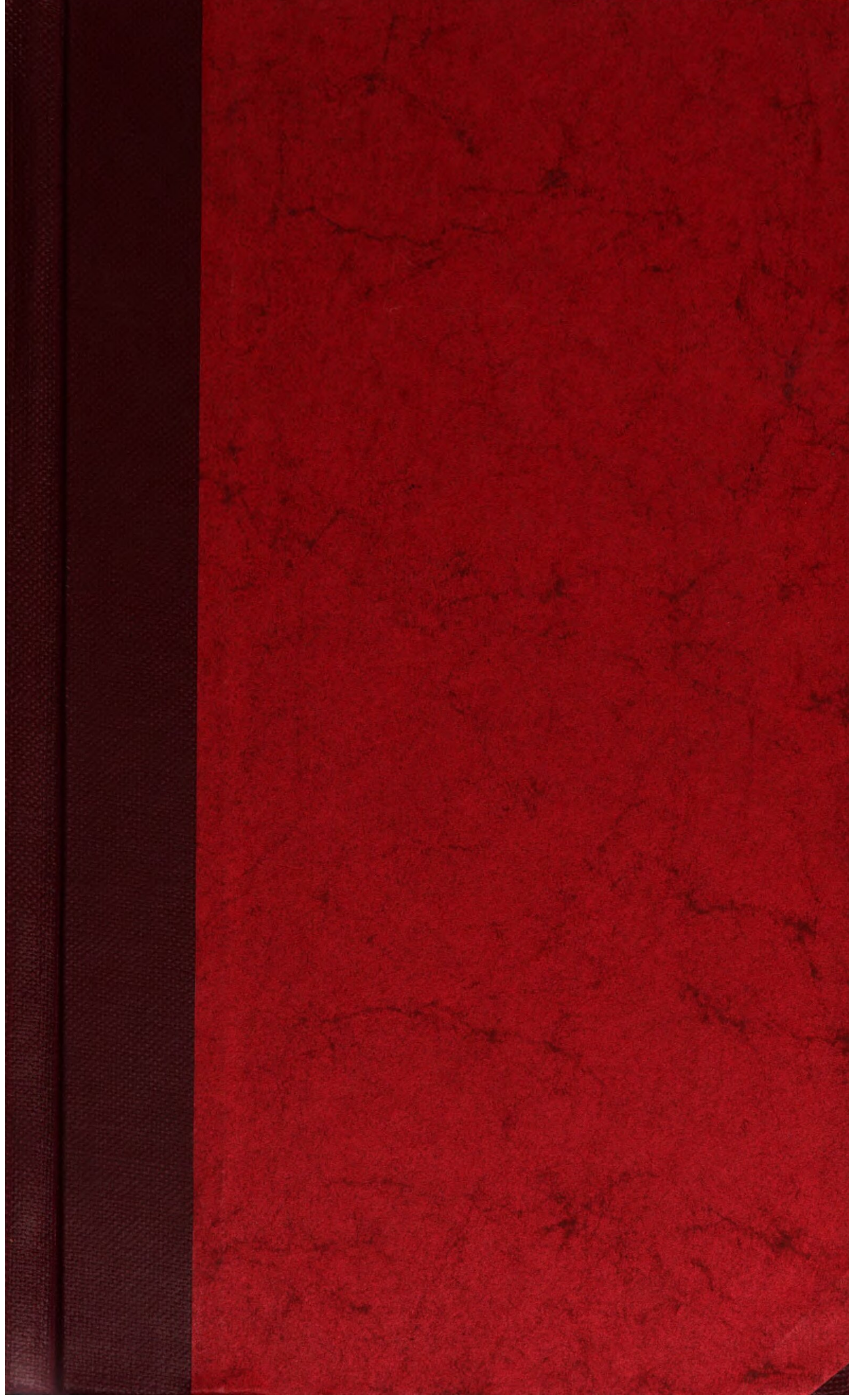




P. o. russ. 60² (2

СОЧИНЕНИЯ

ДЕРЖАНИНА

<36603871040018

<36603871040018

Bayer. Staatsbibliothek



11/20/1919

P. o. russ. 60^e (2

С О Ч И Н Е Н І Я

Д Е Р Ж А В И Н А.

Deržavin
sočinenija

59

2

HS angli' cher

Печашано съ дозволенія С. Петербургскаго
Цензурнаго Комитета.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографіи Шнора, 1808 года.

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

Часть II.



въ Санктпетербургѣ.
1808 года.

За 1641586

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ І.

САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ

СЪ ВЛАГОГОВѢНІЕМЪ ПОСВЯЩАЕТЪ

Сочинишель.

М О Н А Р Х Ъ !

Спокойствомъ Ты мою ущедрить лиру,
Я кринъ ея цвѣтовъ дерзнулъ принести предъ тронъ.
Ты, обоня ихъ, внушишь звучнѣе міру,
Что и при бурныхъ дняхъ Ты музамъ Аполлонъ.

Маія дня
1807 года.

*Мы не намѣрены ласкать ему нигдѣ, яко
существу Высочайшему, или яко нѣкоему Боже-
ству; ибо говорили не о тиранѣ, но о Гражда-
нинѣ; не о Государѣ, но объ Опцѣ Отчества,
который почитаетъ себя нами равнымъ; но тѣмъ
паче насъ превyšаетъ, чѣмъ болѣе равняетъ себя
съ нами.*

Плиній въ словѣ Императору Траяну.

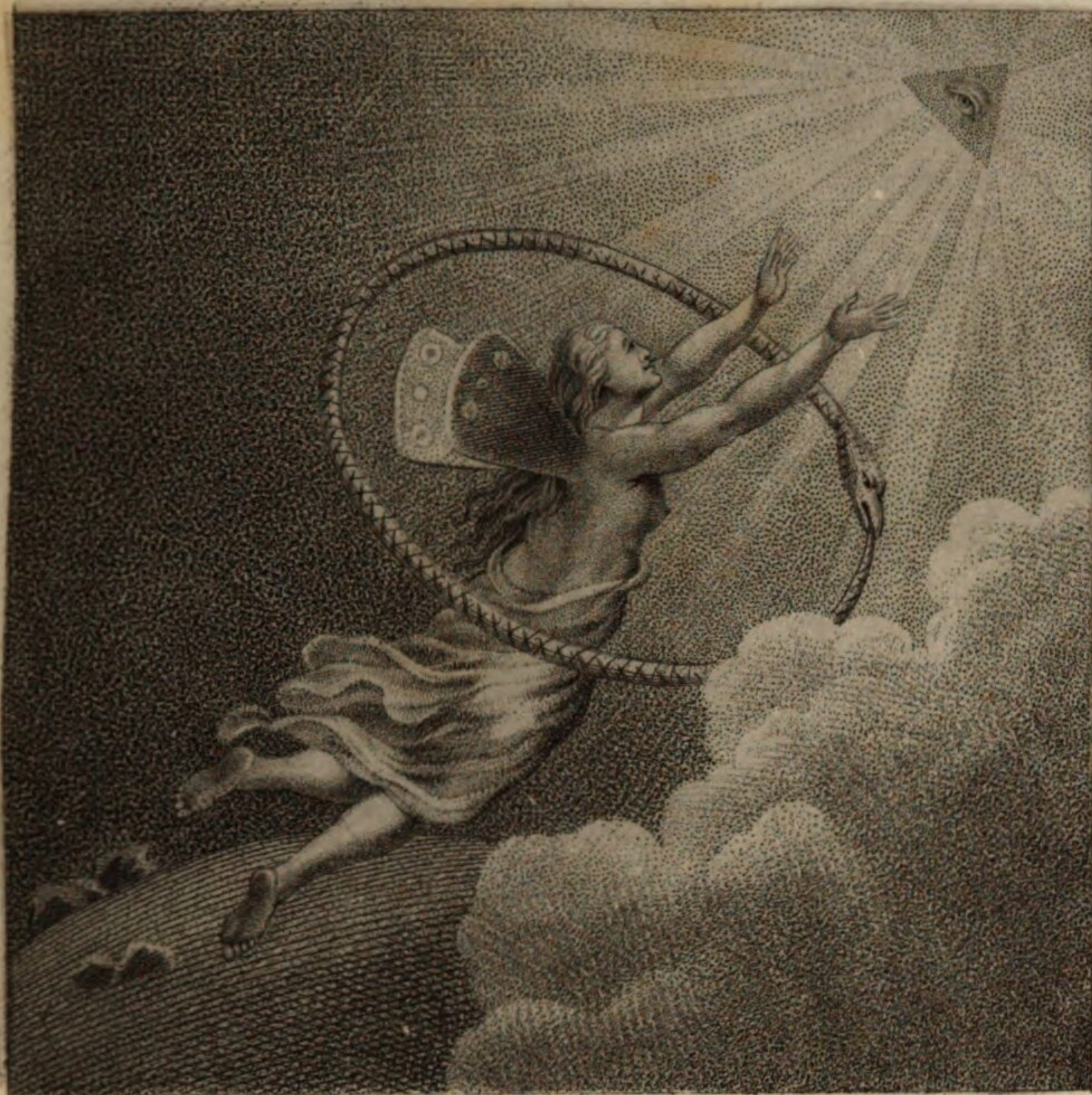
О Г Л А В Л Е Н І Е

В Т О Р О Й Ч А С Т И.

	Стран:
I. Безсмертіе души - - -	1
II. На щепену земной славы - - -	10
III. Желаніе въ горняя - - -	13
IV. Радость о правосудіи - - -	15
V. Введеніе Соломона въ судилище	17
VI. Брапское согласіе - - -	20
VII. Упѣшеніе добрыхъ - - -	21
VIII. На безбожниковъ - - -	26
IX. На коронацію ИМПЕРАТОРА - -	28
X. Молишва - - - - -	30
XI. На новый 1797 годъ - - -	33
XII. На кончину ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКА- ТЕРИНЫ II, и на возшествіе на престоль ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.	39
XIII. На рожденіе Великаго Князя Ми- хаила Павловича - - -	41
XIV. На Мальтійской орденъ - - -	45
XV. Урна - - - - -	56
XVI. На новый 1798 годъ - - -	61
XVII. О удовольствіи - - - - -	64
XVIII. На ворожбу - - - - -	68
XIX. Похвала сельской жизни - - -	70
XX. Похвала за правосудіе - - -	74
XXI. Аѳинейскому Вишязю - - -	76
XXII. Надгробная ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКА- ТЕРИНЪ II. - - - - -	84
XXIII. На возвращеніе Графа Зубова изъ Персіи - - - - -	86
XXIV. Капнису - - - - -	93
XXV. Орель - - - - -	97
XXVI. На побѣды въ Италіи - - -	99
XXVII. На переходъ Алпійскихъ горъ -	101
XXVIII. Снигирь - - - - -	117
XXIX. Правосудіе - - - - -	119

XXX.	Буря	-	-	-	-	121
XXXI.	Храповицкому	-	-	-	-	122
XXXII.	На возшеспвіе на престолю Импе- ратора Александра I.	-	-	-	-	124
XXXIII.	Первая пѣснь Пиндара Пиѳическая	-	-	-	-	132
XXXIV.	Гимнъ кропоспи	-	-	-	-	142
XXXV.	Къ Царевичу Хлору	-	-	-	-	146
XXXVI.	Гимнъ Солнцу	-	-	-	-	151
XXXVII.	На кончину благошворишеля	-	-	-	-	156
XXXVIII.	На смерть Нарышкина	-	-	-	-	161
XXXIX.	Колесница	-	-	-	-	165
XL.	Фонарь	-	-	-	-	170
XLI.	Мужесиво	-	-	-	-	176
XLII.	Волховъ Кубрѣ	-	-	-	-	180
XLIII.	Цирцея	-	-	-	-	183
XLIV.	Дѣва за арфою	-	-	-	-	187
XLV.	Оленину	-	-	-	-	190
XLVI.	Къ Скопихину	-	-	-	-	193
XLVII.	Ко второму сосѣду	-	-	-	-	196
XLVIII.	Маневры	-	-	-	-	199
XLIX.	Зима	-	-	-	-	202
L.	Время	-	-	-	-	204
LI.	Весна	-	-	-	-	207
LII.	Память другу	-	-	-	-	210
LIII.	Монуменъ милосердію	-	-	-	-	213
LIV.	Упро	-	-	-	-	218
LV.	Гимнъ Богу	-	-	-	-	223
LVI.	Лѣто	-	-	-	-	228
LVII.	Осень	-	-	-	-	230
LVIII.	Чешыре возраста	-	-	-	-	232
LIX.	Походъ Озирида	-	-	-	-	234
LX.	Гласъ Санкппепербурскаго Обще- спва	-	-	-	-	238
LXI.	Г. Озерову на приписаніе Эдипа	-	-	-	-	243
LXII.	Эродій надъ гробомъ праведницы	-	-	-	-	245
LXIII.	Хоръ I. на Шведской миръ	-	-	-	-	252
LXIV.	Хоръ II. на коронацію Императора Александра I.	-	-	-	-	254
LXV.	Хоръ III. на тошъ же случай	-	-	-	-	255
LXVI.	Облако	-	-	-	-	257
LXVII.	Громъ	-	-	-	-	261

LXVIII.	Радуга	-	-	-	-	-	266
LXIX.	На всерадостное рожденье Государыни Великой Княжны Елисаветы Александровны	-	-	-	-	-	269
LXX.	На опсправление въ армию Фельдмар- шала Графа Каменскаго	-	-	-	-	-	273
LXXI.	Персей и Андромеда	-	-	-	-	-	275
LXXII.	На выступление корпуса Гвардіи въ походъ	-	-	-	-	-	281
LXXIII.	Графу Спейнбоку	-	-	-	-	-	283
LXXIV.	Молишва по Высочайшемъ опису- спивіи въ армию Его Император- скаго Величества	-	-	-	-	-	285
LXXV.	Ашаману и войску Донскому	-	-	-	-	-	287
LXXVI.	Пиндарова Олимпическая первая пѣснь	-	-	-	-	-	293
LXXVII.	Евгенію, жизнь Званская	-	-	-	-	-	302
LXXVIII.	Издашело моихъ пѣсней	-	-	-	-	-	312
LXXIX.	Лебедь	-	-	-	-	-	315



I.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Умолкни чернь непросвѣщенна,
Слѣпые міра мудрецы!
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ пайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремишь предвѣчно:
Живъ Богъ! — Жива душа твоя.

Жива душа моя! и вѣчно
 Она жишь будешь безъ конца;
 Сіянье длился безпресѣчно,
 Текуще свѣта отъ Отца.
 Отъ лучезарной единицы,
 Въ комъ всѣхъ существъ вращенъ кругъ,
 Какія ни текутъ часпицы,
 Всѣ живы, вѣчны:—вѣченъ духъ.

Духъ понкій, мудрый, сильный, сущій
 Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
 Быстрѣе молніи текущій
 Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
 Не осязаемый, не зримый,
 Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
 Непоспѣжимо содержимый,
 Живущій внутри меня и внѣ.

Духъ, чувствовашъ, внимаешъ способный,
 Все знаешъ, судишъ и заключаешъ;
 Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
 Вкругъ мѣришъ, вѣсишъ, изчисляшъ;
 Ревущи опвращашъ перуны,
 Чрезъ бездны преплывашъ морей,
 Сквозь своды воздуха лазурны
 Свѣтъ черпашъ солнечныхъ лучей;

Могущій время скоротечность,
 Прошедше съ будущимъ вязасть;
 Воображасть блаженство, вѣчность,
 И съ мершвыми совѣсть державъ;
 Плѣнясья испинъ красою,
 Надѣясья безсмертнымъ бысть:
 Сей духъ возможеть ли косою
 Пресѣчься смерти и не жить?

Какъ можно, чшобы Царь всемірный,
 Господь спихій и веществу —
 Сей духъ, сей умъ, сей огонь эфирный,
 Сей истый образъ Божества —
 Являлся съ славою такою,
 Чшобъ только мигъ въ семь свѣтъ жить,
 Попомъ покрысябъ вѣчной тьмою?
 Нѣтъ, нѣтъ! — сего не можетъ бысть.

Не можетъ бысть, чшобъ съ плошью плѣнной,
 Не чувствуя неплѣнныхъ силъ,
 Прошиву смерти разъяренной
 Въ сраженіе воинъ выходилъ;
 Чшобъ властью Царь не ослѣплялся,
 Судья прошивъ даровъ споялъ,
 И человекъ съ спрасыми сражался,
 Когда бы духъ не укрѣплялъ.

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщаетъ,
 Паритъ въ Піишахъ въ высоту,
 Въ Вишіяхъ сонмы убѣждаетъ,
 Съ народовъ гонитъ слѣпошу;
 Сей духъ и въ узахъ не боишся
 Тиранамъ правду говоришъ:
 Чего безсмертному спрашишься?
 Онъ будешь и за гробомъ жишъ.

Премудрость вѣчная и сила,
 Во знаменье чудесь своихъ,
 Въ персь земну душу, духъ вложила,
 И шакъ во мнѣ связала ихъ,
 Чшо сдѣлались они причасны
 Другъ друга свойствъ и еспесва:
 Въ сей водворился міръ прекрасный
 Безсмертный образъ Божесва!

Безсмертенъ я!—и увѣряешь
 Меня въ помъ даже самый сонъ;
 Мои онъ чувсва усыпляешь,
 Но дѣйсвуешь душа и въ нѣомъ;
 Оспавя неподвижно тѣло,
 Лежащее въ моемъ одрѣ,
 Она свой путь свершаетъ смѣло,
 Въ спихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедши годы
 Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
 Не всѣ ли виды намъ природы
 Лишь бывшихъ мечпъ явяпся сонмъ?
 Когдажъ оспоришь по не можно,
 Чпобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
 По смерпномъ снѣ такъ непреложно
 Жипъ будепъ и душа моя.

Какъ пѣма еспъ свѣта оплученье:
 Такъ оплученье жизни, смерпъ.
 Но коль лучей, во удаленьѣ,
 Умершими не лѣзя почеспъ:
 Такъ и души, опшедшей пѣла,
 Она жива, — какъ живъ и свѣпъ;
 Превыше плѣннаго предѣла
 Въ своемъ испочникѣ живепъ,

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мѣрѣ
 Крылапа мысль моя парипъ;
 Я здѣсь умру, — но и въ эѣирѣ
 Мой гласъ по смерпи возгремипъ.
 О! еспълибъ спихопворспво знало
 Братъ краску солнечныхъ лучей,
 Какъ ночью бы луна, сѣяло
 Безсмерпѣ души моей.

Но еспѣли нѣтъ души безсмертной:
 По чпожъ живу въ семь свѣтъ я?
 Чпо въ добродѣтели мнѣ щепной,
 Когда умрешь душа моя?
 Мнѣ лучше, лучше бытъ злодѣемъ,
 Попрашь законъ, низвергнушь власъ,
 Когда по смерпи мы имѣемъ
 И злой и добрый равну часъ.

Ахъ нѣтъ!—коль плошь разрушася плѣнна
 Мершвилабъ нашъ и духъ съ собой,
 Давно бы попряслася вселенна,
 Земля покрылася кровью, мглой;
 Упалибъ проны, царспвы, грады,
 И все погиблобъ золь въ борьбѣ:
 Но духъ безсмертный ждесть награды
 Опъ правосудія себѣ.

Дѣла, и сами наши спраспи,
 Безсмертья знаки нашихъ душъ.
 Богашспвъ алкаемъ, славы, власпи:
 Но всѣ ихъ получа, мы въ шужъ
 Минушу вновъ—и близъ могилы—
 Не преспаемъ еще желашъ;
 Такъ мыслей проспираемъ крилы,
 Какъ будшобъ въ вѣкъ не умирашъ.

Нашъ прахъ слезами оросишся,
 Гробъ скоро мохомъ зараснешъ:
 Но огонь опъ праха въ помъ родишся,
 Надгробну надпись кпо прочнешъ;
 Блеснешъ,—и вновь подъ небесами
 Начнешъ свой фениксъ новый кругъ;
 Все движенся, живешъ дѣлами,
 Душа безсмертна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
 Въ мигъ возгараешся огня,
 Подобно мысли сообщеньемъ
 Возможно вдругъ возжечь меня;
 Во слѣдъ же моему примѣру
 Пойдешъ опважно и другой:
 Такъ дѣль и мыслей атмосферу
 Мы проспираемъ за собой!

И всяко сѣмя, роду сродно
 Какъ своему приносишъ плодъ:
 Такъ всяка мысль себѣ подобно
 Дѣянье за собой ведіошъ.
 Благіе въ мірѣ духи, злые,
 Сущъ вѣчны чада сихъ сѣменъ;
 Опъ нихъ шѣ свѣшъ, а тьму другіе,
 Въ себя приемлюшъ, жизнь, иль плѣнь.

Бываю весель и спокоень,
 Когда я сошворю добро;
 Бываю скучень и распроеень,
 Когда содѣлаю я зло:
 Опкожь же разность чувствъ такая?
 Опкожь борьба и перевѣсъ?
 Не по ль, что плошь есть персть земная,
 А духъ вліяніе небесъ?

Опкожь, и чувствъ по насыщеньѣ,
 Объемлешь душу пуспоша?
 Не опъ того ль, что наслаждение
 Для ней благъ здѣшнихъ суеша?
 Что есть для насъ другой міръ краше,
 Есть вѣчныхъ радостей черпогъ?
 Безсмертіе спихія наша,
 Покой и верьхъ желаній — Богъ!

Болѣзнью изнуренна смертною
 Зрю мужа праведна въ одрѣ,
 Покрышаго ужъ тѣнью мертвою;
 Но при возблещущей зарѣ
 Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни,
 Горѣ онъ взоръ возводишь вдругъ,
 Спѣша въ объятіе опчизны,
 Съ улыбкой выпускаешь духъ.

Какъ червь, оставя паушину
 И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
 Въ лазурну воздуха равнину
 На крыльяхъ блещущихъ лепишь,
 Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
 Съ цвѣтовъ сядишь на цвѣты:
 Такъ и душа, небесъ въ пространствѣ,
 Не будешь ли безсмертна ты?

О нѣшь!—безсмертіе прямое
 Въ единомъ Богѣ вѣчно жишь,
 Покой и счастіе прямое
 Въ его блаженномъ свѣтѣ чпишь.
 О радость!—О воспоргъ любезный!
 Сіяй надежда, лучъ лія,
 Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ!—Жива душа моя!

II.

НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ.

Услышьте всѣ живущи въ мірѣ,
Убогихъ и богатыхъ сонмъ,
Ходящи въ рубищѣ, въ порфирѣ,
Склонитесь ко мнѣ челомъ!
Языкъ мой истину вѣщаешъ,
Премудрость сердце говоришъ;
Что свыше духъ святой внушаешъ,
Моя по лира днесъ звучишъ.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнашъ меня начнешъ,
Опершись на сполпы злапые,
Богатствъ пяшой меня попрешъ;
Въ день люшъ — брашъ брашу не спасенье,
Не замѣнишъ души душой;
У смерти щепно искупленье,
Цѣны нѣшъ жизни никакой.

Пускай же Князи процвѣтають,
 Не чая гибели своей;
 Но коль и мудры умирають
 И погребаются землей
 Равно съ безумцами вседневно;
 За гробомъ долженъ всякъ своимъ
 Свой санъ, сокровище безцѣнно,
 Оспавишь по себѣ другимъ:

Ахъ! щепно смершны мнятъ въ надменьѣ,
 Чшо въ вѣкъ ихъ зданья не падушъ,
 Чшо шишль и славы разширенье
 Попомки въ надписяхъ почшущъ.
 Увы! вся власъ и чесъ земная
 Минуешъ съ нами будшо тѣнь:
 Запмишъ лишъ солнце пьма ношная,
 Гдѣ звукъ?—Гдѣ блескъ?—Гдѣ свѣшлый день?

Гдѣ скишпръ,—коль только добродѣшель
 Не освѣщала жизни пущъ,
 И хваль щеславье лишъ содѣшель,
 По насъ копорья поющъ?
 Ахъ! глушому равны мы спаду,
 Косой чшо гонишъ къ гробу смершъ;
 Въ ней праведникъ одинъ въ награду
 Удобень ушро жизни зрѣшъ.

Не вѣчно бездна духъ обымешъ,
 Но онъ ее переживешъ.
 Господь мою какъ душу примешъ,
 И облечешъ безсмертья въ свѣшъ:
 Воззришъ она на долгоденство
 Тогда, безъ зависти, того,
 Кто честь, богатство, благоденство
 Умножилъ дому своего.

По смерти не возмешъ съ собою
 Никто вещей своихъ драгихъ,
 Блаженный жизнью здѣсь святою
 Блажися межъ духовъ благихъ:
 А есѣли здѣсь не освящися
 И въ злобѣ вѣкъ свой проведешъ,
 Между благими не вселися,
 Его не обліспаешъ свѣшъ.

Опъ нашей воли по зависишъ,
 Чѣмъ здѣсь и памъ блаженнымъ бышъ,
 Себя унизишъ, иль возвысишъ,
 Погребешъ во тѣмѣ, иль освѣщишъ;
 На вышней степеніи мы власпи
 Свою перьяемъ высоту:
 Въ порочныя упадшій спраспи
 Подобенъ челоуѣкъ скопу.

III.

ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ.

О коль возлюбленно селенье
 Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
 Душа въ восторгѣ, въ умиленѣ,
 На пламенномъ паренѣи криль
 Къ Тебѣ моя лепишъ, спремишся,
 И жаждешъ пвой узрѣшъ черпогъ:
 А плоть и сердце веселишся,
 Что царствуешъ мой въ небѣ Богъ!
 Какъ голубъ храмину находишъ,
 И ласпочка гнѣздо себѣ,
 И въ немъ дѣшей своихъ выводишъ:
 Такъ я найду покой въ Тебѣ.

Блаженъ, въ дому Твоемъ живущій
 И возхваляющій Тебя,
 Защитникомъ Тебя имущій
 Въ невинномъ сердцѣ у себя!
 Долину можешъ онъ унылу
 Въ луга и воды преврашишъ,
 Ненаспье въ ведро,—духомъ въ силу
 Пришедъ, въ Сіонъ опочишъ.

Услышъ, услышъ мое моленье,
 О Боже силъ, міровъ Господь!
 Внуши сердечное прошенье,
 И призри на меня съ высотъ.

Въ Твоемъ мнѣ домъ день милѣе,
Чѣмъ пысячи въ дому другихъ;
У прага храма веселѣе,
Чѣмъ у Вельможъ на пирѣ злыхъ;
Единъ даешь всѣ благи смерпнымъ,
Великолѣпье, славу, Ты!
Не оспавляешь непримѣпнымъ
Ты и меня въ моемъ пупи.

Такъ Ты, копорый управляешь
Подсолнечной изъ вѣка въ вѣкъ!
Блаженъ, блаженъ, коль уповаешь
На Бога шокмо челоуѣкъ!

IV.

РАДОСТЬ О ПРАВОСУДИИ.

Хвала Всевышнему Владыкѣ!
 Великоспѣ Онѣ явилъ свою:
 Вельможѣ меня пославилъ въ ликѣ,
 Да чудеса Его пою.

Пришли, пришли тѣ дни святыя,
 Да правый судъ я покажу,
 Колеблемы столпы земныя
 Закономъ Божьимъ ушвержу.

Скажу я грѣшнымъ:—не грѣшите;
 Надменнымъ—не вздымайше рогъ;
 Въ безуміи не клеветайте,
 Несправедливъ что будто Богъ.

Отъ запада и отъ востока,
 Отъ горъ, пущыней и морей,
 Нѣтъ человѣка безъ порока,
 Безъ слабостей и безъ спрасей.

Но Богъ есть судія единый,
 Владыка и правитель всѣхъ;
 Онѣ сихъ возводитъ на вершины,
 А понижаетъ долу тѣхъ.

Вина багряна чаша цѣльна,
Изъ коей сладки перлы бьютъ,
Въ его рукѣ всѣмъ распворенна:
Но дрожди грѣшники піютъ.

Опѣ арфы радость да прольется
Въ хваленіе Тебѣ, мой Богъ!
Неправыхъ выя да согнется,
А правыхъ вознесется рогъ!

V.

ВВЕДЕНИЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ.

Возшелъ Давидъ въ сѣнь правды,
 А съ нимъ и Соломонъ:
 Гдѣ казнь на злыхъ, благимъ награды,
 Законы врѣзанны святымъ жезломъ
 Въ скрыжалъ сапфирну, вокругъ злапую,
 Хранимы въ родъ и родъ.—Возшелъ и сѣлъ на
 пронь!
 Велѣлъ съ собой возсѣсть и сыну одесную;
 Спарѣйшины предъ нимъ, склонившіся челомъ,
 По манію его возсѣли
 Въ молчаньи на своихъ мѣспахъ.—
 Невидимо на висопахъ
 Псалпыри спруны загремѣли:

„Боже! дай Царю швой судъ
 „И Цареву сыну правду,
 „Да народу подадутъ
 „И защиту и награду.

„Да на горы миръ сойдесть,
 „Правосудіе въ долины,
 „Бѣдныхъ да спасетъ отъ бѣдъ,
 „Плачущихъ отъ злой судьбины.

„Да смиришь клеветниковъ,
 „И какъ солнце въ вѣкъ сіяешь
 „И луна межъ облаковъ:
 „Такъ блистаешь на пронѣ спанешь.

„Такъ сойдеши онъ въ низкій домъ
 „Съ высочайшаго престола,
 „Какъ снисходишь дождь на холмъ
 „И роса на сушу дола.

„Истина во всѣхъ сердцахъ,
 „Правда въ людяхъ населишся,
 „И въ его блаженныхъ дняхъ
 „Щастіе возобновишся.

„Падши, пыль полижешь ногъ
 „Орды передъ нимъ Азійски,
 „И безцѣнностей въ залогъ
 „Принесутъ Цари Тарсійски.

„Да помоляшся уму
 „Въ немъ подсолнечной владыки,
 „Порабощаешь ему
 „Подчинившись языки;

„И покажешь, что онъ былъ
 „Щипъ опъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ,
 „Вдовъ и сирыхъ покорилъ
 „Токомъ благоспи обильнымъ.

„Подданныхъ жалѣль лишь кровь,
 „Ограждалъ опъ лихвъ, неправды,
 „И къ себѣ ихъ чпилъ любовь
 „Выше всякія награды.

„Долги будутъ дни ему,
 „Злапо попечеть рѣкою;
 „Дань легко дадутъ шому,
 „Кто любимъ опъ всѣхъ душою.

„Нивы на вершинахъ горъ,
 „Садъ Ливанскій разплодился;
 „Градъ—поля—восхишашъ взоръ,
 „Въ нихъ блаженство водворился.

„Пальма, лавръ увьютъ чело,
 „Славою украсятъ вѣчной,
 „Чтобы имя процвѣло
 „Похвалою чистосердечной.

Какъ лучъ, на верхъ Ерусалима
 Снеслася благодашь,—Израиль зрѣль.
 Да будешъ въ вѣкъ, въ воспоргъ пѣль,
 Еговы длань благословима,
 Пріосѣняющая насъ! —
 За симъ умолкъ псалшыри гласъ.

VI.

БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ.

Коль красно зрѣлище, пріятно,
Гдѣ вкупѣ брашїя живешъ!
Благоуханье ароматно
Какъ на браду съ главы печешъ,
Браду почтенну Аарона,
Спруяся на ометы ризъ;
Или Синая и Эрмона
Когда верьхи, преклоньшись внизъ,
Багрянымъ серебромъ сверкающъ,
И каплетъ на цвѣшны роса:
Такъ въ вѣкъ на домъ ихъ низливающъ
Благословенье небеса.

VII.

УТѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ.

Не ревнуй опшюдь лукавымъ,
Беззаконнымъ не завидь,
Скоро смерть серпомъ кровавымъ
Ихъ приидеть поразишь:
Упадушь,—и въ мигъ увянушь,
Какъ подкошенны цвѣты.

Положись во всемъ на Бога,
Землю населя, прудись;
Добръ будь, не желая многа,
Въ честь Господню насладись:
Онъ подасъ тебѣ, что сердце
Пожелаетъ лишь свое.

Вышнему во всемъ довѣрься,
Будь во всемъ ему опкрытъ,
Крѣпко на него надѣйся,
Въ пользу все свою свершишь:
Вознесешь, какъ солнце, правду,
И невинность, яко день.

Посвящясь Творцу, мужайся,
 Будь въ его законѣ швердъ,
 Щаспьемъ злыхъ не ослѣпляйся,
 Гордымъ не ходи во слѣдъ;
 Не ходи, не раболѣпствуй,
 Смершнихъ Богомъ не швори,

Не печалься, не сердися,
 Не злословъ и злыхъ глупцовъ;
 Паче въ доблестяхъ крѣпися,
 Умудряйся средь шрудовъ.
 Ты увидишь: зло поникнешъ,
 Добродѣшель возлещишь.

Подожди мигъ, и не будешъ
 Самый вредъ шебѣ во вредъ;
 Будшо вѣшерь пепель сдунешъ,
 Такъ изчезнешъ злобы слѣдъ:
 Крошосъ же наслѣдишь землю
 И сладчайшій вкусишь миръ.

Яры взоры грѣшникъ мещешъ
 И надъ праведникомъ бдишь,
 Зубомъ на него скрежещешъ,
 Вшай вездѣ его слѣдишь:
 Но Господь врагу смѣешся,
 Близкій видя рокъ его.

Мечъ злодѣи извлекають,
 Лукъ напягивають свой,
 Низложишь они алкають
 Правыхъ сердцемъ и душой:
 Но ихъ луки сокрушаются,
 Обращишся мечъ имъ въ грудь.

Лучше малое спяжанье,
 Нажиное все прудомъ,
 Чѣмъ сокровищей собранье,
 Скоро скопленно съ грѣхомъ:
 Въ праведныхъ рукахъ все споро,
 Грѣшниковъ скудѣешь длань.

Добрыхъ Богъ благословляетъ,
 Твердо въ вѣкъ наслѣдство ихъ;
 Въ люпы глада дни питаешь
 Опъ щедрошь онъ ихъ своихъ:
 Мышарижъ, какъ овны, жирны;
 Но изсохнешъ весь ихъ пукъ.

Грѣшникъ, взявъ, не возвращаетъ;
 Праведникъ всегда даетъ;
 Съменаль кому ссужаетъ,
 То земля приносишь плодъ:
 На когожь положишь кляпву,
 Плодъ шѣхъ вѣрно погубленъ.

Богомъ челоѣкъ крѣпишся,
 Коль на добромъ онъ пуши;
 Хопъ падешъ, не сокрушишся,
 Вспанешъ паки, чшобъ ипши:
 Вышняго рука поддержишъ
 Во всѣхъ случаяхъ его.

Былъ я младъ—и соспарѣлся,
 Добрыхъ въ крайности не зрѣлъ,
 Чшобъ въ забвеньи родъ ихъ зрѣлся,
 Чшобы хлѣба не имѣлъ:
 Сами всѣхъ они снабжающъ,
 И въ довольствѣ чада ихъ.

Уклонись опъ злодѣяній,
 Дѣлай благо,—Богъ съ тобой;
 Онъ судья—и воздаянны
 Держишъ всѣ своей рукой:
 Сѣмя, даже зла погибнешъ,
 Добродѣтель разцвѣтешъ.

Лѣешъ всегда благочеспивый
 Токи мудрости изъ успъ,
 Мужъ челоѣколюбивый
 Изрекаешъ правый судъ;
 Въ сердцѣ чистомъ Богъ правитель,
 Тверды испины стопы.

Ищешь, ищешь беззаконный,
 Чшобъ невинность погубишь;
 Нѣтъ, онъ мнишь, ей обороны,
 А не видишь,—Богъ ей щипъ:
 На судъ ль ей бышь случишся,
 Будешь правою она,

Пошерижъ еще немного,
 Пошери, храня законъ;
 Какъ приидешь время спрого,
 И на злобу грянешъ громъ:
 Вознесешься—и получишь
 Доспояніе швое.

Видѣлъ, видѣлъ нечеспивыхъ,
 Вознесенныхъ, яко кедръ;
 Но по нѣкихъ дняхъ бурливыхъ,
 Я ихъ мѣста не обрѣлъ;
 Вопрошаль ходящихъ мимо,
 И никпо не опвѣчалъ.

Вѣдай! чеспность и невинность
 Увѣнчаюшся вѣнцемъ;
 Злосъ, нечеспье, горделивосъ
 Кончашся своимъ концемъ:
 Богъ помощникъ людямъ добрымъ
 Воздаятель онъ и злымъ.

VIII.

НА БЕЗБОЖНИКОВЪ.

Царствуетъ, вижу, всюду развратъ,
 Къ правдѣ сокрыты путь и дорога;
 Глупые, злые въ сердцахъ ихъ мнятъ:
 Гдѣ добродѣтель?—вѣрно нѣтъ Бога;
 Случай все, случай шлѣтитъ.

Нѣтъ, нѣтъ, злодѣи! есть Богъ и зрите,
 Видите Онъ вашу глупость и дерзость;
 Видя сквозь самый мрачный зеникъ,
 Гнусны дѣянья, совѣстей мерзость,
 Грозно вамъ въ громъ гремитъ:

Я ли забвеннымъ вами могъ быть,
 Всюду блистая въ дивныхъ твореньяхъ?
 Въ солнцѣ ль меня не хотите члѣнить?
 Звѣздъ въ миліонахъ, въ шваряхъ, въ рас-
 шнѣняхъ?

Вамъ ли меня позабылъ?

Вы позабыли: гдѣ зрите шлѣхъ свѣтъ,
 Хлѣбъ мой вкушая, кто-бъ помнилъ меня?
 Спраха боялся, спраха гдѣ нѣтъ,
 Тщешной надеждой духъ свой маня,
 Тлѣнное вѣчнымъ всякъ члѣтитъ.

Сгибнушъ и кости съ шѣломъ душъ шѣхъ,
Кои безбожно рабствуюшъ міру. —
Духъ мой! кумировъ презри ты всѣхъ,
Звучну пріемля царскую лиру,
Бога единого поѣ!

IX.

НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА.

Предвѣчный! силою пвоею

Да веселился Царь!

Да радостной своей душою

Торжествъ ликуешь среди зарь!

Желанія его сердечны

Ты предварилъ и совершилъ;

Чело елеемъ благоспыннымъ,

Главу сіяньемъ злаповиднымъ

Монаршаго вѣнца покрылъ,

И низпослалъ ему дни здравы, долговѣчны.

Да разпроспирешся громка слава

О немъ вездѣ Тобой:

Порфира, скипетръ, мечъ, держава,

Вся царска сила, власць, рукой

Твоей на немъ взложена,

Какъ на небѣ свѣшилъ, звѣздъ сонмъ,

Тобой свой блескъ да получаетъ;

Твой взоръ его благословляешь,

И на себя надеждъ онъ полнъ,

Да не позаблещя и вся подъ нимъ вселенна!

Да срѣшишь длань вооруженна
 Мечемъ,—кто на него!—
 Какъ сильнымъ пещь огнемъ разжженна,
 Такъ гнѣвъ опъ взора Твоего
 На нихъ дохнешь;—и скрывъ ихъ пьмою,
 Такъ въ молніяхъ пожнешь своихъ,
 Чпо дымъ во слѣдъ лишь возкуришся;
 Попомсшво, племя испребишся,
 И памяшь даже вся о нихъ
 Сопрешся въ мигъ съ лица земли Твоей рукою!

Пусть запѣваєшь брань сосѣдсшво,
 А злоба шайный ковъ:
 Но не успѣешь ихъ злодѣйсшво,
 Когда самъ Богъ тебѣ покровъ.
 Поспавиль Онъ тебя предметомъ
 И цѣлю своихъ очесъ;
 Не двигнется швоя держава,
 Но паче возсіяешь слава
 Всѣхъ надъ побой Его чудесь,
 И воспоемъ въ тебѣ Царя надъ всѣмъ мы свѣ-
 помъ.

М О Л И Т В А.

О Боже, душъ пворецъ безсмертныхъ
И всѣхъ—гдѣ сущесвуешь кпо!
О единица числъ несмѣльныхъ,
Безъ коей всѣ они ничпо!
О средопочіе! согласье!
Все содержащая любовь!
Испочникъ жизни, блага, щасстья,
И малыхъ и большихъ міровъ!

Коль Ты лишь духомъ наполняешь
Своимъ цѣвницы пвари всей,
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей;
И вокругъ опъ миріадовъ звѣздныхъ,
Піющихъ свѣшъ съ Твоихъ очесъ,
Самъ черплешь блескъ лучей любезныхъ
И льешь ихъ въ океанъ небесъ;

И мнѣ, по пыли праху плѣнну,
 Когда на шагъ одинъ конецъ
 Ты вдунуль душу полъ священну,
 Чпобы въ гармонію, Творецъ!
 И я вошелъ Твою свящую:
 О! низпошлижъ мнѣ сполько силъ,
 Чпобъ развращенну волю злую
 Твоей я волѣ покорилъ!

И такъ бы сдѣлалъ душу чисту,
 Какъ водный ключъ,—сквозъ блажь гнилыхъ,
 Какъ запахъ розъ,—сквозъ дѣбрь дымиспу,
 Какъ лучъ небесъ,—сквозъ безднѣ ночныхъ
 Прошекши, пѣмже бывающъ,
 Чпо были въ сущесствѣ своемъ:
 Или свѣплѣй еще сіяющъ,
 Чѣмъ злопо жженное огнемъ.

Подаждъ,—чпобъ все мое желанье,
 Вся мысль моя единъ былъ Ты,
 И истинъ бы Твоихъ алканье
 Пожрало міра суебы;
 Чпобъ правды, совѣспи, закона,
 Копоры мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
 Изъ подлости, хошябъ у прона,
 Я ни на что не промѣнялъ.

Чшобъ, знавъ мое происхожденъе,
 Моихъ достоинствъ я не шмилъ,
 Твоей лишъ волъ въ угожденъе
 Въ лицъ Царя Твой образъ чшилъ;
 Чшобы, прудясь я безвозмездно,
 Творилъ самимъ врагамъ добро,
 И какъ Тебъ добро любезно,
 Такъ ненавидѣль бы я зло.

Несчастливыхъ, ушъсненныхъ слезу
 Чшобы спъшилъ я опирашъ,
 Сердца, подобныя желъзу,
 Моей горячностью смягчашъ;
 Чшобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ,
 На лонъ нѣгъ не воздремалъ:
 Но былъ душой Тебъ подобенъ,
 И всю ее съ Тобой сливалъ.

О! сладка мысль и дерзновенна, —
 Желашъ съ Творцемъ сліяну бышъ!
 Когда придешъ неизреченна
 Мнѣ радость та, чшобъ въ Богъ жишъ?
 Когда съ Тобой соединюся?
 Любви моей, желаній край!
 Гдѣ предъ лицемъ Твоимъ явлюся,
 Тамъ мрачный адъ мнѣ будешъ рай.

XI.

НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ.

Занесъ послѣдній шагъ, и въ вѣчность
 Спупя, сокрылся прошлый годъ;
 Пожрала мрачна неизвѣспность
 Его спремленье, быспрый ходъ.
 Гдѣ ризы свѣплы, злапозарны?
 Гдѣ взоры голубыхъ очесъ?
 Гдѣ вѣкъ Екатерины славный?
 Ужъ нѣтъ ихъ!—Въ высотѣ небесъ
 Явился новый годъ намъ въ міръ,
 И Павелъ въ блещущей порфирѣ.

Онъ поднялъ скиптръ,—и пробѣжала
 Спруя съ небесъ во мракъ темницъ;
 Цѣпь звучно съ узниковъ упала,
 И процвѣла ихъ блѣдность лицъ;
 Въ объятыхъ семьи восхищенныхъ
 Облобызали возвращенныхъ
 Сыновъ, и брапьевъ, и мужей;
 Плоды прудовъ, свой хлѣбъ насущный,
 Узрѣлъ всякъ въ житницѣ своей.
 Подобно упру Царь воздушный
 Выходитъ—солнце—въ подвигъ свой;
 Блеснетъ лишь посреди эфира,
 Бываетъ благодѣтель міра
 Опрадой, свѣтомъ, теплотой.

Онъ принялъ мечъ—и лучъ горящій
 Въ рукѣ его увидѣлъ врагъ;
 Пронесся духъ живошворящій
 Въ градахъ, въ домахъ, въ полкахъ, въ судахъ.
 Всѣхъ ранній пѣпель возбуждаешъ,
 Опъ сна всякъ къ дѣлу поспѣшаешъ
 И долгъ свой щепельно шворишъ;
 Всякъ движешся, спремишся, внемлешъ,
 На спогнѣ крѣпко спражъ споишъ,
 Передъ зеркаломъ судъ не дремлешъ,
 Скрываешъ злоспъ главу свою
 Подъ царскимъ бдительношъ призоромъ:—
 Орель съ высотъ шакъ быспрымъ взоромъ
 Шипящу въ мракъ зришъ змию.

Возсѣлъ на тронъ—и освѣпилашъ
 Душа его огнемъ щедрошъ:
 Сѣдина почесшми покрылашъ,
 Сбираюшъ бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ;
 Увѣчныхъ воевъ награждаюшъ,
 Прощенье недруги внимаюшъ,
 Заслуги получаюшъ мзду.
 Такъ Богъ въ величїи, во славѣ,
 Во благовременну чреду
 Льешъ благодапъ своей державѣ
 Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
 Всѣ руки къ небу воздѣваюшъ,
 И опъ Него всѣ ожидаюшъ
 Себѣ, возможныхъ швари, благъ.

Россія, лавромъ опягченну
 Опъ браней вознеся главу,
 Внимаешь черезъ всю вселенну
 Гремящую о немъ молву:
 Кто сей, щедрѣй Екатерины,
 И ревностнѣй еще Петра?
 Садить въ сердца блаженства крины,
 Попоки злата и сребра
 Воздержностью пролить желаетъ,
 Собою роскошь испребляетъ?

Кто сей, по образу Ашланша,
 На рамена поднявшій свѣшъ,
 Шагами твердыми гиганша
 Неробко чеспи въ храмъ идешъ?
 Грозить пропивнымъ не войною;
 Но мирной, масличной лозою,
 Нося при ней гошовый громъ?
 Онъ дерзкихъ взглядомъ усмиряетъ, —
 Хриспова церковь Павла въ нѣмъ,
 Избранный пошъ сосудъ воспрѣчаетъ,
 Копорый миръ, любовь и свѣшъ,
 Всѣ добродѣтели во нравы
 И жажду не земныя славы
 Въ благочеспивы души льетъ.

Кто мудръ ума по просвѣщенью,
 А сердцемъ больше щедръ и благъ,
 Ашпиллъ въ слѣдъ, къ распроспраненью
 Границъ, не спустишь ни на шагъ;
 Въ шой испинѣ увѣренъ швердо,
 Чшо царство не войной цвѣшешъ,
 Онъ кровь народовъ милосердо
 Своихъ и вражіихъ блюдеши.
 Водимый истиной свяшою,
 Законовъ подъ одной чершою,
 Полсвѣшу скорый судъ дариши,
 Обогашиши торговлей грады,
 Плодомъ, спадами верпограды,
 Людями пустыни заселиши.

По долгу спрогъ и правосуденъ,
 Но нѣженъ, милосливъ душей;
 На казнь жестоку медленъ, шруденъ,
 Ждешъ исправленія людей;
 Виновныхъ милуешъ, прощаешъ,
 Нещасныхъ слезы опираешъ,
 Покоемъ жершвуешъ драгимъ,
 Учасшвовашъ въ шрудахъ супругъ
 И сыновьямъ велиши своимъ,
 Чиспосердечья ищешъ въ другъ,
 Блаженшвомъ общимъ дорожиши;
 Народной споспѣшая льгошъ,
 По доблести и по щедрошъ
 Аврелій зриши въ немъ и Тиши.

Леши, о новый годъ! шы емѣло
 Съ сей вѣспью Росскихъ въ слухъ сыновъ,
 Свершай предположенно дѣло
 Судьбами искони вѣковъ;
 Спѣши во древнюю споллицу,
 Обрадуй тысячи сердець,
 Надѣнь на Павла багряницу
 И на главу его вѣнецъ
 Вложи опъ камени чеспнаго,
 Въ залогъ намъ вѣка золопаго.

Спѣши, укрась Его супругу
 Подобно почестью Царя,
 Веселье лей земному кругу,
 Какъ восходящая заря;
 Намъ будущихъ вѣковъ блаженныхъ,
 Обильныхъ, мирныхъ, несравненныхъ,
 Начальникъ красный будь и вождь!
 Да съ швоего опнынь полеша
 Во благовременьи намъ дождь
 Весной прольется и средь лѣша,
 И нѣдра напоивъ земли,
 Произраспшитъ злапыя нивы;
 А вѣпры, парусъ вздувъ игривый,
 Поспавяшъ въ приспань корабли.

Да мы, подъ Павловымъ владѣньемъ,
 Еще свѣплѣ процвѣшемъ,
 И вѣкъ его безсмертнымъ пѣньемъ
 На лирахъ сердца воспоемъ!
 Побѣды громки позабудемъ,
 И всѣхъ земныхъ народовъ будемъ
 Щаспливѣй внушрь, а внѣ сильнѣй;
 О бывшемъ не вздохнемъ блаженствѣ,
 Коль будешъ духъ нашъ благъ полнѣй,
 Коль предуспѣемъ въ совершенствѣ,
 Въ дѣлахъ и мира и войны;
 Да здравье намъ цвѣшешъ Царево
 И домъ Его какъ райско древо,
 Супруга, дщери и сыны!

А ты, о Вождь полковъ неплѣнныхъ,
 Лепѣль что средь небесныхъ силъ
 Ко дню швоихъ поржесствъ священныхъ,
 Какъ Павелъ на пресполь всходилъ!
 Храня Его швоей рукою,
 Временъ впредь цѣпью золошою
 Крылапы годы сопряги,
 Веди ихъ всѣхъ цвѣшовъ спезями
 И щаспье Россовъ береги:
 Да съ вѣрными себѣ сынами
 Опецъ нашъ въ вѣкъ не узришь зла;
 Но брань ли возникнешъ, иль коварство,
 Вкругъ облесни мечемъ ты царство,
 И ихъ слѣды покроешь мгла!

XII.

НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II. И НА ВОЗШЕ-
СТВИЕ НА ПРЕСТОЛЬ ИМПЕРА-
ТОРА ПАВЛА I.

Проспря крылъ Екатерина
Лишь вознеслася къ Богу въ свѣшъ,
Увы! упала съ насъ корона,
И мапери народовъ нѣшъ!
Защипницы нѣшъ, равной львицѣ,
И въ скорби лишь опрада намъ:

Чшо въ домъ она свой возврапила,
Въ домъ ангеловъ, вкусишъ свой шрудъ;
Чшо по себѣ не полько славу
Оспавила, но Божій даръ,
Ошца опечесшва намъ Павла.
Коль львица мапъ была,—сынъ левъ!

Богъ силъ въ Тебѣ; рождень Ты мудрымъ!
На правдѣ ушвердилъ свой шронъ;
Щедрошъ и милоспей льешь рѣки;
Твой домъ—домъ мира; садъ—сыны;
Злапый вѣнецъ супруга,—дщери—
Се друга Божья, смершныхъ,—часпъ!

На шронъ вступилъ Ты, и мгновенно
 Оперъ покъ слезъ со всѣхъ ланишь,
 Твой мечъ въ полкахъ несчетныхъ блещетъ
 Для мира больше и для благъ,
 Которы не изсякнутъ вѣчно,
 Ясна заря:—и вечеръ свѣплъ,

Какъ новая звѣзда, возникнувъ,
 Лучи пріятны льетъ очамъ,
 Живущи на нее всѣ смопрятъ:
 Такъ на Тебя, всемогущій Царь!
 Зришь міръ, напасъми угнѣщенный,
 И ждешъ, что усмиришь Ты зло.

Пресполь Твой окруженъ морями,
 Межъ ихъ, языковъ пѣмъ: мольба
 Звучнѣй возносите, чѣмъ волны;
 Воззри!—Израильшяновъ родъ
 Свои колѣна преклоняетъ;—
 Ты жертву ихъ прими, какъ Богъ.

(сз Еврейскаго)

XIII.

НА РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

Куда, силъ грозныхъ Воевода!
Надѣвъ огнепернаый шлемъ,
На бедро лучъ, съ небесна свода
Ты радужнымъ печешь пупемъ?
Спустился, зрю, на пол-вселенну,
На Павловъ и Маргинъ домъ,
И къ опроку новорожденну
Ослабленнымъ приникъ лицомъ.

„Азь есмь—вѣщаль—кто равенъ Богу!
„Дишя! симъ именемъ зовись;
„Спань браней, мира на дорогу,
„Въ dospѣхи правды облекись;
„Прими духъ мужеспва, духъ силы,
„Лучъ свѣша, званье, образъ мой,
„И горняго паренья крилы:
„Архангель я и пѣспунъ швой.,,

„Избраньемъ древле я корону
 „На предка швоего надѣль,
 „Недавно въ слѣдъ Опцу ко шрону
 „Незримымъ спутникомъ лепѣль;
 „Небесъ имъ поборала сила:
 „Прими, — И лишь свершилъ онъ рѣчь,
 Порфира опрока покрыла,
 И препоясаль молній мечъ.

Едва почули Громовержца
 Перуны Росски въ пеленахъ,
 На нѣжный гласъ сего младенца
 Въ шрех-сошнихъ опдались громахъ;
 Россія блескомъ озарилась,
 Усердія къ Царямъ полна:
 Такъ свѣплымъ шокомъ слезъ покрылась,
 Какъ сребреннымъ дождемъ луна.

„Подаждь, вселенной Вседержишель!
 —Взываетъ къ звѣздной вышинѣ:—
 „Да юный молніи носишель
 „Михаиль древній будешъ мнѣ!
 „Пресѣкъ неспройство шопъ, крамолу,
 „Началомъ славы былъ моей:
 „А сей, подпорой спавъ прешолу,
 „Да царствуетъ въ сердцахъ людей!

Уже Хранишеля небесна
 Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зришь:
 При люлькѣ среди сна прелестна
 Надъ нимъ проспря крылъ споишь,
 Эѳирную приносишь манну,
 Играешь солнечнымъ лучомъ,
 И въ грудь, на подвиги избранну,
 Вливаешь Божій страхъ съ млекоу.

То взводишь онъ его на гору,
 То ходишь съ нимъ среди долинъ,
 Его младому кажешь взору
 На высотѣ полетъ орлинъ,
 Смогри: надъ доломъ какъ лешая,
 Онъ зришь вкругъ змѣй, и вержешь громъ;
 А шамъ, любовью нѣжной шая,
 Пшеницовой жмешь кокошь подъ крыломъ.

Иль учишь: „Ты порфиророденъ,
 „Прямой швой долгъ ешь долгъ небесъ,
 „И міра царь ешь рабъ господенъ,
 „Взыщи премудроспи словесъ:
 „Священна доблесъ—право къ власпи,
 „Лишь правда надъ вселенной царь;
 „Благоволеньемъ къ смершныхъ часпи
 „Всевышній зиждетъ свой олшаръ.

Ошца и Машери въ подобьи
 Бесѣдуешъ онъ часпо съ нимъ:
 „Ищи, швердишъ ему, въ незлобьи
 „Ты образца дѣламъ своимъ:
 „Преспола хищнику, пирану
 „Прилично успрашаешъ рабовъ;
 „Но Богомъ на пресполъ воззванну
 „Любишъ ихъ должно, какъ сыновъ.

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,
 Ошца и Машери рукой,
 Распи диши, распи прелеспнымъ:
 А возмужавъ, явись Герой!
 Справа швоя сильна, преславна,
 Обширно поле, гдѣ парить;
 Нѣшъ въ мѣрѣ царства такъ просправа,
 Гдѣбъ можно споль добра шворишъ!

XIV.

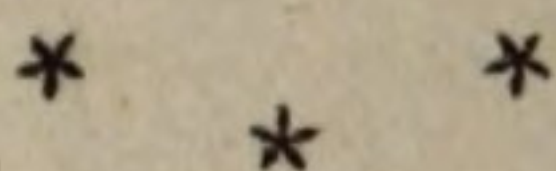
НА МАЛЬТІЙСКОЙ ОРДЕНЬ.

Звучишь труба, окрестны горы
 Передаютъ другъ другу громъ:
 Какъ рѣки, Рыцарей соборы
 Любятъ въ знаменитый сонмъ;
 Шумишь по шлемамъ лѣсъ пернатый,
 Сребромъ и златомъ свѣпятъ лапы,
 Цвѣтъ радугъ въ мантіяхъ горитъ;
 Хоръ свѣше зришь, какъ съ Геликона
 Синклишь, Царица, Царь, средь прона
 Въ порфирѣ, въ славѣ предстоишь.

* * *

Клейноды вкругъ, въ нихъ власъ и сила:
 Вдали Европы блещетъ спрой,
 Спрѣлъ пучи Азія пустила,
 Идутъ Американцы въ бой,
 Темнятъ крылами понтъ грифоны,
 Лютъ огонь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы,
 Полканы вихремъ пылъ крушатъ;
 Безмѣрныя поля, долины,
 Обсѣли вкругъ спада орлины,
 И всѣ на царской смопрятъ взглядъ.

Міровъ Владыкѣ лучезарныхъ
 Такъ внемлющъ всѣ спихіи, шварь:
 Въ могущесствѣ ему нѣтъ равныхъ.
 Власпишель душъ, любимый Царь
 Речешъ—и флотъ сквозь волнь несешся!
 Велишъ—и громомъ швердь шрясешся!
 Тьма всадниковъ чрезъ степь лепишъ!
 И гнѣвъ его естъ гнѣвъ вселенной:
 Но лишь съ улыбкою священной
 Проспрешъ Онъ длань,—и все молчишъ.



Кто сей предъ важнымъ симъ соборомъ
 Въ благоговѣйной тишинѣ
 Предспаль съ унылымъ, кропкимъ взоромъ?
 Сонмъ нѣкихъ воевъ зришся мнѣ!
 На нихъ креслы, а не эгиды!
 Ужъ не Геральды ль шо, Готфриды,
 Не шѣни ль Випязей свяпыхъ?
 Ихъ знамя!—ихъ оспапокъ славный
 Пришелъ къ Тебѣ, о Царь державный!
 И такъ вѣщаль напаспи ихъ:

„Безвѣрья гидра проявилась,
 „Родиль ее, взлелѣяль Галль;
 „Въ груди его, въ душѣ вселилась,
 „И весь чудовищемъ онъ спалъ!
 „Распешь—и пысячью главами
 „Съ несчепныхъ жалъ спруишь рѣками
 „Обманчивый по свѣпу ядъ:
 „Народы, царспвы заразились,
 „Развращомъ, буйспвомъ помрачились,
 „И Бога бышь уже не мняшь.

* * *

„Нѣшь добродѣсли священной,
 „Нѣшь пвердыхъ ей броней, щиповъ,
 „Не спало рыцарспвъ во вселенной,
 „Присяжныхъ злобѣ нѣшь враговъ;
 „Законы царспвъ, обряды вѣры,
 „Свяпыня, почпены въ химеры,
 „Попранъ Хриспось и скипспрь Царей;
 „Европа вся полна разбоевъ,
 „Цареубійць свяпяшь въ Героевъ:
 „Ты, Павель, будь спасишель ей!

„Мы гробъ свяшый освободили,
 „Госпепріимствъ опверзли дверь:
 „Но насъ наслѣдія лишили,
 „И мы изгнанники шеперь!
 „Прими Ты насъ въ швое храненье!,,
 Рекли:—печашъ и жезлъ правленья
 Царю, преклоньшись, поднесли.
 Какъ лучъ сквозь мрака пробѣгаешъ,
 Такъ рѣчь ихъ Царску грудь пронзаешъ:
 Сердечны слезы пошекли.

* * *

Живъ Богъ! Царь рекъ: — и мечъ полсвѣта,
 Какъ быспры молнии, обнажилъ;
 Крестообразно, въ знакъ обѣта,
 Къ челу вознесъ и преклонилъ;
 Мечи несчепны обнажились,
 Къ прешолу правды преклонились;
 Разверзлось небо, и средь пучъ
 Петра Онъ, Павла, Іоанна
 Узрѣлъ звѣздами увѣнчанна,
 Дающихъ знамя, щипъ и ключъ!

Орель, судьбой рожденный къ славѣ,
 Въ гнѣздѣ съ улыбкой молнии зряй,
 Въ поляхъ какъ левъ, какъ агнецъ въ нравѣ,
 Спокоенъ внушрь, внѣ все боряй,
 Морей и бурей слышишь свиспы,
 Онъ сносишь зной и воздухъ льдиспый,
 Онъ выше всѣхъ себя вознесъ:
 Такъ чьижъ поддержасть небо плечи?
 Кпо спанешъ прошивъ адской сѣчи?
 Одинъ безсмершнй, швердый Россъ!



Одинъ!—швоя лишь доблестъ спрога,
 Твой сильный Царь, швой духъ, швой Богъ
 Опдашь безвѣрнымъ могушь Бога,
 Хриспу олшарь, Царямъ черпогъ;
 Во громы облеченный ангель,
 Во броню правды вѣрный Павель
 И съ нимъ Господня благодашь
 Удобны злобы спершь коварспва,
 Смяшенны успокоишь царспва,
 И славный подвигъ швой вѣнчашь.

Дерзай!—Ужъ свѣше вдохновенный
 Благословляетъ Сергій путь,
 Спихи спускаются смиренны,
 Планеты щасливо текутъ;
 Сквозь говоръ ищицъ, сквозь звѣрска рева,
 На бракъ готовясь, плачешь дѣва;
 Сіаешь крестъ средь облаковъ,
 Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ,
 На небѣ Бардъ въ звѣздахъ чищаетъ:
 „Симъ побѣдишь твоихъ враговъ!,,

* * *

Не змѣй ли спрашный, пропѣженный,
 Какъ съ горъ на доль, съ долинь на холмъ
 Сомкнуны изгибая члены,
 Чешуйчатымъ блещишь хребтомъ?
 Нѣтъ!—полкъ твой такъ, сраженный къ бою,
 Сверкающей вдали грядою
 Пойдешь чрезъ горы и лѣса;
 Столпъ огненный предъ нимъ предъидешь,
 Пучина глубины раздвинешь,
 И обновятся чудеса.

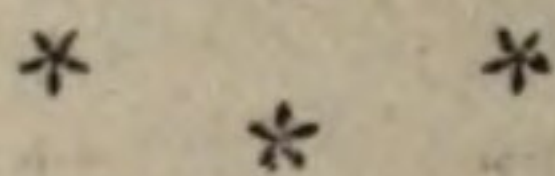
Въ броню незриму облеченна
 Юдиѣ Олферна жнешь главу,
 Самсона мышца напряженна
 Дерешь зубаспу челюсть льву;
 Бѣгъ солнца Навинъ возпрещаетъ,
 Трубъ гласомъ грады сокрушаетъ,
 Багришь спанъ ночью Гедеонъ,
 Давидъ изъ пращи метаетъ камень;
 Трясяся Голіаѣ шуманень
 Падешь предъ нимъ, какъ страшный холмъ.

* * *

Иль Пересвѣтъ съ Гигантомъ къ бою,
 Какъ вихоръ, на конѣ лепишь,
 Крестъ въ лѣвой жмешь, копье десною,
 И раздробляешь вражій щипъ.
 Вѣнцы неплѣнные плещуся,
 На челы вѣрныхъ воевъ вьюся,
 И райска ихъ кропишь роса;
 Опсупники, скрыпя зубами,
 Кровь блѣдными изъ ранъ руками,
 Опчаясь, метушь въ небеса.

*

И се Марти подъ покровомъ,
 Архангельскихъ подъ блескомъ крылъ,
 Нашъ флотъ въ спремленъи быспромъ, новомъ,
 На гордый наспунаешъ Нилъ.
 Со именемъ Цирцей волшебнымъ
 И съ скопищемъ, Хриспу враждебнымъ,
 Прошиву насъ не успоялъ.
 Луна съ креспомъ соединилась!
 Вселенна чуду удивилась:
 Знашь всѣхъ нечеспій свыше Галлъ!



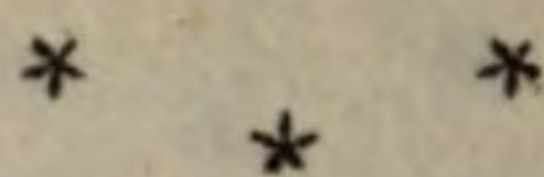
Денницу зрѣли: мудръ и славенъ
 Въ сіяньи возносился онъ;
 Рекъ: „Вышнему я буду равенъ,
 „На западъ воздвигну пронъ:—
 „Но гибельны пупи лукавы;
 „Кто свѣта Царь? Кто еспь Царь славы?
 „Кто велій Богъ?—Единъ присвяпъ!,,
 Воспѣла Херувимовъ сила,
 И грозны громы Михаила
 Сспремглавъ коварспво свергли въ адъ.

Народы міра! вразумишесь,
 Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ,
 И власполюбія спрашишесь;
 Власъ свѣше посылаетъ Богъ.
 Нѣтъ щаспія въ семь міръ чудномъ,
 Прибыткомъ, любочеспьемъ бурномъ,
 Гдѣ вервь опъ якоря сняша:
 Въ одной лишъ вѣрѣ есть блаженство,
 Въ законахъ—вольность и равенство,
 А братство—во любви Христа.

* * *

Я рѣки обрацу къ вершинамъ,
 На крыльяхъ вѣтра вознесусь;
 Велю молчать громамъ, пучинамъ,
 Лучами съ солнцемъ подѣлюсь:
 Но гдѣ предѣль ума паренью,
 Приспанище къ отдохновенью?
 Кто вшелъ небесъ на вышину?
 Никто,—лишь только Богомъ званный.
 И я—чрезъ происки коварны—
 Ни шага къ прону не шагну.

Довѣренность! ты столпъ правленья,
 Ограда непорочныхъ душъ!
 Съ побой средь змѣй, спихіевъ прѣнья,
 Покойно спишь великій мужъ.
 Снесись, о духъ, духъ благошворный!
 Въ сердца людей, на царски проны,
 И возпрещи лишь смертныхъ кровь.
 Скажи: „народъ безглавно пѣло,
 „Пещись о немъ Царей есть дѣло:
 „Живишь взаимна ихъ любовь.,,



Но кто же сей любви нелесной,
 —Чшобъ всякъ другъ друга бремя нѣсь—
 Научишь насъ? Опець небесной,
 Нашъ богочеловѣкъ Христосъ.
 Въ трудахъ онъ сущихъ успокоишь,
 Заблуждшихся въ пущи устроишь,
 Въ болѣзняхъ призришь, изцѣлишь,
 Скорбящихъ посѣпишь въ шемницѣ,
 Послѣдній лѣпъ опдасъ вдовицѣ:
 Сіе сынъ вѣры совершишь.

Кто жъ горня Іерусалима
 Наслѣдникъ сей и другъ Хрисповъ?
 Въ комъ доблестъ благодаши зрима,
 И соподвижникъ кто Петровъ?
 Не пошъ ли, сердца нѣжна свойства,
 И чувства жалоси, геройства
 Въ свяшой душѣ что совмѣспилъ;
 Отверзъ опеческія длани,
 Приемлетъ спранниковъ безъ дани,
 И душу рыцарствъ воскресилъ?

* * *

Да препояшетъ радость холмы,
 Да процвѣшетъ лице морей,
 Да водворится щасье въ дома
 Тобой, избранный изъ Царей!
 Да опдадутъ скалы кремнисты
 Обратно пѣсни голосисты,
 И лучъ, преломшись опъ спекла,
 Какъ въ воздухъ ярчѣй несется:
 Такъ опъ избытка сердца льется
 И благодарностъ и хвала.

У Р Н А.

Сраженнаго косою Сатурна,
Кого средь воющихъ здѣсь рощь
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну ночь?
Кому на ней чудесь карпина
Во мраморѣ изражена?
Крылашый жезлъ, кошурнъ, личина,
Рѣзецъ и съ лирой киспъ видна!

Надъ кѣмъ сей мавзолей священный
Вкругъ опѣняешь кипарисъ,
И лира гласы шлешь плачевны?
Кто: Меценатъ, или Медисъ
Тутъ орошается слезами?
Чьи блѣдныя лица черпы
Луной блистають межъ вѣшьями?
Кто зришься мнѣ?—Шуваловъ, ты!

Ахъ ты!—могу ль тебя оставишь
 Безъ благодарной пѣсни я?
 Тебя ли мнѣ, тебя ль не славишь?
 Я твой попомецъ и—судья.
 О нѣтъ!—ужъ Муза возлещаетъ
 Моя ко облакамъ злымъ,
 Въ слѣдъ выпреннихъ пѣвцовъ дерзаетъ
 Воспѣть тебѣ надгробный гимнъ.

Смерть мужа праведна прекрасна!
 Какъ умолкающій органъ,
 Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
 Блистаетъ, понесъ въ океанъ:
 Подобно въ неизмѣрны бездны,
 Отъ міра плѣннаго спѣша,
 Лепишь сквозь мириады звѣзды
 Блаженная твоя душа.

Или какъ странникъ, путь опасный
 Прошедшій межъ спремныхъ и горъ,
 Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
 Позады себя во шмѣ, и взоръ
 Отъ зубъ ихъ отвращая, взбѣгаетъ
 Съ весельемъ на высокій холмъ:
 Отъ міра духъ твой возлещаетъ
 Такъ вѣчноши въ прекрасный домъ.

Коль шѣнь и прообразованье
 Небеснаго сей дольний міръ,
 Съ высотъ лазурныхъ восклицанье
 И сладкое согласье лиръ
 Я слышу:—вижу, душъ блаженныхъ
 Полки встрѣчаютъ тебя идущъ!
 Въ эфирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
 Торжественную пѣснь поющъ:

Гряди къ намъ новый неба жилище!
 И опрысая прахъ земной,
 Войди въ неплѣнную обитель,
 И съ высоты ея свяшой
 Возри на доль швой смертный, слезный,
 На жизнь швою, и наконецъ
 За подвиги швои полезны
 Прими возмездіа вѣнецъ!

Ты бѣдныхъ былъ благошворитель,—
 И вѣчныхъ насладися благъ.
 Ты просвѣщенья былъ любитель,—
 И Божества сіяй въ лучахъ.
 Ты поощрялъ пѣшь славу Россовъ,
 Ты чпиль Петра, Елисаветъ:
 Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
 Здѣсь славу вѣчную поешъ!

Поэзіи безсмертно пѣнье
 На небесахъ и на земли;
 Топъ будешь гробъ у всѣхъ въ почтеньѣ,
 Надъ коимъ лавры разцвѣли.
 Науки сѣялъ благошворной
 Рукой, и возвращалъ, любя:
 Свѣшъ опъ лампады благовонной
 Возблещешь вѣчно чрезъ себя.

Планета ты,—что съ солнца міра
 Лучи бросала на другихъ;
 Ты въ славѣ не являлъ кумира,
 Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.
 Картина ты,—копорою шѣни
 Не рама въ золошѣ,—хвала;
 Великолѣпіе,—для черни;
 Для благородныхъ душъ,—дѣла.

Но мраченъ, темень сердца свишокъ,
 Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черты:
 Оселокъ честности—прибышокъ;
 На немъ блиспалъ, какъ злапо, ты.
 Какъ полное маспикъ кадило,
 Горя, другимъ ты запахъ далъ;
 Какъ полное лучей свѣшило,
 Ты дарованья озарялъ.

О! сколько юношей побою
 Познанія пріяли свѣшъ!
 Какою пламенной спруею
 Сей свѣшъ въ попомспво пропечешъ!
 Надъ царедворцовой могилой,
 Надъ вождемъ молненосныхъ грозъ,
 Когда раздаспся вздохъ унылой,
 Сверкнешъ здѣсь искра нѣжныхъ слѣзъ.

Спой, урна, вѣчно невредима,
 Шувалова являя видъ!
 Будь лирами Піишовъ чпима,
 Въ шебѣ Предсшашель ихъ сокрышъ.
 Внуши, шверди его доброшы
 Сей надписью вельможамъ въ слухъ:
 „Онъ жилъ для всенародной льгошы
 „И покровишельсшва наукъ.,,

XVI.

НА НОВЫЙ 1798 ГОДЪ.

Младый сынъ солнца на подлунный
Сей шаръ сошелъ небесъ пропой.
Кто вѣсть, какіе жребьи чудны,
Изъ урны вынувъ роковой,
Онъ бросишь по лицу земному?
Гдѣ повелишь ударишь грому?
Гдѣ радугъ изъ тучъ блистать?

Кто вѣсть, что тайно злоба люта
Предпринимаетъ средь коварствъ?
И близъ грядущая минуша
Премѣной не чревата ль царствъ?
Быть можешь, горы проваляшся,
На пошвъ ихъ моря являшся,
Для созерцанья новыхъ звѣздъ.

Кто вѣспѣ, что Галскій Вишязь Риму
 Словами только вольность давъ,
 Надѣшъ боялся діадиму;
 Но что, гордыней обуявъ,
 Еще на шагъ рѣшился смѣлый,
 И какъ Самсонъ, столпы дебелы
 Сломивъ, падешъ подъ ними самъ!

Мы видимъ троны сокрушенны
 И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ,
 На ихъ развалинахъ рожденны
 Не разцвѣшупъ ли царствы вновь?
 Мы ведро зримъ по непогодѣ:
 Блиспавшій на своемъ восходѣ
 Не тѣмилсѣяль часто въ полдень Фебъ?

Мы зрѣли подлосѣ ко преспоу
 Ползущую въ подобьи змѣй,
 Главу склоняющую долу,
 Но жалющу въ сердца людей;
 Баконъ и Мазепъ видали,
 Которые хулу сплешали
 На благодѣшелей своихъ.

Но что!—Не такъ ли вѣкъ врапишся
 Въ добръ и злѣ превожный свѣтъ?
 Здѣсь свѣшель океанъ сей зришся;
 Тамъ мраченъ, яръ, исполненъ бѣдъ;
 Спруя, въ пучинѣ погруженна,
 Взбѣжавъ сверхъ волнъ, и освѣщенна,
 Блеспишъ зарницей вдругъ, какъ лучъ!

Но пошъ блаженнѣе, кто въ тихомъ
 Заливѣ совѣспи почивъ,
 Не загруженъ добромъ, ни лихомъ,
 Спрасшей вѣприла опусшивъ,
 Ума на якорѣ глубокомъ
 Спаль въ чолнѣ, и спокойнымъ окомъ
 На суету мірскую зришъ.

Предавшися Всевышней волѣ,
 Свой вѣрно исполняя долгъ,
 Славнѣйшей не завидишъ долѣ;
 Онъ знаетъ: что даетъ то Богъ,
 Что Богъ лишъ свѣпомъ управляетъ,
 Тѣхъ взводишъ, сихъ уничижаетъ;
 Тѣхъ милуетъ, а сихъ казнишъ.

О УДОВОЛЬСТВІИ.

Прочь буйна чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной!
Проспрись вкругъ пишина священна!
Плѣнилъ меня воспоргъ свяшой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,
Не слыханну и не внушенну,
Я слабымъ смерпнымъ днесъ пою:
Всякъ преклони главу свою.

Сидяпъ на пронахъ возвышенны
Надъ всей вселенною Цари,
Ужасной спражей окруженны,
Подъемля скипшры, судяпъ при:
Но Богъ еспъ вышній и надъ ними;
Блисшая молньями своими,
Онъ свергъ Гиганшовъ съ горнихъ мѣспъ,
И перспомъ водишъ хоры звѣздъ.

Пусть занялъ юными древами
 Топь обласъ цѣлюю подь садъ;
 Топь гордъ пороною, чинами;
 Предъ шѣмъ полки рабовъ спояшъ:
 А сей звучишъ трубой военной.—
 Но въ урнѣ рока неизмѣрной,
 Кто малъ и кто великъ, забвень:
 Своимъ всякъ жребьемъ надѣлень.

Когда мечъ оспрый, обнаженный,
 Злодѣя надъ главою виситъ,
 Обиліемъ опягощенный
 Его споль вкусный не прельсшитъ;
 Ни нѣжной ципры гласъ звенящій,
 Ни пицъ весеннихъ хоръ гремѣщій
 Ужъ чувствъ его не усладятъ,
 И крѣпка сна не возвращатъ.

Сонъ сладостный не презираетъ
 Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
 Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
 Ни изменныхъ, ни пихихъ спранъ,
 На коихъ по колосьямъ нивы
 Подъ шѣнью облаковъ игривый
 Перебирается Зефиръ,
 Гдѣ царствуетъ покой и миръ.

Кто хочешь только, что лишь нужно:
 Тотъ не забоишся никакъ,
 Что море взволновалось бурно;
 Что огненный вращая зракъ,
 Медвѣдица низходитъ въ бездны;
 Что левъ, на сводъ несяся звѣздный,
 Отъ гривы сыплеть вокругъ лучи;
 Что блещетъ молнія въ ночи.

Не безпокоишся, что градомъ
 На холмахъ виноградъ побитъ;
 Что проливныхъ дождей упадомъ
 Надежда, цвѣтъ полей, не льститъ;
 Что жресть и мразъ и зной жестокий
 Поля, лѣса; а памъ въ глубоки
 Моря опломки горъ валять,
 И рыбъ въ жилищахъ ихъ шѣснять.

Здѣсь понушъ зиждущихъ плошину
 Работниковъ и зодчихъ шѣма,
 За шѣмъ, что спали Власпелину
 На сушѣ скучны шерема:
 Но и средь волнъ въ чершого входитъ
 Спрахъ, грусть и памъ вельможъ находить,
 Рой скукъ за кораблемъ жужжитъ
 И въ слѣдъ за всадникомъ лепитъ.

Когда ни мраморы прекрасны
Не уполяють скорьби мнѣ,
Ни пурпуръ, что какъ облакъ ясный,
На свѣшлой блещетъ вышиной;
Ни грозды, сокомъ наполнены,
Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
Ни благовонья ароматъ
Минушы жизни не продлятъ.

По чпожъ великолѣпьемъ пышнымъ,
Удобнымъ зависъ возраждатьъ,
По новымъ черпежамъ опличнымъ
Огромны зданья созидать?
По что спокойну жизнь, свободу,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну,
И сельскій домикъ мой—желаю
На свѣшлый блескъ двора мѣнять?

XVIII.

Н А В О Р О Ж Б У.

Не любопытствуй запрещеннымъ
Халдейскимъ мудрованьемъ знашь:
Какая естъ судьба рожденнымъ,
И сколь намъ долго проживашь?
Полезнѣе о томъ не вѣдашь,
И не гадашь, что будешь впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгаешь,
А принимаешь, что ни придетъ.

Пусть Боги свыше посылають
Жестокій зной, иль люпый мразь;
Пусть бури грозы повщоряють,
Иль грянешь громъ въ послѣдній разъ:
Что нужды?—Будь мудрѣй, чѣмъ прежде,
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
Обрѣзывай крылъ надеждъ
По крапкоспи пы дней своихъ.

Такъ.—Время злое быспропечно,
Лешишь межъ пѣмъ, какъ говоримъ;
Щиплижь веселіе сердечно
Съ пѣхъ розъ, на кои мы глядимъ;
Красуйся дня сего благими,
Пей чашу радости шеперь;
Не льспись горами золошыми
И будущему дню не вѣрь.

XIX.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Блаженъ!—кто удалясь отъ дѣлъ,
Подобно смертнымъ первороднымъ,
Орешъ опеческій удѣлъ
Не откупнымъ прудомъ, свободнымъ,
На собственнѣхъ своихъ волахъ.

Кого ужасный гласъ отъ сна
На брань, пруды не возбуждаешъ,
Морская не спрашивъ волна,
Въ судъ ябеда не призываетъ,
И господамъ не бьетъ челомъ.

Но сажашъ онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣтущи;
Иль дикихъ древъ, кривымъ ножомъ,
Обрѣзавъ пни, и плодъ дающи
Череня прививаетъ къ нимъ.

Иль зришъ вдали ходящій скопъ,
Рычащій въ вьющихся долинахъ;
Иль перечищенную льешъ
И прячешъ папоку въ кувшинахъ,
Или сприжешъ своихъ овецъ.

Но осень какъ главу въ поляхъ,
Гордась, съ плодами возвышаешъ:
Какъ радъ!—что рвешъ ихъ на вѣшняхъ,
Привишыхъ имъ,—и посвящаешъ
Даръ Богу, пурпура краснѣй.

На брегѣ ли въ правѣ гуспой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложился,
Въ лѣсу гамъ пшиць,—съ скалы крупной
Журча къ нему ручей спремился,
И все наводитъ сладкій сонъ.

Когдажъ гремящій въ пучахъ Богъ
Покроешъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищешъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонишъ, правишъ псами,
Здѣсь ловишъ волка въ пенеша.

Иль понкіе въ гумнахъ силки
На куропашокъ распавляешъ,
На рябчиковъ въ кустахъ пружки:
О коль пріятну получаешъ
Награду за свои пруды!

Но будешъ ли любовь при томъ
Со прелесными ея забыша,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовиша,
Печешся о его дѣшяхъ?

Какъ ею,—Рускихъ честныхъ женъ
 По древнему обыкновенью,—
 Весь бытъ хозяйской снаряженъ:
 Домъ шепль, чистъ, свѣплъ, и къ возвращенью
 Съ охошы мужа споль накрыплъ.

Бушылка добраго вина,
 Въ прокъ пива Рускаго варена,
 Съ грѣнками коновка полна,
 Изъ коей клубомъ лѣзешъ пѣна,
 И споль обѣденный гошовъ.

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
 Копченой окорокъ подъ дымомъ:
 Обсаженный семьей моей,
 Средь коей самъ я господиномъ,
 И шупъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

А какъ жаркой еще баранъ
 Младой, къ Пепрову дню блюденый,
 Капусты сочныя качанъ,
 Пирогъ, груздями начиненый,
 И нѣсколько молочныхъ блюдъ:

Тогда-то усприцы, го-гу,
 Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
 Лягушки, фрикасе, рагу,
 Чѣмъ окормляюшъ насъ Французы,
 И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

Межъ шѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣшь карду съ пучными волами;
Кобыль, коровъ, овецъ полна,
Дворъ рѣзвыми кишишь рабами:
Какъ весель таковый обѣдъ!

Такъ опкупщикъ вчерась судилъ,
Сбираясь бышь поселяниномъ:
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Оспался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги опдалъ въ роспѣ.

ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДИЕ.

Кто сей изъ смершныхъ дерзновенной,
За правый судъ что возжелалъ
Вънца опъ Испины священной
И лиры моя похвалъ?
Кто сей, спяжалъ копорый право
Людей сердечны сгибы знашь:
Что свято въ нихъ, и что лукаво,
Во внушренности ихъ чишаешь?
Кто думаетъ на лица сильныхъ
Не зрѣшь, и на мольбы друзей?
Опъ красоты очесъ умильныхъ
Щипишься должнѣе броней?
Кто блескомъ не прелспился злата,
Въ груди сіяющей звѣздой?
Кому взглядъ Царской, ихъ палаша,
Магнитной не были спрѣлой?
Кто забывалъ враговъ обиды,
Опъ меспи опвращалъ свой взоръ,
Прошивны, благосклонны виды,
Кому не вкрались въ приговоръ?

Кто хладно зрѣлъ на пиръ, забаву,
Подъ сѣнью роскоши не мѣлъ,
Заслуживать мірскую славу
И презирать ее умѣлъ;
Здоровья не щадя, сквозь ночи
Просиживалъ за грудой книгъ;
Оперъ невинныхъ слезны очи,
И путь пресѣкъ ко злобѣ злыхъ?
Кто, слабость смертныхъ ощущая,
Соблюлъ законовъ строгій долгъ,
Себя во ближнемъ осуждая,
Былъ вкупѣ человекъ и Богъ?
Не онъ ли есть зеркало чеспи?
Не онъ ли образецъ судей?
Премудръ, и глухъ ко гласу лести,
Не просишь похвалы ни чьей.—
Такъ, Князь! держись и ты сихъ правилъ,
И вѣрь, что похвала мечша:
Щасливъ, коль опличаетъ Павелъ,
И совѣсть у тебя чиста!

АΘИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ.

Сидѣвша объ руку Царя
 Чрезъ поприще на колесницѣ,
 Державшаго въ своей десницѣ
 Съ оливой громъ, иль чрезъ моря
 Прошекшаго въ вѣнцѣ Непшуна; —
 Или съ улыбкою форшуна
 Кому жемчужный нектаръ свой
 Носила въ чашѣ золотой —
 Блаженъ! — кпо пущь усплалъ цвѣтами
 И окурилъ алоемъ вкругъ,
 И лиры громкими спрунами
 Упѣшилъ, бранный славя духъ.

* * *

Испыпываль своихъ я силъ
 И пѣль могущихъ человѣковъ;
 А чпобъ вдали грядущихъ вѣковъ
 Ярчѣй ихъ въ мракъ блескъ свѣщилъ,
 И я не осуждался бь въ леспи,
 Для прочноспи, къ ихъ громкой чеспи
 Примѣшиваль я правды гласъ;
 Звучаль моей шрубой Парнассъ:
 Но ахъ! — позналъ, позналъ я смершныхъ,
 Чшо и великіе изъ нихъ
 Не могушъ снесшъ лучей небесныхъ:
 Мрачипшъ Богъ свѣща очи ихъ.

Такъ пусть Форшуны чада,
 Возлеги на цвѣпахъ,
 Среди обилій сада,
 Куреній въ облакахъ,
 На мѣсто чиста запаха,
 Шумихи любящъ блескъ;
 Пусть Лира шаровапа
 Ихъ умножаетъ плескъ:
 Я руки умываю
 И лести не коснусь,
 Власъ сильныхъ почишаю,
 Боговъ въ нихъ чшишь боюсь.



Я славишь мужа днесъ избралъ,
 Который сшелъ съ театра славы,
 Который удержалъ шѣ нравы,
 Какими древній вѣкъ блиспалъ;
 Не гордъ,—и жизнь ведешь просую,
 Не лживъ,—и истину свяшую
 Внимая, исполняешь самъ;
 Почтенъ опъ всѣхъ не по чинамъ.—
 Чесъ въ службѣ снисканну свободой
 Не распочилъ, а приобрѣлъ;
 Онъ взглядомъ, мужесствомъ, породой,
 Заслугой, силою—орель.

Снискашь я опъ него
 Не льщусь ни хваль, ни уваженья;
 Изъ одного благодаренья,
 По чувству сердца моего,
 Я пѣснь ему пою просую,
 Ту вспоминая былъ свяшую,
 Въ его какъ богатырски дни,
 Лѣтъ нѣсколько назадъ, въ шѣни
 Премудрой пой Жены небесной,
 Которой бодрый духъ молодой
 Садилъ въ Аѣинахъ садъ прелесной,
 И вѣкъ капился золошой.

* * *

Какъ мысль моя, подобно
 Пчелѣ, полна опрадъ,
 Шумливо, но не злобно
 Облепывала садъ
 Предметовъ ей любезныхъ;
 И взявъ съ нихъ сокъ и цвѣтъ,
 Искусствомъ спрунъ священныхъ
 Преображала въ медъ:
 Текли воспорговъ рѣки
 Изъ чувствъ души моей,
 Всѣ были чловѣки
 Въ спранѣ щасливой сей.

На бурномъ видѣль я конѣ
 Въ ристаньѣ моего Героя;
 Съ нимъ брань его, вся Троя,
 Полкъ Вишязей являлись мнѣ!
 Ихъ брони, шлемы позлащенны,
 Какъ лѣсомъ, перьемъ осѣненны
 Мнѣ явили взоръ.—А съ копій ихъ, съ мечей,
 Сквозь пыль сверкаль пожаръ лучей;
 Прекрасныхъ въ слѣдъ Пенпезилеѣ
 Спрое дѣвѣ ихъ украшали чинъ:
 Вѣнцы, Ахилла мой бодрѣе
 Низалъ на дропикъ Исполинѣ.



Я зрѣль, какъ жилистой рукой
 Онъ шесть коней на Ипподромѣ
 Вмигъ осаждалъ въ бѣгу;—какъ въ громѣ
 Онъ колесницы съ горъ, бедрой
 Своей препнувъ склоненье,
 Минерву удержалъ въ паденьѣ:—
 Я зрѣль, какъ въ дымѣ предъ полкомъ
 Онъ въ ранахъ свѣшель, бодръ лицомъ,
 Въ единоборствѣ хитръ, проворень,
 На огнескачущихъ волнахъ
 Былъ въ мрачной бурѣ шихъ, спокоень,
 Горѣла молнія въ очахъ.

Его покой—движение,
 Игра—борьба и бѣгъ;
 Забавы—пляска, пѣнье,
 И сельскихъ шма ушѣхъ,
 Для укрѣпленья шѣла.
 Его былъ домъ—друзей.
 Кто приходилъ для дѣла,
 Не запиралъ дверей;
 Души и сердца пища
 Его—несчастливымъ щипъ;
 Не пышныя жилища:—
 Въ нихъ онъ былъ знаменишъ.



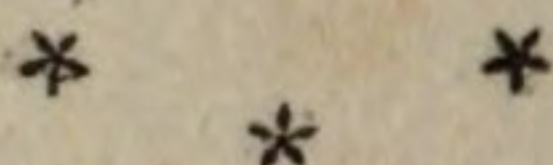
Я зрѣлъ въ Ареопагѣ сонмъ
 Богашей, ему подобныхъ,
 Сѣдыхъ, правдивыхъ, благородныхъ,
 Всѣ державшихъ, пальму, громъ.
 Они, возсѣвши за зеркаломъ,
 Въ великомъ дѣлѣ, или маломъ,
 Не зря на власъ, богашествъ покровъ,
 Произрекали судъ Боговъ:
 А гдѣ рукою руку мыли,
 Желая сильному помочь;
 Дьяки, взявъ шапку, выходили
 Съ поклономъ ошъ неправды прочъ.

Тогда не прихоть чли,—законъ,
 Лишь благу общему радѣли;
 Той подлой мысли не имѣли,
 Чшобъ полько свой набишь мамонъ.
 Вѣнцы спяжали, звуки славы,
 А деньги берегли и нравы,
 И всякую свою спупень
 Не оцѣняли всякой день;
 Хоть былъ и недругъ кпо другъ другу,
 Усердіе вело, не месъ:
 Умѣли чшишь въ врагахъ заслугу
 И опдавать доспойнымъ Chesъ.

* * *

Тогда по счешамъ знали,
 Чшо десяшь и чшо ноль;
 Піявиць унимали,
 На нихъ посыпавъ соль;
 Въ день ясный не сердились
 Зря на небѣ пашно,
 Съ ладьи лишь поропились
 Сняшь вздушо полошно;
 Кубаришь не любили
 Дѣль со дня на другой;
 Чшо можно, въ мигъ шворили,
 Оспавя свой покой.

Тогда Кулибинской фонарь,
 Чшо свѣшель издали, близъ шемень,
 Быль не во всѣхъ мѣстахъ попребенъ;
 Горѣль кристалль,—горѣль опѣ зарь;
 Спояль въ сполпахъ гранишъ средь дома:
 Опрись на нихъ,—и не солома.
 Въ Спаршанской кожѣ Персовъ духъ
 Не обаяль сердца и слухъ;
 Не по опушкѣ добродѣшель,
 Не по ходулямъ великанъ:
 Такъ мой Герой былъ благодѣшель
 Не по улыбкѣ, по дѣламъ.



О Ты, чшо правишь небесами,
 И маніемъ колеблешь міръ,
 Подъемлешь скиппръ на злыхъ съ громами,
 А добрымъ припасаетъ пиръ,
 Юпишерь!—О Непшунъ, чшо бурнымъ,
 Какъ скапершамъ, морямъ лазурнымъ
 Разлишся по землѣ велѣль,
 Брега посшавивъ имъ въ предѣль!—
 И ты, Вулканъ, чшо предъ горнами
 Въ днѣ ада молнію куешь!—
 И ты, о Фебъ, чшо намъ спрѣлами
 Злапыми свѣшъ и жизнь ліешь!

Внемлите всѣ молишву
О Боги! вы мою:
Звѣрей, рыбъ, птицъ ловишву
И благодасть свою
На нивы шамъ пошлите,
Гдѣ опсавной Герой
Мой будетъ жишь.—Продлите
Вѣкъ, здравье и покой
Ему вы безмятежной.
И ты, о милый Вакхъ!
Подъ часъ у нимфы нѣжной
Позволь спать на грудяхъ.

XXII.

НАДГРОБНАЯ ИМПЕРАТРИЦЪ
ЕКАТЕРИНЪ II.

Россія! се Екатерина,
Владычица швоя и Машъ!
Ея вселенной половина
Души не возмогла вмѣщать.

Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

Се Та, что духъ вливала славы,
Героевъ сошворишь могла,
Жестокіе смягчала нравы
И Ангель во плоти была!

Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

Се Та, что сгибъ сердець всѣхъ знала,
Плѣняла маніемъ очесъ,
Законы подданнымъ писала,
Европѣ судъ и перевѣсъ!

Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

Се Та, что скипетръ самовласья
Щедрой знала позлащать,
Свободу въ жизни, сладость счастья
Всѣмъ соспояньямъ проливать!

Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

Се Та, что и въ врагахъ почтение
Къ себѣ умѣла возбудишь,
Въ друзьяхъ любовь и обоженье,
А вообще весь міръ удивишь!

Се въ гробъ образецъ Царей!
Рыдай, рыдай, рыдай о ней.

XXIII.

НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГРАФА ЗУБОВА
ИЗЪ ПЕРСІИ.

Цѣль нашей жизни—цѣль къ покою:
 Проходимъ для того сей путь,
 Чшобы опъ мразу, иль опъ зною
 Подъ кровомъ ноши опдохнуть.
 Здѣсь намъ встрѣчаюпся спремнины,
 Тамъ перны, шамъ ручьи въ шѣни;
 Тамъ мягкіе луга, равнины,
 Тамъ пасмурны, шамъ ясны дни;
 Сей съ холма въ пропасть упадаешъ,
 А пошъ взойши спѣшишь на холмъ.

* * *

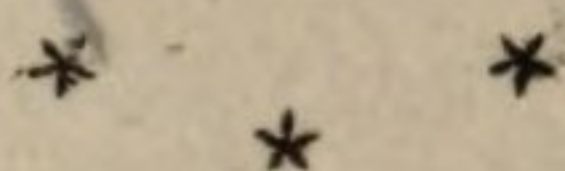
Кого же разумъ почишаешъ
 Изъ всѣхъ, идущихъ симъ путемъ,
 По самой испинѣ щаспливымъ?
 Не пѣхъ ли, чшо челомъ къ звѣздамъ
 Превознесся горделивымъ,
 Мечшаюшъ бытъ равны Богамъ;
 Чшо въ пурпурѣ и на пресполѣ
 Превыше смерпныхъ возсѣдешъ?
 Иль шѣхъ,—чшо въ хижинѣ, въ юдолѣ,
 Смирено на соломѣ спяшъ?

Ахъ нѣтъ! — не шѣ и не другіе
 Любимцы прямо сушь Небесъ,
 Которыхъ мучають страхи злые,
 Прельщаютъ сны пріятныхъ грезъ:
 Но шопъ блаженъ, кто не боится
 Фортуны потерявъ своей,
 За ней на высоту не мчится,
 Идетъ среднею стезей,
 И слѣдъ во всякомъ состояннѣ
 Цвѣтами усыпаетъ свой. —



Кто при концѣ своихъ риспаній
 Вдали зрѣть можеть за собой
 Аллею подвиговъ прекрасныхъ;
 Давъ совѣсти своей опчепъ
 Въ минушахъ свѣшлыхъ и ненастныхъ,
 Съ улыбкою часы шѣ чпепъ,
 Какъ самъ благими наслаждался,
 Какъ спасъ другихъ опъ бѣдъ, опъ нуждъ,
 Какъ быль всѣмъ добрымъ поропился,
 Разкаянья и вздоховъ чуждъ.

О юный вождь!—сверша походы
 Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
 Зрѣлъ ужасы, красы природы:
 Какъ съ ребръ шамъ спрашныхъ горъ лѣсь
 Ревушъ въ мракъ безднъ сердишы рѣки;
 Какъ съ чель ихъ съ грохопомъ снѣга
 Падущъ, лежавши цѣлы вѣки;
 Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
 Зряшъ въ мглѣ спокойно подъ собою
 Рожденъе молній и громовъ.



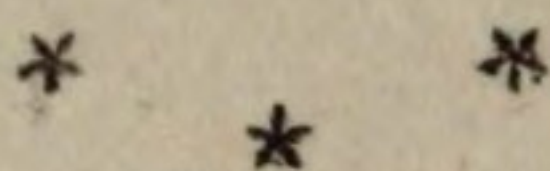
Ты зрѣлъ,—какъ ясною порою
 Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
 Средь водъ, играя, отражаясь,
 Великолѣпный кажушъ видъ;
 Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
 Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ;
 Какъ глыба шамъ сизояншарна,
 Навѣсясь, смопритъ въ темный боръ;
 А шамъ заря злапобагряна
 Сквозь лѣсь увеселяетъ взоръ.

Ты видѣль, Каспій, просягаясь,
 Какъ въ камышахъ, въ пескахъ лежишь,
 Лицемъ веселымъ осклабляясь,
 Пловцовъ ко плаванью манишь;
 И вдругъ какъ, бурей разсердясь,
 Вспаеешь въ упоръ ея крыламъ,
 То скачешь въ швердь, по въ адъ спремяся,
 Трезубцомъ бьешь по кораблямъ:
 Сполбомъ власы сѣдые выюпся,
 И гласъ его гремишь въ горахъ.

* * *

Ты видѣль,—какъ во шѣмъ сѣкушся
 Съ громами громы въ облакахъ,
 Какъ бездны пламень извергаюшь,
 Какъ въ шучахъ роешь огонь бразды,
 Какъ въ воздухѣ пары сгараюшь,
 Какъ свѣпяшь свѣчь въ лѣсахъ ряды.
 Ты видѣль,—какъ въ спеси средь зною
 Огромныхъ змѣй спога кишашъ,
 Какъ блещушь песпррой чешуею
 И льюшь, шипя, другъ въ друга ядъ.

Ты дома зрѣль Царей,—вселенну—
 Въ низу, въ верьху, ты видѣль все;
 Упадшу спицу, вознесенну,
 Верпяще міра колесо.
 Ты зрѣль—и какъ въ врапахъ желѣзныхъ,
 (О! вспомни ты о семъ часѣ!)
 По духу войскъ, побой веденныхъ,
 По младоспи швоей, красѣ,
 По быспромъ Персовъ покореньи
 Въ тебѣ я Александра чпиль!



О! вспомни, какъ въ шомъ восхищеньи,
 Пророча, я тебя хвалиль:
 Смопри,—я рекъ,—тріумфъ минушу,
 А добродѣпель вѣкъ живешъ.
 Сбылось!—Игру днесъ щасстья люшу,
 И какъ оно къ тебѣ хребешъ
 Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
 Ты видишь,—видишь, какъ мечшы
 Сіянье вкругъ тебя заснуло,
 Прошло,—оспался только ты.

Остался ты!—и та прекрасна
 Душа почтенна будешь въ вѣкъ,
 Съ копорой ты внималъ несчастна
 И былъ въ вельможѣ чловѣкъ,
 Который съ сердцемъ опкровеннымъ
 Своихъ и чуждыхъ принималъ,
 Старѣйшихъ вокругъ себя надменнымъ
 Воззрѣніемъ не огорчалъ.
 Ты былъ чшо есшь,—и не спрашися
 Объяшя друзей своихъ.



Приди ты къ нимъ! Иль уклонися
 Познашь премудрость царствъ иныхъ.
 Учишься никогда не поздно,
 Исправь поспупки юныхъ лѣшъ;
 То сердце прямо благородно,
 Чшо ищешь надъ собой побѣдъ.
 Смопри, какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
 Суворовъ швердъ, великъ всегда!
 Спупай за нимъ!—небесъ въ лазурѣ
 Еще горилъ его звѣзда.

Кто былъ на тысящѣ сраженьяхъ
 Непобѣдимъ, а побѣдилъ,
 Нѣтъ нужды въ блескахъ, въ украшеньяхъ
 Тому, кто царство покорилъ!
 Умѣй лишь сдѣлаться извѣстнымъ
 По добродѣтелямъ своимъ,
 И не пужи по снамъ прелеснымъ,
 Мечтавшимся очамъ своимъ:
 Они прошли, и возвращаясь;
 Пройши вновь могутъ, и приши.



Какъ страннику въ пущи встрѣчашься
 Со многимъ должно, и ищи,
 И на горахъ и подъ горами,
 Роскошничать и гладъ перпѣшь:
 Бываетъ пакъ со всѣми нами,
 Премѣны рока долгъ нашъ зрѣшь.
 Но кто былъ мужественъ душою,
 Шелъ равнодушнѣй симъ пушемъ,
 Тотъ ближе былъ къ тому покою,
 Къ которому мы всѣ идемъ.

XXIV.

КАПНИСТУ.

Спокойсва просишь опъ Небесъ
Заспиженный въ Каспійскомъ морѣ,
Коль скоро ни луны, ни звѣздъ
За пучами не зришь, и вскорѣ
Ждешь корабельщикъ бѣдъ опъ бурь.
Спокойсва просишь Персъ пужливый,
Туркъ гордый, Россъ власполюбивый,
И въ ризѣ шолковой Манжуръ.

Покою, мой Капнисшъ! покою,
Копораго не лзя купишь
Казной серебряной, злапою,
И багрянницей замѣнишь.
Сокровищми всея вселенной
Не можешь опъ души смященной
И самый Царь опгнашь забошъ,
Толпящихся вокругъ ворошъ.

Щаспливъ пошъ, у кого на споль,
 Хоть не роскошный, но опрашный,
 Родительскіе хлѣбъ и соль
 Поспавлены, и сонъ пріашный
 Когда не опняшъ у кого
 Ни спрахомъ, ни спяжаньемъ подлымъ:
 Кпо малымъ можешъ быть довольнымъ,
 Богаче Креза самаго.

Такъ для чегожъ въ шоль крапкой жизни
 Мешашся намъ шуды, сюды,
 Въ другія земли изъ опчизны
 Скакашъ опъ скукъ или бѣды,
 И чуждымъ солнцемъ согрѣвашся?
 Опъ пепелища удаляшся,
 Опъ родины своей, кпо мнишъ:
 Топъ самаго себя бѣжишъ.

Заботы наши и бѣды
 Вездѣ послѣдуюшъ за нами,
 На корабляхъ чрезъ волны, льды,
 И конницы за пороками;
 Быспрѣй оленей и погодъ,
 Спадами облаки женущихъ,
 Лешяшъ онѣ, и всюду сущихъ
 Терзаюшъ человѣковъ родъ.

О! будь судьбѣ твоей послушнымъ,
 Преспань о будущемъ вздыхашь;
 Веселымъ нравомъ, равнодушнымъ
 Умѣй и горесть улаждашъ.
 Довольнымъ бышь, неприхотливымъ,
 Сіе-то есть, что бышь счастливымъ:
 А совершенныхъ благъ въ сей вѣкъ
 Вкушашъ не можешъ человѣкъ.

Вѣкъ Задунайскаго увяль,
 Доспойный въ памяти оспашься!
 Римникскаго печалень спашъ;
 Сей мужъ, рожденный прославляшъся,
 Проводишъ нынѣ мрачны дни:
 Чегожъ не приключишъ съ нами?
 Что мнѣ предписано судьбами,
 Тебѣ опкажущъ въ томъ они.

Когда въ Обуховкѣ, спремяшъся,
 Твоей, спада блея на лугъ,
 Съ зеленаго холма глядяшъся
 Въ текущій спкляный Псіоль вокругъ;
 Когда воли и кобылицы
 Чешверомѣсною колесницы
 Твоей краса, и чешъ плуговъ,
 Блещашъ, и садъ швой шмой плодовъ—

Когда шебя въ темнозелену,
 Подругу въ пурпурову шаль
 Твою я вижу облеченну,
 И прочь бѣжишь опъ васъ печаль; —
 Какъ вокругъ васъ радости и смѣхи,
 Невинны сельскія ушѣхи,
 И хоры дѣвъ поюшъ весну:
 То скука васъ не шлепъ ко сну.

А мнѣ Пепрополь населяшъ
 Когда велишь судьба съ Миленой:
 Къ опрадѣ домъ дала и садъ,
 Сей жизни скучной, развлеченной,
 И нѣкую Поэша шѣнь,
 Да правду возглашу свяшую. —
 Умѣй презрѣшь и шы злашую,
 Злословну, площадную чернь.

XXV.

О Р Е Л Ъ.

Носишель молніи и грома
 Всесильнаго Петрова дома!
 Куда несешься съ высоты?
 Принявъ перуны въ кохши мочны,
 Куда паришь, Орель полночный!
 И на кого ихъ бросишь ты?

Еще ль, по манію Беллоны,
 Спремишься въ прахъ низвергнувъ троны,
 Брашь царсвы, Королей плѣнишь?—
 Нѣшь, нѣшь; предъ Павла знаменами
 Ты съ Росскими лешишь полками
 Пресполы падши возносишь.

Гряди спасаешь Царей, Суворовъ!
 Избавишь царсвы опъ раздоровъ
 И власъ въ порфиру облеши;
 Соименишому Герою
 Подобно, ты рождень судьбою
 Коварсва узелъ разсѣши.

Часть II.

7

Гряди, Алкидъ! на гидру дерзку,
 Смири ея пы люшосшь звѣрску,
 Спаси опъ бѣдъ вселенну вновъ:
 Ужасно жалъ ея сверканье,
 Тлешворно, пагубно дыханье,
 И смертно ядовиша кровь.

Но пы одѣшъ въ броню неплѣнну,
 Въ надежду, вѣру несумнѣнну,
 Любовью выпренней горишь,
 Полкъ Ангелъ предъ побой сомкнешся:
 И зло шебъ не прикоснешся,
 Рога пы буйспву сокрушишь.

Съ побою Богъ идешь—и Россы,
 Во знаменье побѣдъ, колоссы
 Воздвигнушь по швоимъ слѣдамъ;
 Слухъ пройдетъ въ позднее попомспво:
 „Тобой сперъ Павелъ вѣроломспво
 „И скиптры возвратилъ Царямъ.

XXVI.

НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛІИ.

Ударь во сребренный, священный,
Далеко-звонкій, Валка! щипъ:
Да громъ пвой, эхомъ повпоренный,
Въ жилищѣ Бардовъ возшумишь.
Вспаюшь.—Спо арфъ звучашь спрунами,
Предъ ними спо дубовъ горяшь,
Опъ чаши круговой зарями
Сѣдя чела въ шѣмъ блестяшь.

Но кто тамъ бѣлыхъ волнь шуманомъ
Покрышь по персямъ, по плечамъ,
Въ спальномъ dospѣхѣ свѣшишь рдяномъ,
Подобно синя моря льдамъ?—
Кто, на копье склонясь главою,
Собышье слушаетъ временъ?—
Не пошь ли, древле чпо войною
Попрясь Парижскихъ птвердостъ спѣнь?

Такъ; онъ плѣняется пѣвцами,
 Поющими его дѣла,
 Смоля, какъ блещетъ бисеръ лучами
 Сквозь тѣмну времени его хвала.
 Такъ онъ!—Се Рюрикъ торжествуетъ
 Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ,
 И перстомъ долу показываетъ
 На Росса, что по немъ идетъ.

„Се мой (гласитъ онъ) воевода!
 „Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ,
 „Вождь бурь полночнаго народа,
 „Девятый валъ въ морскихъ волнахъ,
 „Звѣзда прешедша міра пропы,
 „Копорой слѣдъ огня черпы,
 „Мечъ Павловъ, щипъ Царей Европы,
 „Князь славы!„—Се, Суворовъ, пы!

Се пы, вѣковъ явленье чуда!
 Сбылось пророчество, сбылось!
 Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
 Герой мой, вновь свой лавръ вознесъ!
 Уже вступилъ онъ въ славны слѣды,
 Что древній випязь проложилъ;
 Ужъ водитъ за собой побѣды
 И лики сладкогласныхъ лиръ.

XXVII.

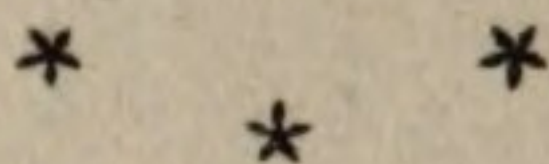
НА ПЕРЕХОДЪ АЛПІЙСКИХЪ ГОРЪ.

Сквозь пучи вкругъ лежащи, черны,
 Твой горній кроющій полешъ,
 Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
 Ты грянулъ наконецъ!—И свѣпъ,
 Опъ молніи твоей горящій,
 Сердца Алпійскихъ горъ попрысшій,
 Спруей вселенну пролешѣлъ;
 Чрезъ неприспупны переправы
 На высотѣ пы новой славы
 Явился, сѣверный Орелъ!

* * *

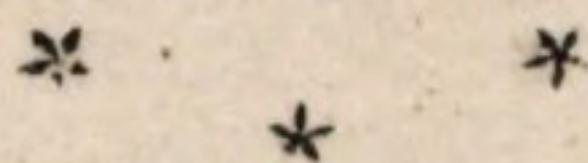
О радостъ!—Муза! дай мнѣ лиру,
 Да вновъ Суворова пою!
 Какъ слышанъ громъ за громомъ міру,
 Да слышишь всякъ шакъ пѣснь мою!
 Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
 Лечу моимъ за нимъ я духомъ
 Чрезъ доли, холмы и лѣса;
 Зрю, близъ меня зіяють ады,
 Надъ мной шумящи водопады,
 Какъ бы склонились небеса.

Идешь въ веселіи геройскомъ
 И пихимъ маніемъ руки,
 Повелѣвая сильнымъ войскомъ,
 Сзываетъ вкругъ себя полки.
 Друзья! онъ говоритъ: извѣстно,
 Чшо Россамъ мужество совмѣстно;
 Но нѣтъ теперь надежды вамъ.—
 Кто вѣрѣ, чести другъ неложно,
 Умреть иль побѣдитъ здѣсь должно:
 Умремъ!—кликъ впоритъ по горамъ.



Идешь,— о зрѣлище прекрасно,
 Гдѣ прямо вѣрностью горя,
 Гопово войско въ брань безспрашно!
 Вспааетъ межъ ихъ любезна пря:
 Всѣ движутся на смерть послушно,
 Но не хопятъ великодушно
 Итти за Вождемъ назад;
 Сверкаютъ копьями, мечами.
 Какъ холмъ объемлется волнами,
 Идешь онъ съ шумомъ—впереди.

Ведешь въ пущи непроходимомъ
 По темнымъ дебрямъ, по пропамъ,
 Подъ заревомъ, опъ молнии зримомъ,
 И по бѣгущимъ облакамъ;
 День,—нощъ ему среди шумановъ,
 Нощъ,—день опъ громовыхъ пожаровъ;
 Несется въ бездну по вервьямъ,
 По камнямъ лѣзетъ вверху изъ бездны,
 Мосты ему дубы зажжены,
 Плынешъ по скачущимъ волнамъ.



Ведешь подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ,
 Подъ ужасомъ природы всей;
 Встрѣчается среди и рядомъ
 На каждомъ шагѣ съ тѣмой смершей;
 Опвсюду окруженъ врагами,
 Водой, горами, небесами
 И воинствомъ пропивныхъ силъ.
 Вблизи падушъ со прескомъ холмы,
 Вдали шамъ гулы ропчущъ, громы,
 Скрежещеть блѣдный голодъ въ пыль.

Ведешъ—и нѣкая громада,
 Гигантъ предъ нимъ возспалъ въ пущи,
 Главой небесъ, ногами ада
 Касаяся, прешипъ иппи.
 Со ребръ его шумящъ внизъ рѣки,
 Предъ нимъ мелькающъ дни и вѣки,
 Какъ вокругъ волнующійся паръ;
 Ничто его не попрясаешъ,
 Онъ громъ и бури презираешъ,
 Нахмурясь смоприсъ Сен-Гопаръ.

* * *

А шамъ волшебница сѣдая
 Лежищъ на высотѣ холмовъ,
 Дыханьемъ солнце отражая,
 Блещипъ вдали огнями льдовъ,
 Копорыми одѣша зришся:
 Она на всю природу злишся,
 И въ спрашныхъ иниспыхъ скалахъ,
 Нависнурыхъ снѣговъ слоями,
 Гопова задавищъ горами,
 Иль въ хладныхъ задушищъ кохпяхъ.

А шамъ, невидимой рукою
 Проспертое съ холма на холмъ
 Чудовище, какъ мостъ длиною,
 Рыгая дымъ и пламень рпомъ,
 Бездонну челюсть разверзаетъ,
 Въ единый мигъ полки глотаетъ;
 А шамъ—пещера черна спитъ
 И смершнымъ мракомъ взоры кроетъ,
 Какъ бурею, горпанью воеетъ:
 Предъ ней Опчаянье сидитъ.

* * *

Пришедши къ чудамъ симъ природы,
 Чшобъ славный учинилъ Язонъ?
 Соспавила бь Медея воды,
 А онъ на нихъ навелъ бы сонъ.
 Но въ Россѣ нѣтъ коварствъ примѣра;
 Крылъ его супъ должностъ, вѣра
 И исполинской славы прудъ.
 Корабль на парусахъ какъ въ бурю
 По черному средь волнъ лазурю,
 Такъ онъ лепитъ въ опасный путь.

Ужь пучи супоспанъ засѣли
 По высопамъ, въ ущельяхъ горъ,
 Ужь глыбы, громаи полешѣли
 И освѣпили молнии взоръ;
 Власы у храбрыхъ вспали дыбомъ,
 И къ сей опвагѣ, спрашной дивомъ,
 Склонился въ помощь сводъ небесъ.
 Съ него зря бѣдспвія долики,
 Трепещешь въ скорби Петръ Великій:
 Гдѣ Россъ мой?—слѣдъ и слухъ исчезъ.



Но что! не духъ ли Оссіана,
 Пѣвца шумановъ и морей,
 Мнѣ кажешь подъ луной Морана,
 Какъ шель онъ на Царя Царей?
 Нѣтъ, зрю Массена подъ землею
 Съ Римникскимъ въ шѣмѣ сошлись къ бою:
 Чело съ челомъ,—глаза горятъ;—
 Не громаи съ громами дерущся?—
 Мечами о мечи сѣкутся,
 Вкругъ сыплютъ огонь:—хохочешь адъ.

Ведешь шуда, гдѣ въспрь не дышешь
 И въ висопахъ и въ глубинахъ,
 Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышишь,
 Капнящихся на крупизнахъ.
 Ведешь—и скрышь ужъ въ мракъ гроба,
 Ужъ съ хладнымъ смѣхомъ шепчешь злоба:
 Погибъ средь дерзкихъ онъ пупей!
 Но Россу гдѣ и чшо преграда?
 Съ побою Богъ!—И горь громада
 Раздвиглась силою швоей.

* * *

Какъ левъ могущій, оплученный
 Ловцовъ коварствомъ опъ дѣшей,
 Забралъ препяшствомъ раздраженный,
 Бросая пламя изъ очей,
 Вдымая спрашну гриву гнѣвомъ,
 Крупя хвостомъ, рыкая зевомъ,
 И прескача преграды, вдругъ
 Ломаешь копья, луки, стрѣлы:
 Чрезъ непроходны такъ предѣлы,
 Тебя, Герой!—провель швой духъ.

Или Везувія въ упробѣ
 Какъ споря океанъ съ огнемъ,
 Спирающъ въ непрерывной злобѣ
 Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ,
 Клокочущъ глухо въ мракъ бездны;
 Но хладъ прорветъ какъ сводъ желѣзный,
 На воздухъ льется пламень, дымъ:
 Таковъ и Россъ, средь горныхъ споровъ;
 На Галла спалъ ногой Суворовъ,
 И горы преснули подъ нимъ.



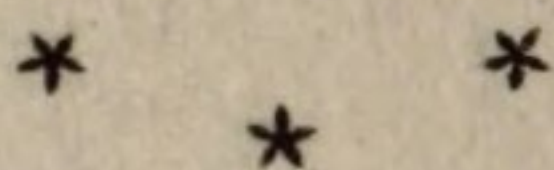
Дадише ль вѣру вы, попомки,
 Толь спрашныхъ одолѣнью силъ?
 Дѣла Героевъ древнихъ громки,
 До волнъ Средьземныхъ доходилъ
 Алкидъ, и знакъ свой памъ поспавилъ
 На то, чѣмъ смершнй шрудъ оспавилъ
 И далъ не дерзалъ бы взоръ:
 Но, сильный Геркулесъ Россійскій!
 Тебѣ сполпы его знашь низки;
 Шагаешь ты чрезъ цѣпи горъ.

Идешь—одѣвъ съдымъ шуманомъ —
 По безднамъ спрашный Исполинъ;
 За нимъ лепишь въ доспѣхъ рдяномъ
 Во слѣдъ молодой пшенець Орлинъ.
 Кто вишязь сей багрянородный,
 Соименимый и подобный
 Владыкъ Византійскихъ странъ?
 Еще Россъ выше вознесешся,
 Когда и впредь не опречешся
 Несъ Константинъ воинскій санъ.



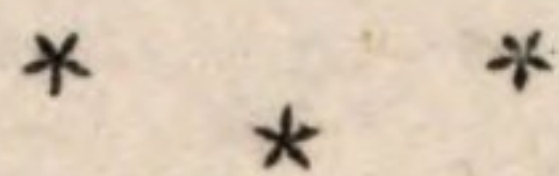
Ужъ сыплются со скалъ безмѣрныхъ
 Полки сквозь облаковъ, какъ дождь!
 Ужъ мечутся въ враговъ надменныхъ:
 Въ душахъ ихъ слава, Богъ и Вождь;
 Къ опечеснву, къ Царю любовью,
 Или врожденной бранной кровью,
 Иль къ вѣрѣ, вѣрой всякъ крылашъ.
 Не могушь счесать мои ихъ взоры,
 Ни всѣхъ наречь:—какъ молнии скоры,
 Вокругъ я блескомъ ихъ обьяшъ.

Не Гозано ль памь Богомъ данный
 Еще съ чудовищемъ въ рѣкѣ
 На смертный бой, самоизбранный,
 Плывешъ со знаменемъ въ рукѣ?
 Копье и мечъ изъ пвердой спали,
 О чешую преломшись, пали:
 Спаль безоружень и одинъ.
 Но, не уважа люпымъ жаломъ,
 Разишъ онъ звѣря въ грудь кинжаломъ —
 Нѣшъ, нѣшъ, се ты, Россіянинъ!



О сколько храброспи Россійской
 Примѣровъ видѣль уже свѣшъ!
 Европа и предѣль Азіійской
 Тому свидѣтельспвы даешъ.
 Кшо хочешъ, спань на холмъ высоко,
 И кинь со мной въ долину око
 На ппицъ, на сей парящихъ спанъ.
 Зри: въ воздухъ склубясь волниспомъ,
 Какъ грудью бьешъ соколъ ихъ съ свиспомъ:
 Спремглавъ падешъ сраженный вранъ.

Такъ козни зла всѣ упадающе,
 О Павелъ, подѣ твоей рукой!
 Народы длани просширающе,
 Опѣ бѣдѣ спасенные Тобой.
 Но былибѣ щаспливѣй спокрашно,
 Коль знали бы цѣнишь обрашно
 Твою къ нимѣ милосѣ, свяносѣ крыль:
 Во храмѣжѣ славы писъменами
 Злапыми, чшпимыми вѣками,
 Всѣмѣ правда скажетъ: „Царь ты силъ!“,



Изъ мраковъ воспашающе Спигійскихъ
 Евгеній, Цесарь, Ганнибалъ,
 Проходѣ чрезъ Алпы войскъ Россійскихъ
 Ихъ души славой обуяль.
 „Кшо, кшо—вѣщающе съ удивленьемъ,—
 „Съ такою смѣлосѣю, спремленьемъ,
 „Прешель прошивъ природы силъ
 „И вражьихъ шьмы попралъ запворовъ?
 „Кшо больше насъ?—Твой блескъ, Суворовъ!
 „Главы ихъ долу преклонилъ.

Возьми кто лѣтопись вселенной,
 Геройскія дѣла чишай,
 Цѣня ихъ истиной священной
 Съ Суворовымъ соображай;
 Ты зришь тѣхъ слабость, сихъ пороки
 Поколебали духъ высокій:
 Но онъ изъ младости спѣшилъ
 Ко доблести простерть лишь длани;
 Куда ни посланъ былъ на брани,
 Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

* * *

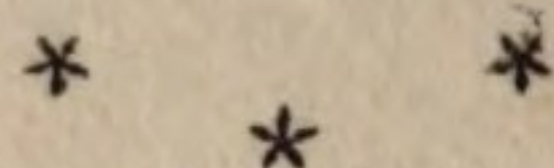
О ты, спрана, гдѣ были нравы,
 Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ!
 На поприще копорой славы
 Могуцій Леопольдъ не могъ
 Силь капли поглотить силь моремъ,
 Гдѣ жизнь онъ кончилъ бѣдствомъ, горемъ!
 Скажи, скажи вселенной ты,
 Гельвеція!—бывъ нашъ свидѣтель:
 Чья Россовъ пверже добродѣтель?
 Гдѣ больше духа высоты?

Промчижъ, о Русса! шы Секванъ,
 Скорѣй духъ Рускій, Павла мочь,
 Цареубійць въ вершепъ, въ спанъ,
 Ближайшу возвѣщая ночь.
 Скажи: въ рукахъ съ перуномъ Павелъ,
 Или хранишель міра, Ангель,
 Гремипъ, являя власъ свою;
 Преспаньше нарушапъ законы,
 И не прясипе больше проны,
 Внемлипеш испину сію:

* * *

„Днесъ звѣрспво ваше спало наго,
 „Вы рвепешъ за прибышокъ свой:
 „Воюешъ Россъ за обще благо,
 „За свой, за вашъ, за всѣхъ покой.
 „Вы жерспва лжи и своевольспва,
 „Онъ жерспва долга и геройспва;
 „Въ васъ равенспва мечпа,—въ немъ чинъ;
 „Суля вы вольноспъ,—взяли дани;
 „Въ заципу царспвъ просперъ онъ длани;
 „Вы чада пьмы,—онъ свѣпа сынъ.

Вамъ видимъ бѣгъ свѣшилъ небесныхъ;
 Не правишь ли ихъ умъ единъ?
 Въ словесныхъ шваряхъ, безсловесныхъ,
 У всѣхъ есть вождь, иль господинъ;
 Спихіевъ разнось, разноспрасье,
 Верховный умъ, ихъ всѣхъ согласье;
 Монарша цѣпь есть цѣпь сердець.
 Царь мнѣній связь, всѣхъ дѣйствъ причина,
 И крошка власъ опца едина
 Живаго Бога образецъ.



Гдѣжъ скрыта къ правдѣ сей дорога,
 Гдѣ въ вольнодумномъ сердцѣ мняшь:
 Нѣшь царской спешени, нѣшь Бога—
 Быть щещно счастливы хопяшь.
 Ищай себѣ въ народѣ власи,
 Попри свои всѣхъ прежде спроси:
 А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
 Но гдѣжъ, гдѣ ваши Цинциннапы?
 Вы мнише только быть богаты;
 Корысти чуждъ прямой Герой.

О доблесть воиновъ избранныхъ,
 Собранныхъ лавры съ тьмы побѣдъ,
 Безсмертной славой осіянныхъ,
 Какой не видывалъ сей свѣтъ!
 Вамъ предоспавлено судьбами
 Рѣшить споръ ада съ небесами:
 Сообщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
 Законамъ еспешивать вспахъ новымъ,
 Споятъ ли олпарямъ Хрисповымъ,
 И бытъ, или не бытъ Царямъ?

* * *

По доблести, — Царямъ сокровный;
 По вѣрности, — пресполовъ щипъ;
 По вѣрѣ, — камень царствъ угольный;
 Вождь, — знаньемъ браннымъ знаменишъ:
 Въ копоромъ мудрость съ добропою,
 Терпѣнье, храбрось съ быспропою
 Вмѣспились всѣхъ изящныхъ душъ!
 Сражаясь вѣры со врагами,
 И небо поддерживавъ плечами,
 Дерзай! великій Богомъ мужъ.

*

Дерзайте!—вижу съ вами ходишь
 Топь объ руку во всѣхъ пущахъ,
 Чпо перстомъ круги звѣздны водишь
 И молнію на небесахъ.
 Онъ рекъ,—и пучи удалились;
 Велѣлъ,—и холмы уклонились;
 Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ.
 Пріятна смерть Христа въ любви,
 И капли вашей святы крови:
 Еще ударъ—и гдѣ нашъ врагъ?

* * *

Услышите!—вамъ соплещутъ други,
 Поешь Христова церковъ гимнъ:
 За ваши для Царей заслуги,
 Цари вамъ данники опнынь.
 Доколь печешь прозрачна Рона,
 Попомство поздно безъ урона
 Узришь въ ней вашихъ бипвъ зари;
 Опнынъ горы въ вѣкъ Алпійски
 Пребудутъ Россовъobeliski,
 Дымящи холмы олшари.

XXVIII.

С Н И Г И Р Ь.

Что ты заводишь пѣсню военну
 Флейшъ подобно, милый Снигирь?
 Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на Гіенну?
 Кто теперь вождь нашъ? Кто богатырь?
 Сильный гдѣ храбрый, быспрый Суворовъ?
 Съверны громы въ гробъ лежатъ.

Кто передъ рапью будешь, пылая,
 Ъздишь на клячѣ, ѣшь сухари;
 Въ спужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя,
 Спать на соломѣ, бдѣшь до зари;
 Тысячи воинспѣвъ, спѣнь и запворовъ,
 Съ горстью Россіянъ все побѣждаешь?

Бышь вездѣ первымъ въ мужеспѣвъ спрогомъ,
 Шупками зависпѣ, злобу шпыкомъ,
 Рокъ низлагашъ молишвой и Богомъ,
 Скипшры давая, звашся рабомъ,
 Доблеспей бывъ спрадалецъ единыхъ,
 Жишь для Царей, себя изнуряешь?

Нѣтъ теперѣ мужа въ свѣтѣ споль славна:
Полно пѣтъ пѣсню военну, Снигирь!
Бранна музыка днесъ не забавна,
Слышанъ опвсюду томный вой лиръ;
Львинова сердца, крыльевъ орлиныхъ,
Нѣтъ уже съ нами!—что воевать?—

XXIX.

П Р А В О С У Д І Е.

И такъ спойшь ты твердо въ помъ,
Что мершвые, что съ нами жили,
И въ жизни сей несытымъ рпомъ
Благъ чашу незаконно пили,
По смерти могутъ избѣжать,
Чтобы предъ Божій судъ не спастъ?

Нѣтъ! — знай, что правосудья око,
Хоть бодрспивуетъ межъ звѣздъ высоко,
Но опъ небесъ и въ бездны зришь:
Тѣхъ милуетъ, а шѣхъ казнишь
И здѣсь въ сей жизни скоропечной,
И шамъ, и шамъ, по смерти въ вѣчной.

Двойкъ за мрачнымъ гробомъ пушь,
Копорымъ злые и благіе
Предъ Вседержителя идушь.
О! вѣрно такъ. А есѣлибъ злые
И добрые всѣ равну часъ
Могли въ награду принимашъ,

И всѣхъ земное бѣ заключало
 Ихъ нѣдро въ равну, вѣчну тьму:
 Ахъ! чшобы, человѣкъ, мѣшало
 Тогда злодѣйству швоему?
 Грабь, раззоряй, рѣжь, спавь правдивоспъ
 Въ ничшо, и совѣспъ и спыдливоспъ.

Ты можешь все, вся шварь швоя....
 Нѣспъ, спой!—еспъ Богъ, еспъ Вседержишель,
 Живыхъ и мерпвыхъ еспъ Судья,
 Еспъ нашихъ шайныхъ дѣль цѣнишель;
 При имени его одномъ
 Трасепъ всю поднебесну громъ.

Боюся я его прещенья,
 Благоговѣю передъ нимъ,
 Изъ одного долгошерпѣнья
 Онъ щаспье, славу днямъ швоимъ
 И продолженіе даруешъ.
 Спрашисъ, когда вознегодуешъ!

XXX.

Б У Р Я.

Судно, по морю носимо,
Рѣешъ между черныхъ волнъ;
Бѣлы горы идушъ мимо,
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.

Кто изъ пучь бѣгущій пламень
Гасишъ надъ моей главой?
Чья рука за пвердый камень
Малый чолнъ заводишъ мой?

Ты, Творецъ, Господь всесильный,
Безъ копораго и власъ
Не погибнешъ мой единый,
Ты меня опъ смерти спасъ!

Ты мнѣ жизнь мою пробавилъ,
Весь мой духъ Тебѣ опкрышъ;
Въ сонмъ вельможъ меня поставилъ:
Будь средь нихъ мой вождь и щипъ.

XXXI.

ХРАПОВИЦКОМУ.

Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я къ себѣ твои;
Ты ошибки, лещь и враки
Кажешь праведно мои:
Но съ побой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я орелъ.

А по твоему коль спанешь,
Ты мнѣ пущы развяжи;
Гдѣ свободно громъ мой грянешь,
Ты мнѣ небо покажи;
Гдѣ я въ поприще пущуся
И препонъ бы не имѣлъ?

Гдѣ черпогъ найду я правды? —
Гдѣ увижу солнце въ тѣмѣ? —
Покажи мнѣ тѣ ограды
Хоть близъ прона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допускали
И любили бы ее.

Спраха связаннымъ цѣпями
 И рожденнымъ подъ жезломъ,
 Можноть орлими крылами
 Къ солнцу намъ парить умомъ?—
 А хопябъ и возлешали:
 Чувспвуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда спарашься,
 Чшобы сильнымъ угождашь,
 Ихъ любимцамъ покланяшься,
 Словомъ, взглядомъ ихъ ласкашь.
 Рабъ и похвалишь не можешъ,
 Онъ лишъ можешъ только льспишь.

Извинишь, мой другъ, коль лесшно
 Я кого гдѣ воспѣвалъ;
 Днесъ скрываешь мнѣ шѣхъ безчешно,
 Разъ кого я воспѣвалъ.
 За слова—меня пусшь гложешъ,
 За дѣла—саширикъ чшишь.

XXXII.

НА ВОЗШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРА-
ТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Вѣкъ новый! Царь молодой, прекрасный
 Пришелъ днесъ къ намъ весны спезей!
 Мои предвѣстья велегласны
 Уже сбылись, сбылись судьбой.
 Умолкъ ревъ Норда сиповашый,
 Закрылся грозный, спрашный взглядъ;
 Зефиры вспорхнули крылапы,
 На воздухъ вѣющъ аромашъ;
 На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
 Во всей Европѣ миръ цвѣшетъ.

* * *

Желанный всѣми неба жишель,
 Ты, миръ! пришелъ къ намъ наконецъ;
 Народовъ многихъ ушѣшишель,
 Опрада царствъ, покой сердець,
 Пришелъ къ намъ ангель благодатный.
 Коль шествіе твое красно!
 Коль намъ лучи твои пріятны!
 Тобою все оживлено.
 Се время намъ благопоспѣшно,
 Се день спасенья и утѣхъ!

Уныла Муза, въ дни Борея
 Дерзавшая вслухъ пѣсни пѣшь,
 Блаженству общему радѣя,
 Уроки для владыкъ гремѣшь!
 Передъ Царемъ днесь благосклоннымъ,
 Взявъ лиру, прахъ съ нея спряси,
 И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ
 Вѣщай, греми, звучи, гласи
 Того ты на пресполь вспупленье,
 Кого воспѣлъ я въ пеленахъ.



Уже какъ пупникъ упомленный,
 Прешедшій дальній, пѣсный пупъ,
 На лугъ, древами осѣненный,
 Возлежъ опъ зноя опдохнушь;
 И внемя вѣперковъ дыханье,
 Шумъ быспрыхъ водъ, цвѣшы вокругъ,
 И нимфъ и ппицъ совосклищанье:
 Такъ мой весельемъ полный духъ,
 Подъ скипетромъ Твоимъ покоясь,
 Прохладой дышешь, и поешь.

На темный вижу шарь подлунный
 Съ равнинъ небесныхъ горнихъ мѣспъ
 Овень молодой, золопорунный,
 Незапно вшелъ, и спалъ средь звѣздъ.
 Не крошоспи ль символъ въ немъ зришся?
 Не возрожденъе ль прежнихъ благъ?
 Екатерина воскресишся
 Знашь Александра въ временахъ:
 Такъ, такъ, она во внука будешъ
 Надъ нами царшвовашъ во вѣкъ.



Осанка, скромность и пріятность,
 Ея въ Немъ видѣнь духъ и умъ:
 Усердье, ревность къ нимъ и святость
 Въ полсвѣшъ воздвигающъ шумъ.
 Смопри! — другъ другу всякъ вѣщаешъ:
 Не образъ ли Ея на немъ?
 Ужъ по законамъ общаешъ
 Онъ бышъ, по сердцу ей, царемъ.
 О радость! духъ воспоргъ объемлешъ,
 Се вижу въ облакахъ она!

Споишъ въ порфирѣ — и вѣщаетъ,
 Сквозь дверь небесну долу зря:
 „Се небо нынѣ посылаетъ
 „Вамъ внука моего въ Царя.—
 „Внимають вы прежде не хошѣли,
 „И презрили мою любовь;
 „Вы сами опъ себя шерпѣли,
 „Я нынѣ васъ спасаю вновѣ.,,
 Рекла: и шѣнь Ея во блескѣ,
 Какъ радуга, сокрылась въ свѣшѣ.



Но чшо? Во плескахъ, восклицаньяхъ
 Ликующей толпы людей,
 Духъ погружается въ сненаньяхъ,
 На плѣнность зря мірскихъ вещей!
 Такъ, чшо пресполъ, вѣнецъ, держава,
 Власъ, сила и сіянье благъ,
 Когда спокойнаго нѣшъ нрава
 И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
 Увы! на чшо полки и спѣны,
 Коль насъ невинность не спрежешъ?

Народны вздохи, слезны токи,
 Молишвы огорченныхъ душъ,
 Какъ паръ возносяшся высокій
 И зараждають громъ средь тучъ;
 Онъ вержешся, падешъ незапно
 На горды зданіевъ главы.
 Внемлите правдъ сей спокрашно,
 О власпи сильныя, и вы!
 Внемлите,—и пѣсните блюдишесь
 Вамъ данный управлять народъ.



Нѣтъ, Ангель крошоспи и мира,
 Любимый сынъ благихъ Небесъ!
 Ты не таковъ, Твоя порфира
 Опъ благодарныхъ нашихъ слезъ,
 Какъ роза, окропясь росю,
 Прекраснѣйшій разкинешъ цвѣтъ;
 Благоухающий Тобою,
 Намъ въ чувспвы сладость принесетъ
 Эдемъ въ Твоей узримъ супругъ
 И рай во дщеряхъ и сынахъ.

Не на словахъ Ты милосердье
 Покажешь, на дѣлахъ Твоихъ,
 Разврати прогонишь, суевѣрье
 Ты нравовъ чистотой священныхъ;
 Посадишь мудрость Ты съ собою,
 Велишь ей научать Себя,
 Пройдешь съ народною толпою,
 Проникнешъ правда до Тебя;
 Ты въ миръ брань готовишь спанешь,
 Войну обнимешь пишиной.



Твой домъ пребудетъ безопасенъ
 И внѣ и внутрь отъ всякихъ золь;
 Не зломъ—доблестью прекрасенъ,
 И твердь на вѣрности пресполь.
 Въ черпогахъ ужась да не кажетъ
 Мечъ нагъ и лукъ съ стрѣлой въ рукахъ;
 Любовь народная возляжетъ
 На стражѣ при Твоихъ врагахъ;
 Спокойный сонъ Твой оградишь
 Незыблемой спѣной сердцець.

Не смѣють хипрось, лесь касаться
 И разшилаь Тебѣ съшей;
 Ихъ жены, дѣши ополчашся
 Для безопасности Твоей;
 Доброша плашится доброшой,
 А злоба злобѣ воздаешъ.
 Твоею милоспью, щедрошой
 Любимецъ Твой весь будешъ свѣшъ.
 Какъ солнце, пронъ Твой ушвердишся,
 Какъ небо, будушъ дни Твои.



Какъ шихія рѣки шокъ чистый
 Они предъ нами пошекушъ,
 Сверкаючи спруи сребриспы
 Міръ въ удивленье приведушъ:
 Блаженспвомъ—напояшся селы,
 Богашспвомъ—городовъ брега,
 Въ далекія пойдутъ предѣлы
 Поля цвѣшуци и луга;
 Любезно эхо пронесешся
 Въ неизмѣримоспи морей.

О Боже! Ты внушилъ рыданье
И бѣдснва наши прекрашилъ:
Днесъ шѣхъ же слезъ Ты изліянье
Прими, какъ запахъ опъ кадилъ.
Опъ споновъ—Ты велѣлъ бышь грому,
Опъ радостей—лучи спусти,
И августѣйшему ты дому
Печаль въ ушѣхъ обрати.
Какъ дождь сквозь солнце, да снзходишъ
Благословленье къ намъ Твое!

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ ПИНДАРА ПИΘИЧЕСКАЯ.

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внимлеть
Монархъ веселья, пляска, ликъ:
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклищанью знакъ,—
Огнь быспрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молнии попушишь!

Сидишь на скипетрѣ Зевеса
Орель, пернапыхъ Царь, и внизъ
Спуска высокопарны крылья,
Во сладоспномъ забвеньи спишь.
Пріятна мгла, смежая вѣжди,
Главу его на перси гнешъ;
Бряцаньемъ шихимъ упомленный
Чуть зыблется хребетъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу
 Свое кроваво оспрее;
 Ушѣхой сердце упоенно,
 Смягчась, плѣняется его.
 И самые безсмертны Боги
 Забавъ сражаются опъ спрѣлъ,
 Какія перспы Феба мещутъ
 И нѣжны груди Піеридъ.

Но пошъ, кого Зевесъ не любишъ,
 Дрожишъ опъ звонкихъ пѣсень Музъ;
 Трепещешъ на землѣ и морѣ
 Вся груба, суща пварь опъ нихъ;
 Трепещешъ и Тифей споглавый,
 Воишель бывый на Боговъ:
 Наверженъ спрашною горою,
 Онъ въ мрачномъ шаршарѣ лежишъ.

Килькійской оглашенной бездной
 Онъ нѣкогда воспишанъ былъ;
 Вокругъ его каменно-морскій
 Днесъ Кумскій и Сицильскій берегъ
 Космашу грудь опягощаетъ;
 Сполпомъ, досягшимъ до небесъ,
 Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
 Прижапъ, придавленъ Эпной онъ.

Изъ челюстей своихъ извержешъ
 Попоками всежрущій огонь,
 Копорый днемъ сквозь пучи дыма
 Сверкаетъ искрами въ аэръ:
 А ночью, вихрями крупяся,
 Горящимъ каменнымъ дождемъ
 Съ ужаснымъ грохопомъ и ревомъ
 Въ морскую глубину падешъ.

Не только зрѣшь его ужасно,
 Какъ жупель онъ Вулкановъ вверхъ
 Горящими спруишь рѣками,
 О немъ ужасенъ даже слухъ:
 Какъ Эпной къ лиспомрачну верьху
 И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
 Изъязвленнымъ хребтомъ проспершись,
 На перновыхъ лежишь буграхъ.

О Зевсъ, горы сея Власпишель!
 Помилуй и спаси чело
 Спраны богатыя плодами,
 Близъ коей соименный градъ
 Воздвигъ народовъ поселишель,
 И гдѣ въ риспалищѣ Герольдъ
 Пиѳійскомъ славу колесницы
 Хироновой провозгласилъ!

Какъ въ поншъ пловцы пусшася ликуюшъ,
 Зря вздушы въшпромъ паруса,
 Надеждою ихъ сердце льспишся,
 Чшо щаспливо свой пупъ свершапъ:
 Такъ сихъ поржеспвъ начало кажешъ,
 Чшо градъ украсясъ сей, и впредь
 Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
 Возликовспвуешъ на пирахъ.

О фебъ! Лицея Повелишель,
 Делоса свѣплый Царь, и другъ
 Любимаго побой попока
 Касшальскихъ водъ, съ Парнассскихъ горъ
 Текущихъ,—о! услышь желанье!
 Сей гласъ мой!—и спрану сію,
 Героями превознесенну,
 На сердцѣ напиши швоемъ!

Такъ милосшью Боговъ единыхъ
 И въ добродѣшеляхъ своихъ
 Всѣ процвѣшаюшъ человѣки!
 Блаженспва лишъ они дождяпъ:
 Чрезъ нихъ премудрые—премудроспъ;
 Краснорѣчивы,—сладоспъ успъ;
 Могушце,—ихъ силу спяжупъ,
 И всѣ дары шекупъ опъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ воспоргомъ,
 Вождельвая мужа пѣшь,
 Да брошу сильною рукою
 Мое выспрь мѣдное копье,
 Копорое прямымъ полешомъ
 Межъ соподвижниковъ моихъ,
 Всѣхъ далѣй, всѣхъ быспрѣй промчась,
 Со звукомъ въ мѣшу попадешъ.

О! да всегда къ нему снизходишь
 И впредь веселье шакъ, какъ днесъ!
 Осыпанъ щаспїя дарами,
 Да забываетъ скорбь свою;
 А помнишь брани и побѣды,
 Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣшь Боговъ,
 Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона,
 Благъ выше не снискалъ коронъ.

Но не пому ли ужъ подобенъ
 Онъ древню Филокшешу днесъ,
 На брань гошову, снаряженну
 По изволенію судьбъ,
 Копораго изъ славныхъ воевъ
 Первѣйшій мужеспвомъ Герой
 Толь рѣдкимъ посѣпя привѣспспвомъ
 И дружбою почпилъ своей?

Тогда, Вожди какъ приходили
 Съ собой его подъ Трою звашь,
 Лежалъ, спрадая въ Лемнѣ язвой,
 Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ;
 Хоть былъ безсильнымъ, слабымъ, пощимъ;
 Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ
 И подвигъ совершилъ Данаевъ:
 Угодно было такъ Богамъ.

Возспавъ, о Боже! и Хирона
 Ты такъ съ болѣзненна одра,
 И въ временахъ ему грядущихъ
 Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!
 А ты, о Муза! колесницы
 Чешвероконной поржесшвомъ
 Восхиши духъ и Диноменовъ;
 Не чужда сыну честь опца,

Ему ужъ скоро возгласишся
 И самому мной также пѣснь,
 Какъ оному державцу Эпны,
 Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ
 Злапой свободы на пвердынѣ,
 По чершежу Хилійскихъ правъ;
 И Гераклидовъ родъ, Памфила,
 Пребывъ Дорійцами до днесъ,

Хранишь Эгимовы завѣщанья
 Съ пѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ
 Тагеша двигшись, взялъ приспупомъ,
 Ошпоргнувъ опъ Амеклы, Пиндъ,
 Щасливо ею завладѣвши,
 И днесъ почтеннѣйшій сосѣдъ
 Спаль бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
 И копій звуками цвѣшешь.

Продли, продли, Зевесъ! пожъ щасстье
 И на Аменовыхъ водахъ,
 Да о Князьяхъ и о народѣ
 Молва правдивая гремишь!
 Опцемъ возвышенна младаго
 Ты самъ Царя сего води,
 И спарца умудрай маспиша
 Въ согласьи царспвы содержашь.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
 Да спрашный ревъ военныхъ прубъ
 Спокойства больше не смущаетъ,
 Ни Тирянь, ни Финикьянь днесъ.
 Ты самъ, Зевесъ! при Кумѣ видѣлъ
 Кораблегибельный позоръ,
 И оному ударъ подобный,
 Имъ данный Княземъ Сиракузъ.

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
 Съ смященныхъ бѣгспвомъ кораблей
 Свергалъ цвѣшущи войски въ море
 И Грецію опъ рабства спасъ!
 Пѣснь благодарная Аѳинамъ
 Принадлежишь за Саламинъ:
 И я хвалю не умолкая
 Спаршанъ за Киперонскій бой.

О! какъ въ сихъ спрашныхъ двухъ сраженьяхъ
 Спрѣлами ополченны пѣмь
 Надменныхъ Персовъ упали!
 Какъ на смѣющихся берегахъ
 Водами свѣплыми Химеры
 Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
 Гласишся мной, доспойно спершихъ
 Геройской мышцей полкъ враговъ.

Пѣснь крапкую, но содержащу
 Въ себѣ дѣль болѣе, чѣмъ словъ,
 Не споль хулители шерзаюшъ;
 Но нагруженна черезъ край
 Воображенъе упоминаешъ;
 И собспвенныхъ хвала гражданъ
 Зависпникамъ жмешъ пайно сердце:
 Коль паче чужеземныхъ чесшь!

Межъ тѣмъ раждаѣтъ пріятнѣй зависть,
 Чѣмъ сожалѣнье намъ.—И ты
 Не преспавай иппи въ слѣдъ славѣ:
 Рулемъ довѣрѣя правъ народъ,
 Судъ искушай въ горнилѣ правды,
 Малѣйшу искру опъ Царя
 Свѣтъ за большой пожаръ считаешь;
 Тьмы вокругъ свидѣтелей тебя.

Ревнуешь ли попомства къ чеспи?
 Будь пвердымъ въ подвигахъ благихъ,
 И щедрымъ бытъ не опрекайся:
 Но паче, въпрямъ парусъ пвой
 Вдувай, подобно мореходцамъ;
 Лишь никогда, любезный мой,
 Не обольщайся царедворцевъ
 Лукавой сладостью словесъ.

Единъ гласъ памяти блаженной
 Звучишь за гробомъ,—и дѣла
 Мужей великихъ воскрешаешь
 Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
 Не умрешь Креза добродѣтель:
 Но люшый, злобный Фаларисъ,
 Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
 Не воспоминается добромъ.

Нигдѣ о немъ не звукнешь арфа,
Ее не впоришь юныхъ пѣснь:
О! шакъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Впорый же даръ благая слава:
А кто спяжалъ ихъ обоихъ,
'Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

ГИМНЪ КРОТОСТИ.

Сіянье радужныхъ небесъ,
Души чистѣйшее спокойство,
Блескъ тихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
О кропость! ангельское свойство!
Оплывъ опъ Бога самаго!
Тебѣ, побою восхищенный,
Наспроиваю вдохновенный
Я струны сердца моего.

Когда среди усердна жара
Другихъ пѣшговъ лирный звукъ
Царя земнаго полушара
Гремишь,—и онъ изъ щедрыхъ рукъ
Имъ сыплешь бисеръ многоцѣнный:
Его наградъ я не прошу;
Но послѣ всѣхъ, лѣпшъ чувствѣй бренный
Тебѣ я, Кропость! приношу.

Тебѣ! И ты того достойна.
 Ты ожерелье красоты,
 Ты сану мудрости приспозна,
 Все лучшимъ сошворяешь ты;
 И добродѣтели святыя
 Усовершенствуютъ побой,
 У зависти и спрѣлы злыя
 Опьемлеешь милый образъ твой.

Подругаль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ?—
 Ихъ скромный взглядъ—магнитъ сердце.
 На персницаль въ любви женъ спрашныхъ?—
 Въ семействахъ,—щасстья ты вѣнецъ.
 Идущъ ли за швоей рукою
 Въ совѣсахъ мужи и въ бояхъ?—
 Плѣняющъ и враговъ побою
 Въ ихъ самыхъ спрашныхъ должностяхъ.

А естли Царская порфира
 И скипетръ украсяшся побой,
 Монархъ топъ благодѣтель міра.
 Не солнцуль равенъ онъ красой?
 На высотѣ блистая прона,
 Онъ освѣщаетъ и живишь;
 Въ предѣлахъ своего закона
 Течешь—и всѣмъ благошворишь.

Не совмѣщаяся съ звѣздами,
 Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
 Но равными для всѣхъ лучами
 Онъ свѣшилъ праведнымъ и злымъ.
 Проходишь взоръ его сквозь бездны—
 И чела узниковъ злашилъ;
 Черпоги наполняя звѣзды,
 Сіяньемъ въ хижины лепшилъ.

Куда свой путь ни обращаешь,
 Въ село, обитель, или градъ:
 Народъ его волной вспрѣчаешь,
 И дѣши на него такъ зряшь,
 Какъ бы на Бога лучезарна.
 Преклоншись спарцы на клюкахъ,
 Движеньемъ сердца благодарна
 Сверкаюшь радостью въ очахъ.

Такъ, Крошосъ! такъ ты, привлекаешь
 Народныя къ себѣ сердца;
 Всѣхъ паче качествъ составляешь
 Въ Царѣ опечесства опца.
 Ты милосерда и снисходишь
 Въ людскія спраспи, суебы;
 Надломленные не преломишь
 Былинки, по неправдѣ, ты.

Сквозь вратъ проходишь сокровенныхъ
 Всеобщая къ тебѣ любовь,
 Въ странахъ ты слышишь опдаленныхъ
 Пролишую слезу и кровь;
 И какъ елень въ жаръ къ поку водну
 Спрямился жажду уполять,
 Такъ человѣческа ты къ спону
 Спѣшишь, чѣмъ ихъ скорѣй унять.

Ты не щеславна, не спесива,
 Пріятельница тихихъ Музъ;
 Привѣтлива и молчалива,
 Во всемъ умѣренность—твой вкусъ;
 Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
 Нигдѣ, никакъ и никого:
 О! еслибъ я тебя не видѣлъ,
 Не написалъ бы я сего.

КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ.

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ внукъ,
Сынъ махери премилосердной,
Сестеръ и братьевъ нѣжный другъ,
Супругъ супругъ милой, вѣрной—
О ты! чей роспъ, и взоръ, и спанъ
Есть Вишязя, породы Царской,
Который больше другъ, чѣмъ Ханъ
Орды, страны своей Тапарской!
Послушай, неба Серафимъ,
Низпосланный щаспливишь смертныхъ,
Что пишетъ Солнцевъ сынъ, Браминъ,
Желая благъ тебѣ несмѣтныхъ!

Доспигъ незапно громкій слухъ
До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
Что будто Зороаспровъ духъ
Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мірѣ,
И воплошасъ въ тебѣ, о Хлоръ!
Возсѣлъ на нѣкоемъ пресполѣ,
Дабы разцвѣлъ доброшъ соборъ
На немъ, неслыханныхъ дополѣ.

Такъ шочно, говоряшъ: чпо ты
 Какой-то чудный еспь владѣшель;
 Души и шѣла красоты
 Совокупя на добродѣшель,
 Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
 Спрашнѣй, не страхомъ,—но любовью;
 Блаженствомъ подданныхъ великъ,
 Не покореньемъ царствъ и кровью.

Такъ шенчущъ: будпо саму власшь,
 Въ швоихъ рукахъ самодержавну,
 Господства безпредѣльну спрашъ,
 Ты чпишь за власшь самоуправну;
 Чпо будпо мудрая ша блажь
 Нерѣдко въ умъ тебѣ приходишь:
 Чпо Царь законовъ только спражъ,
 Чпо онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
 И спавишь въ помъ въ примѣръ себя;
 Чпо ты живешь лишь для народовъ,
 А не народы для тебя,
 И чпо не свыше ты законовъ:
 А шѣхъ Пашей, Эмировъ, Мурзъ
 Не любишь и не терпишь шочно,
 Чпо, сами ползая средь узъ,
 Мухъ давяшъ въ лапахъ полномочно
 И бишь себѣ веляшъ челомъ;—
 Чпо ты не кажешься имъ Богомъ,
 Не ѣздя на Царяхъ верьхомъ,
 Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;

Чшо не спирая съ шуфлей прахъ
 У Муфшьевъ, Дервишей, Имановъ,
 Въ сѣдыхъ счишаешь бородахъ
 Ихъ гласъ за гласъ ты Алкорановъ; —
 Чшо чувствую въ себѣ одномъ
 Ты власъ Небесъ, а слабосъ смертныхъ,
 Имъ разбирашь себя судомъ
 Велишь чрезъ гражданъ часпныхъ, чеспныхъ;
 Раздоры миромъ прекращаешь,
 Закону съ совѣстью поладишь,
 И больше шерсть чшобъ не перяшь,
 Овцамъ въ репейники не лазишь.

Еще полкуюшь пожъ: чшо гласъ
 Къ шебѣ народа шайно входишь,
 Чшо пысячью ты смопришь глазъ
 И въ шапкѣ невидимкѣ бродишь
 Вездѣ швой духъ, — и на коврахъ
 Лешаешь будпо самолешахъ,
 Въ чалмахъ, жупанахъ, чебопахъ;
 А нужно гдѣ, шо и въ жилешахъ,
 Чшобъ какъ нибудъ невинносъ спасъ;
 И словомъ: многими пупями
 Ты крошку проспирая власъ,
 Какъ солнце, грѣешь мѣръ лучами.

И даже будпо бы съ собой
 Даешь ты случай всѣмъ встрѣчашся,
 Писаешь на голубяхъ, съ шобой
 Такъ-сякъ и лично объясняшся;

И злосць и глупосць на позоръ
 Печашавъ, выспавлять лиспами,
 Молошь языкомъ всякой вздоръ,
 И въ лавкахъ поргovať умами;
 И будпо ты, увидя разъ
 Лису, иль волка въ агнчей кожѣ,
 Въ мигъ опъ своихъ сгоняешь глазъ,
 Хошябъ ихъ зрѣль въ какомъ вельможѣ.

А наконецъ, хошя и Ханъ:
 Но шакъ ты чудно, спранно мыслишь,
 Чпо будпо на себѣ кафшанъ
 Народу подлежащимъ числишь;
 Пировъ богатыхъ не даешь,
 Убранство, роскошь презираешь,
 Въ черпогахъ низменныхъ живешь,
 Царицу чешверней капаешь;
 И ходя иногда пѣшкомъ,
 Ты по садамъ цвѣты срываешь,
 Но злапа не соришь мѣшкомъ;
 Торопишься въ дѣлахъ не скоро,
 Такъ шьешь, чшобъ послѣ не порошь;
 Мнишь, не доходомъ въ домѣ споро,
 А гдѣ умѣренный расходъ.

И подлинно, весьма чудесный
 Бываль ли гдѣ шакой Сулшанъ?
 Да Оромазъ блюдетъ небесный
 Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ,

И всю твою орду Ташарску!
 Да ангель самъ Инсфендармасъ,
 Покрывъ главу крылами Ханску,
 Съ своихъ тебя не спустишь глазъ,
 И узель укрѣпишь священный
 На поясъ твоемъ всегда!
 Да ароматомъ распворенный
 Твой огонь не гаснеть никогда,
 И я дивлюсь и восхищаюсь
 Лишь добродѣтелямъ твоимъ,
 Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь,
 И коей подношу здѣсь гимнъ!
 Въ хвалу тебѣ, и въ присвоенье
 Ея красотъ и всѣхъ пошребъ,
 Да имя Хлоръ твое, правленье,
 Напишется на дскѣ судебъ.

Когда же подлая и даже подкупная,
 Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависль или
 злосль,
 На насъ прольетъ свой ядъ: просшимъ имъ
 грѣхъ, вздыхая;
 Не прейдутъ бѣдныя чрезъ Аримановъ мостъ.

XXXVI.

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

Ліющее злапыя рѣки
Съ неизмѣримой высоты,
Неизсякаемая въ вѣки
Непоспижимы красошы,
О солнце! о душа вселенной!
О точный обликъ божества!
Позволь, да мыслью восхищенной,
О благодѣтель вѣщества!
Дивящися лучамъ своимъ,
Пою тебѣ священный Гимнъ.

* * *

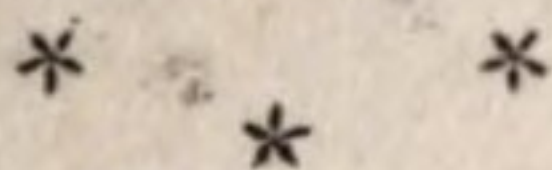
Услышь меня, свѣшало міру,
И пламеннымъ съ высотъ лицомъ,
Богъ свѣта! преклонись на лиру
И озари своимъ лучемъ;
Да гласы съ струнъ ея прольются,
Какъ просяженны съ звѣздъ лучи,
Мои вѣщанья раздадутся
Глубокой вѣчности въ ночи,
И повсюду твои хвалы
Земля и вѣтры и валы.

Какъ въ первый разъ на тронъ вступило
 Ты, пихія зари въ вѣнцѣ,
 Блистаньемъ холмы озлашило, —
 Земное разцвѣло лице:
 Ушли и бури и морозы,
 Снеслись зефиръ и пишина,
 Отверзлись благовонны розы,
 И улыбнувшись весна
 Дохнула радость, поржесство.
 Всѣмъ благошворно Божесство!

* * *

Носяся въ воздухъ высоко,
 Сквозь неизмѣрны бездны зришь;
 Небесъ всевидящее око,
 Собой все держишь и живишь;
 Дѣлишь вселенну въ небосклоны,
 Опредѣляешь времена;
 Ты пишешь ей свои законы,
 Кладешь предѣлы нощи, дня,
 Льешь блескъ звѣздамъ, свѣтъ швари всей,
 И учишь царшвовашь Царей.

Порфиною великолѣпной
 Объявъ швоею шаръ земной,
 Рукой даруешь непримѣпной
 Обилъе, жизнь, тепло, покой.
 Орловъ лучами воскреляешь,
 На насѣкомыхъ въ шъмѣ блеспишь,
 Со влагой огонь свой возвращаешь
 И несгараемо горишь.
 Предвѣчно бышіе швое!
 Съ шобой—Царь міра!—и мое.



Такъ, свѣта океанъ чудесный!—
 Кто истины не видишь сей,
 Того ума предѣла шсны,
 Не знаешь сущности швоей;
 Не зришь, чѣмъ больше раздѣляешь
 Себя шы на другихъ шѣлахъ,
 Любезнѣе очамъ сіяешь
 На холмахъ, радугахъ, моряхъ.
 Ты образъ добраго Царя,
 Край ризы швоея заря.

Любезно, тихо, постоянно,
 Не воспящаяся ничѣмъ,
 Блистательно и лучезарно
 Вѣкъ шествуешь своимъ путемъ.
 Надъ безднами и высопами
 Безъ ужаса взнося свой зракъ,
 Ты исполинскими шагами
 Отвсюду прогоняешь мракъ;
 Несоврашимъ, непобѣдимъ
 Природы сильный власпелинъ!



Я истины ищу священной,
 Блаженства, сердца чистоты,
 Красы и доблести неплѣнной:—
 Мнѣ вкупѣ ихъ являешь ты!
 Когда же ты благимъ и злобнымъ
 Не престаешь во вѣкъ сіять,
 Воспоргомъ нѣкакимъ духовнымъ
 Тебя спремлюсь я обожать.
 Такъ, шакъ, кто больше благъ бытъ могъ?
 Дивлюсь, едва ли ты не Богъ!

О мудрыхъ цѣль ума и взора!
 Монаршей власпи образецъ!
 Средь звѣздъ блискающаго хора,
 Какъ Царь, иль вождь, или опецъ,
 Сѣдящій на сапфирномъ пронѣ,
 Свое сіяніе дѣлишь;—
 И самъ ходя въ швоемъ законѣ,
 Кругъ мірозданія крѣпишь:
 Тамъ блещешь каждый свѣшъ другимъ,
 А всѣ присуществіемъ швоимъ.

* * *

Величествъ и добротъ зеркало!
 Безумію невѣждъ проспи,
 Тебя они коль знаютъ мало:
 Твоимъ ихъ свѣшомъ просвѣпи.
 Наспавъ, чшобъ всякъ былъ меньше злобнымъ,
 Въ швое подобье облачи;
 Бышъ крошкимъ, свѣшлымъ, а не гордымъ,
 Твоимъ примѣромъ научи:
 Какъ ты,—чшобъ жили для другихъ,
 Не ради лишь себя однихъ.

XXXVII.

НА КОНЧИНУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ

*Прежде неже умреши ты, добро твори
другу.....и освяти душу твою, яко нѣснѣ
во адѣ взыскати сладости.*

Сирах. гл. 14. ст. 13, 16, 17.

И ты, нашъ Неспоръ долголѣпный!
Нипѣ прервалъ нѣжныхъ чувствъ своихъ;
Сто лѣтъ прошли—и непримѣтны,
Погасло солнце дней твоихъ!
Глава сребришя сѣдинами,
И грудь хоша горитъ звѣздами,
Но пропекла Невы спруя:
Пресѣклась, Беѣкой!—жизнь твоя.

Пресѣклась жизнь, но справедлива
Хвала твоя не умерла;
Тѣхъ гробъ, тѣхъ персть краснорѣчива,
О коихъ говорятъ дѣла.
Воззримъ ли зданій на громады,
На храмы Музъ, на храмъ Паллады,
На брегъ, на домъ Петровъ, на садъ:
И камни о тебѣ гласятъ!

Но коль живые монументы,
 Краснѣйши памятниковъ сихъ,
 Которыхъ сгладить элементы
 Не могутъ дланью силъ своихъ,
 Я вижу! Вижу въ челоуѣкахъ,
 Въ различныхъ состояннѣхъ, лѣтахъ,
 Ты сколько обязалъ сердець!
 Коликихъ щасстья былъ творецъ!

Тамъ зодчій зиждетъ храмъ молитвы,
 Каменосѣчець царскій зракъ,
 Геройски живописецъ бытвы
 Одушевляетъ на стѣнахъ;
 Тамъ жены, дѣвы благодѣательны,
 Одежды въ даръ шьютъ домошканны
 Мужьямъ и женихамъ своимъ,
 И вѣрностью гордящся къ нимъ.

А тамъ изъ праха извлеченный
 Чужую грудь младенецъ пьетъ,
 Убогій, нуждами спѣсенный,
 Окрытую казну беретъ;
 Согбенны старцы и вдовицы,
 Питаясь ошъ швоей десницы,
 Опцомъ своимъ себя зовутъ,
 И слезы о тебѣ всѣ лютъ.

Льюшь огонь сердець, и ты доспойнъ,
 Другъ человѣковъ, жертвы сей!
 Мой лирный гласъ тебѣ наспроенъ,
 Чшобъ доблести воздашь пвоей:
 Да имя, споль намъ драгоцѣнно,
 Пребудешь въ вѣкъ благословенно,
 И въ Россахъ да не умрешь ты,—
 Еще произраспишь цвѣты!

И болѣе плоды прекрасны
 Чѣмъ ты, ты кой самъ вкушалъ,
 Когда художесствы изящны
 И воспитанье насаждалъ;
 Чшобъ въ родъ великія картины
 Петровыхъ дѣлъ, Екатерины,
 Опъ мраморовъ пускали шумъ
 И двигли къ размышленью умъ!

На колесницѣ лучезарной
 Когда надменный Фазпонъ,
 Лепя спезей небесъ янтарной,
 На землю сыплешь и на понъ
 Кровавы искры по аэру,
 Гремишь, прясешь возжженну сферу,
 И звучнымъ буйствомъ шаковымъ
 Вьешь вихремъ за собою дымъ.

Тогда мужъ мудрый, благошворный,
 Крошчайшу славу возлюбя,
 На трудъ полезный, благородный
 Свою всю жизнь употребя,
 Сиропъ, науки лобызаетъ,
 Приличнѣй жершвы посвящаетъ,
 Чѣмъ горды божескву мечпы:
 Лучъ милоспи былъ, Бецкой, ты!

Кшо въ браняхъ лилъ попоки крови,
 Кшо грады въ прахъ преобращалъ:
 Ты милосердья полнъ, любви,
 Спасалъ, хранилъ, училъ, пишалъ.
 Кшо блескъ любилъ,—ты успранялся;
 Кшо богашѣлъ,—ты ущедрялся;
 Кшо распочалъ,—ты жизнь берегъ,
 Кшо для себя,—ты жилъ для всѣхъ.

Сіе сравненіе безпристрастно
 Пускай прочпешъ швой самый врагъ,
 Увидишь зрѣлище прекрасно
 Въ швоихъ преклонныхъ даже дняхъ:
 Какъ огонь лампы аромашный,
 Горѣлъ, погасъ, пушилъ пріятный
 Вкругъ запахъ ты.—Послѣдній вздохъ
 И мысль швоя—щедротъ былъ Богъ.

Но коль нещасны чловѣки,
Неблагодаренъ смертныхъ родъ!
То всѣ доказываютъ вѣки,
Что лишь за громомъ громъ идеть.
Увы! когда въ предѣлахъ свѣта
Убійцъ бываетъ слава пѣта,
Тогда забытъ опецъ семействъ!
Исторія естъ цѣпь злодѣйствъ.

Почій покойно, перстъ почтенна!
Мірская слава только дымъ;
Небесна истина священна
Надъ гробомъ вопіетъ твоимъ:
О смертные! добро шворите,
И души ваши освятите,
Доколѣ не прешли сей свѣтъ;
Безъ добрыхъ дѣлъ блаженства нѣтъ.

XXXVIII.

НА СМЕРТЬ НАРЫШКИНА.

Падающая съ небесъ рѣка!
 Токъ свѣплыхъ, непрерывныхъ водъ!
 Чья всемогущая рука,
 О время!—о минувшій годъ!
 Твое печенье прекрапила?
 Какая мгла тебя сокрыла?
 Гдѣ дѣлись дни, часы твои?
 Гдѣ разнообразныхъ дѣлъ спруи?

Являло ль солнце красоту,
 Блистало ль лаврами чело,
 Когда побѣдъ на высоту
 Выходилъ Алкидъ?—И все прошло!
 Ужъ не на верьхъ шеперь Алпійскій
 Орелъ склоняетъ свой полетъ,
 Но въ доль, подъ сосны Боровицки:—
 Все вѣчноспи жерло пожретъ.

Чшо было,—шо не придетъ вспяшь;
 Проходитъ чшо,—шо въ мигъ пройдетъ;
 Чшо будешь впредь,—не можно знашь;
 И вошь Нарышкина ужъ нѣшь!
 Нѣшь въ домъ семь храмоподобномъ,
 Веселомъ, свѣпломъ, благовонномъ,
 Гдѣ жизнь цвѣла, довольствъ полна;
 Но плачь и пѣма и пишина.

Увы!—вошь шопъ зеленый дубъ,
 Вкругъ коего на дернѣ шѣнь,
 Цвѣшны и запахъ зланныхъ купъ
 Гражданъ опвсюду въ ясный день,
 Какъ ппиць, сзывали для вишанья,
 Гдѣ игры, шушки, рѣзвостъ, смѣхъ
 И дружества рукоплесканье
 Звучало по слѣдамъ упѣхъ.

Увы!—вошь шопъ черпогъ,
 Гдѣ зодчествва, убранствва вкусъ
 Вели всѣхъ зришелей въ воспоргъ,
 И гдѣ подъ сладкимъ пѣньемъ Музъ
 Козловскаго плѣняли звуки;
 Гдѣ ты госшей, просперши руки,
 Безъ всякихъ сборовъ и суешъ,
 За дружескій сажаль обѣдъ.

Увы! вопль шопль изящный храмъ,
 Гдѣ купольный, шьмозвѣздный сводъ
 Осіяваль изъ разныхъ спранъ
 Сбировшійся къ тебѣ народъ;
 Гдѣ ты угощеваль Фелицу
 И Лель своихъ во пляскахъ жершвъ
 Въ цвѣпочную вязаль плѣницу,
 Гдѣ ты—ахъ!—ты лежишь шупль мершвъ.

Ты мершвъ!—и все прошло?—Нѣтъ живъ,
 Ты живъ въ сердцахъ швоихъ друзей.
 Хопя печальный гробъ, сокровъ
 Тебя, лишилъ ихъ въ жизни сей:
 Но ласкъ швоихъ и угощеній
 Живушь лучи въ воображеньи,
 Живешь въ слезахъ блестящихъ ихъ
 Ты въ вѣкъ.—Се бисерь чадъ швоихъ!

Придише дѣвы юны, нѣжны,
 Три Грацыи, опрасли его!
 И шрупъ облобызавъ священный,
 Оспавленное опъ него
 Въ приданство перло вы возьмише;
 Въ немъ кладъ блаженства вамъ сокровъ,
 Гласъ добродушія внемлише;
 Се дѣдъ изъ гроба говоришь:

„Дѣла великія дивяшъ,
 „Но зависть ихъ вокругъ шипитъ,
 „И добродѣтели темняшъ
 „Прекрасный часто спраспи видъ:
 „Но кто ни родомъ, ни богатствомъ,
 „Ни знашнымъ чиномъ, а пріятствомъ
 „Себѣ почтеніе заслужилъ,
 „Тотъ въ жизни и по смерти милъ.

Такъ, смертный!—зидаетъ лишь опцовъ
 Благословеніе, чадъ ихъ домъ;
 А матернихъ проклятіе словъ
 Преображаетъ все вверхъ дномъ:
 Не спавъ слезъ сырыхъ за игрушку,
 Чужихъ спяжаній не желай;
 Брось бѣдному въ кошель полушку
 И отвори себѣ пѣмъ рай.

Проходитъ наша жизнь, какъ мигъ;
 Но видны и по насъ слѣды
 Дѣлъ нашихъ, добрыхъ или злыхъ,
 Какъ въ морѣ за кормой бразды.
 Пославимъ же себѣ предметомъ,
 Чтوبъ съ симъ разлука наша свѣтомъ,
 Какъ прямовидность средь садовъ,
 Была наполнена цвѣтовъ.

XXXIX.

КОЛЕСНИЦА.

Течетъ злая колесница
По разцвѣтающимъ полямъ;
Сѣдящій, правящій возница,
По конскимъ напянувъ хребтамъ
Блещащи вожжи, держишь спройно,
Искусствомъ сравнивая ихъ,
И въ дальнемъ поприщѣ спокойно
Осаживая скокъ однихъ,
Другихъ же къ бѣгу побуждая,
Прилѣжно взорами блюдешь;
Къ одной мѣшъ ихъ направляя,
Грозить бичемъ, иль имъ ихъ бьешь.
Живошныя, опважны, горды,
Подъ хитрой ѣздока уздой
Лишенны дикія свободы
И сопряженны межъ собой,
Едину волю соспавляють,
Взаимной силою везуть;
Хоть подъ ярмомъ себя счищаютъ;
Но слава славой общій прудъ,
Дугой нагнувъ волнисты гривы,
Бодрятся, рѣзвясь, бѣгутъ,
Великолѣпный и красивый
Видъ колесницъ придають.

Возница, вожжи ослабляетъ,
 Смиреньствомъ коней убѣдася,
 Вздремаль.—И пущь въ разплоть мелькаешъ
 Надъ ними черна шѣнь, вѣясь,
 Коварныхъ врановъ, своевольныхъ:
 Кричашъ—и пошемная пущь,
 Пушаютъ коней полъ покойныхъ.—
 Дрожатъ, храпятъ, ушли, прядутъ,
 И списнувъ спаль во рпу зубами,
 Изъ рукъ возницы вожжи рвутъ,
 Бросающа, и прахъ ногами
 Какъ вихоръ подъ собою вьютъ;
 Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
 Лешатъ они во весь опоръ.
 Опъ сна возница возбужденный
 Поспѣшно открываетъ взоръ.
 Уже колеса позлащенны
 Какъ огонь, сквозь пыль кружась, гремашъ:
 Ёздохъ, ихъ шумомъ успрашенный,
 Вращая поблѣднелый взглядъ,
 Хватаетъ вожжи; но ужъ поздно,
 Зовешъ по именамъ коней,
 Кричишь, и ихъ смиряешъ грозно;
 Но ужъ они его рѣчей
 Не слушающъ, не понимающъ,
 Не знающъ голоса того,
 Кто ихъ любилъ, кормилъ,—пыхаютъ
 И звѣрски взоры на него
 Бросающъ спрашными огнями.
 Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валитъ,

Со ребръ ліється потъ рѣками,
 Со спинъ паръ облакомъ лепишъ,
 Со броздь кровава пѣна клубомъ
 И волны опъ копышъ пекушъ.

Уже, въ жару ярьсь сугубомъ,
 Другъ друга жмушъ, кусаюшъ, буюшъ,
 И по распутьямъ мчасъ въ распройсшвъ,
 Какъ бы волшебствомъ обуявъ,
 Рвушъ збрую въ злобномъ своевольсшвъ;
 И цѣли своя не знавъ,
 Крушають подножье, ось, колеса,
 Возница падають подъ нихъ.
 Безъ управленья, перевѣса,
 И колесница въ мигъ,
 Какъ лодка бурей устремленна
 Безъ кормщика, снашей, средъ волнь,
 Разломанна и раздробленна
 Въ ровъ мрачный вержешся вверхъ дномъ.

Раззбруенные Буцефалы,
 Томясь опъ жажды, опъ алчбы,
 Чрезъ камни, пни, бугры, забрали
 Несушся, скачущъ на дыбы,—
 И что ни вспрѣпятъ, сокрушаюшъ.
 Опвсюду слышанъ вопль и спонъ,
 Кровавы рѣки пропекаюшъ,
 По спогнамъ мертвыхъ миліонъ!

И въ полъ оспервененьи люпомъ,
 Всѣ силы сами поперявъ,
 Падущъ спремглавъ смердящимъ прупомъ,
 Безумной воли жертвой спавъ.

Народъ усроенный, блаженный
 Подъ Царскимъ нѣкогда вѣнцомъ,
 Чей вкусъ и разумъ просвѣщенный
 Европѣ были образцомъ;
 По легкости своей извѣстный,
 По оспропѣ своей любимъ,
 Бывъ добрый, вѣрный, нѣжный, чесный
 И преданный Царямъ своимъ —
 Не ты ли въ спрашной сей каршинѣ
 Мнѣ представляешься теперь?
 Химеръ опупанъ въ паупинѣ,
 Изъ челоука люпый звѣрь!
 Такъ, ты! о Франція несчастна,
 Примѣръ безвѣрья, безначальствъ,
 Вершешъ убійства преужасна,
 Гнѣздо безнравья и нахальствъ.
 Такъ, ты, на коей паяжку руку
 Мы зримъ разгнѣванныхъ небесъ,
 Урокъ печальный и науку,
 Свѣтъ изумляющій весь.
 Опъ философовъ просвѣщенья,
 Опъ лищней Царской доброшы,
 Ты пала въ хаосъ развращенья
 И въ бездну вѣчной срамоты.

Увы! доколѣ слышны споны
И во крови земля кипитъ?
Ревущъ пожара спрашны волны?
Или предѣлъ ихъ небомъ скрытъ?

XL.

Ф О Н А Р Ь.

Гремишь органъ на спогнь прубный,
 Пронзаешь ночь и пишину;
 Очаровашельный огонь чудный
 Малюешь на спѣнь луну.
 Въ ней ходяшь шѣни разнородны:
 Волшебникъ мудрый, чудотворный,
 Жезла движеньемъ, усшь, очесь,
 То ихъ пворишь, то испребляешь;
 Народъ толпами поспѣшаешь
 Смопрѣшь къ нему такихъ чудесь.

Явись!

И бысть.

Пещеры обипашель дикій,
 Изъ тмы ужасной превеликій
 Выходишь левъ.

Споишь,—по гривѣ лапой кудри
 Злашья чешешь, вьешь хвостомъ;

И ревъ

И взоръ его, какъ въ мракъ бури,
 Какъ яры молніи, какъ громъ,
 Сверкая по лѣсамъ грохочешь.

Онъ рыщешь, скачешь, пищи хочешь,

И межъ древесъ

Озѣтя агицу смиренну,
 Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣвну.....
 Изчезнь! изчезъ.

Явись!

И бысть.

Средь гладкихъ океана спкляныхъ,

Зарею упренней румяныхъ,

Спокойныхъ нѣдръ,

Голубосизый, солнцеокой

Усаый, пучный, рыбій князь,

Осепрь,

Изъ влаги появлясь глубокой,

Пернашой лысью вокругъ спруль,

Сквозь водну дверь глядишь, гуляешь:

Но шупь ужасный звѣрь всплываетъ

Къ нему изъ безднъ:

Спремишь въ свои водъ рѣки прубы,

И какъ серпы занесъ ужъ зубы.

Изчезнь! изчезь.

Явись!

И бысть.

Съ долины мирныя, зелены

Въ полудни лѣбедь, вознесенный

Подъ облака,

Веселый гласъ свой низпускаешь;

Его долина, роща, холмъ,

Рѣка

Сшократно эхомъ повшоряешь: —

Но шупь, какъ быспрый съ свисомъ громъ,

На рамена его сребрисы

Орель прожорливый, кохшисый

Упаль съ небесъ.

Клюешь, шерзаешь, бьешь крылами,

И пухъ лешишь какъ снѣгъ полями.

Изчезнь! изчезь.

Явись!

И бысть.

Спустилось солнце,—вечеръ тѣмный
Открылъ на небѣ миліоны

Горящихъ звѣздъ.

Огниспы, легки метеоры
Слепають блещущимъ клубкомъ

Опъ мѣстъ

Превыспреннихъ,—и въ мракъ взоры,
Какъ искры, веселятъ огнѣмъ;

Одна на домъ шумъ упадаетъ,

Раздуша въпрямъ, зажигаешь,

И въ пламѣ городъ весь!

Сполбомъ дымъ, жупель въ воздухъ вѣсся,
Пожаръ—какъ рдны волны—льется.

Изчезнь! изчезъ.

Явись!

И бысть.

Торговый госпъ, смошря на щопы,

Опъ жажды къ злапу и забошъ

Хопя дрожишь

Товарищей надъ барышами,

Въ пай дѣля шовары ихъ;

Но бдишь

И ползаешь надъ чершежами

Всечасно спранспвѣвъ морскихъ.

Въ очкахъ его всезряще око

Ужъ судно зришь въ моряхъ далеко

Сквозь сладкихъ слезъ;

На немъ вздушъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень,

Близъ пристани подводный камень.

Изчезнь! изчезъ.

Явись!

И бысть.

Орашай нивъ трудолюбивый,
Богобоязный, перпѣливый,

Проливъ свой пошъ,
Ходя подъ зноемъ за сохою,
И шукомъ угобзя бразды,

Ждешъ годъ

Отъ брошенныхъ его рукою
Сѣмянъ собравъ себѣ плоды.
Злашымъ колосья сокомъ полны,
Уже колеблюшся, какъ волны,

И тѣнь небесъ

Его прудъ правый осѣняешъ:
Но градъ изъ тучи упадаешъ. . . .
Изчезнь! изчезъ.

Явись!

И бысть.

Чеша младая новобрачныхъ —
Въ злашыхъ, блиспающихъ, безмрачныхъ
Цѣпяхъ своихъ —

Любви въ блаженствѣ упоаешъ;
Преодолевъ препяшства всѣ,

Женихъ

Отъ радости въ восторгѣ шаешъ,
И въ плѣнь отдавшись красѣ,
Забывъ на ложѣ прежни скуки,
Въ уста ее цалуешъ, въ руки,

И средь завѣсь

Коснулся ужъ забавъ рукою:
Но блещешъ смерть надъ нимъ косою. . . .
Изчезнь! изчезъ.

Явись!

И бысть.

Ошважный, дерзкій вождь, щастливый,
Чрезъ свой пронырливый, кичливый

И твердый духъ

Противны размешавъ знамены,

И на чело свое собравъ

Вокругъ

Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,

И царскія права поправъ,

Въ чаду власполюбивою спроси

У всей народной силы, власпи

Взялъ перевѣсъ;

Гражданъ не внемлеть добрыхъ спону,

Просперъ десницу на корону. . . .

Изчезнь! изчезъ.

* * *

Не обавашельный ль, волшебный,
Магическій, сей міръ, фонарь?
Гдѣ видны тѣни переменны,
Гдѣ веселяся ими Царь,
Иль Магъ какой, волхвъ непоспижный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планеть кругъ пайно съ высоты
Единымъ перспомъ обращаетъ,
И земнородныхъ призываетъ
Мечшами бытъ, иль зрѣтъ мечшы!

Почтожъ, о смершнй дерзновенный,
 Невѣжда средь своихъ наукъ!
 Лепая мыслями надменный,
 Иль ползая въ пыли, какъ жукъ,
 Бѣжишь ты щасстья за мечтами,
 Толь преходящими предъ нами,
 Бывъ госпемъ, позваннымъ на пиръ?
 Не лучшесть блескомъ ихъ не льспишься;
 Но Зодчему тому дивисься,
 Кто создалъ столь прекрасный мѣръ?

* * *

Такъ будемъ, будемъ равнодушно
 Мы зрипельми его чудесь;
 Чшо рокъ велишь, шворишь послушно,
 Забавой бывъ другихъ очесь;
 Пускай Тотъ управляетъ нами,
 Кто движетъ солнцами, звѣздами;
 Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
 Велишь:—я возвышаюсь.
 Речешь:—я понижаюсь.
 Сей мѣръ мечпы;—ихъ Богъ шворецъ!

МУЖЕСТВО.

Что привлекапелнѣй очамъ,
Какъ не огня во тмѣ блиспанье?
Что восхищпелнѣе намъ,
Когда не солнечно сіянье?
Что драгоцѣннѣй злата естъ
Средь всѣхъ сокровищъ нашихъ плѣнныхъ?
Межъ добродѣтелей опмѣнныхъ
Чья мужества превыше чести?

Въ лучахъ, заняпыхъ опъ порфиръ,
Видалъ наперсниковъ я щастья;
Зрѣлъ удивляющія мѣръ
Могущество и самовласпье;
Сребра зрѣлъ горы на столахъ,
Вельможъ надменность, роскошь, пышность,
Прельщающую сердце лишность:
Но умъ прямыхъ не зрѣлъ въ нихъ благъ.

При улыбаньи красоты,
 Подъ сладкогласіемъ музыки,
 Волшебныхъ игръ и дивъ мечты
 Меня плѣняли, пляски, лики:
 Но посреди ушѣхъ такихъ,
 Какъ чувства въ нѣгѣ ушопали,
 Мои желанія искали
 Какихъ-то общихъ благъ—моихъ.

Пальмиры пышной и Аѳинъ,
 Гдѣ были празднества, позоры,
 Тамъ нынѣ средь могилъ, пуспынъ,
 Слѣды звѣрей вспрѣчають взоры.
 Увы! въ мѣста унынья, скукъ,
 Что красны зданья превратило?
 Уединенье водворило
 Что въ храмахъ вкуса и наукъ?

Не злымъ ли зубомъ сперъ ихъ Кронъ?
 Не хищнымъ варваровъ набѣги?
 Нѣшъ! нѣшъ! великихъ душъ уронъ.
 Когда въ объятія вверглись нѣги,
 Ко злапу въ цѣпи опдались:
 Вмигъ доблести презрѣнны спали,
 Подъ тяжесью пороковъ пали,
 Имперіи въ прахъ погреблись.

О! есѣлибѣ храбрый Леонидъ
 Поднесѣ и Зиновія жили,
 Не премѣнился бѣ царствѣ ихъ видѣ,
 Величія бѣ примѣромъ были:
 Но жаръ какъ духа попушенѣ,
 Какъ бѣдность пресмыкаѣся спала,
 Увидѣли Сарданапала
 На тронѣ съ пряслицей межѣ женѣ.

Ипальи честѣ, художествѣ цвѣтѣ,
 Остатки древностей безцѣнны
 Безѣ Римлянѣ, побѣждавшихъ свѣтѣ,
 Гдѣ вы?—Гдѣ?—Галломъ похищенны!
 Безѣ бодрственной одной главы,
 Чѣмъ вознеслась Собійсковѣ слава,
 Спавѣ женѣ Циперою, Варшава
 Ужѣ не соперница Москвы.

Украсть чело кѣо звѣздѣ вѣнцемъ,
 И обладашелемъ будѣ міра,
 Какъ радуга сіяй на немъ
 Багряновидная порфира:
 Но есѣли духъ въ немъ слабѣ,—полковѣ,
 Когорѣ его всѣ громы мершвы;
 Вожди безѣ духа спраховѣ жершвы,
 И сущѣ рабы своихъ рабовѣ.

Такъ доблесть, сердца правоша,
 Огонь души небесъ священный,
 Проспѣйшихъ нравовъ высота,
 Духъ крѣпкій, сильный, но смиренный,
 Творецъ величествъ на земли!
 Тобою вои побѣждающе,
 Судьи законы сохраняюще,
 Щасливо царствуютъ Цари.

Тобой преславный родъ Славянъ
 Владыкой сдѣлался полсвѣша,
 Господь осьми морей, пьмы спранъ;
 Душа его, побой нагрѣша,
 Какихъ вновь дивъ не сотворишь?
 Тамъ Гермогенъ, какъ Регуль, спраждешъ;
 Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждешъ;
 Рязановъ Гаму замѣнишь.

Одушевляй Россійску грудь
 Всегда, о мужество священо!
 Присущенно и впредь намъ будь
 Во время скромно, время гнѣвно;
 Влепимъ, коль оперенны мы
 Твоими спрашными крылами:
 Кто вспанешъ прошивъ насъ?—Богъ съ нами!
 Мы вспѣнимъ понъ, пряхнемъ холмы.

ВОЛХОВЪ КУБРЪ.

Напрасно, Кубра дорогая,
Поешь о славѣ твоей;
Прелестна дѣвушка, молодая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.

Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ
И сѣдина на волосахъ:
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушующихъ лѣсахъ.

Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ.

Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я Русскихъ пѣсень голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Межъ холмиковъ, дубковъ саженьныхъ,
Ведешь полога мурава
Моихъ въ снѣ пупниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спусня рукава.

Иль видяшъ золопья нивы
То песпропу цвѣшовъ въ лучахъ,
То лучъ съ серповъ и косъ игривый
Въ муравленыхъ горишъ водахъ.

Шумящи перловы пороги
Имъ слабо преграждающъ пущь:
Премудро, справедливо Боги
Богащство за пруды дающъ.

И Бардъ мой съ арфой вепхоспрунной
Хоть сидя на холму поешъ;
Но предспавляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаешъ.

Увы!—сколь парусомъ пробѣгшихъ,
На лямкахъ шедшихъ зрѣль ладей!
И сколько подъ луной умершихъ
Онъ духомъ зришъ своихъ друзей!

Уже и вождь, ногой желѣзной
Спупавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человекъ, любезной,
Лучь бѣдныхъ — блещеть между звѣздъ.

И пы, въ Наядахъ бывъ извѣстной,
Не завсегда волной шуми;
Но розовой рукой, прелестной,
Вздохнувъ, Меньалька обойми.

Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ,
Попомспва позднаго въ умѣ
Твердясъ паспушьимъ, сельскимъ пономъ,
Съ кузнечикомъ свѣписъ во шѣмѣ.

XLIII.

Ц И Р Ц Е Я.

На каменной скалѣ, спрашилищѣ природы,
Безплодный дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея, слезъ проливъ попокъ,
Опчаянна, блѣдна, дрожаща, полумершва,
Тоски сердечной жершва,
Свой злой оплакивала рокъ.
Тамъ, броса—съвысопы бродящій взоръ на воды
Улисса по слѣдамъ,
По тьмѣ, по вѣпру, по волнамъ
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняешъ.
Ужъ видѣшь думаешъ, и въ изскупленіи семъ,
Какъ бы спокоясь,—опдыхаешъ;
Въ прерывчапомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая, призываешъ:
Рушипель моего покою!
Поспой, жестокій!—оглянись!
Не жаръ швой раздѣлишь со мною,
Изъ сожалѣнья возвратись,
И ускори хошя мнѣ смерть!—
Любовью сердце умерщвлено,
Но ей еще оно дышишь.
Тиранъ!—ахъ! такъ ли заплачено
То пламя, чпо побой горишь?

Рушишель моего покою!
 Поспой, жестокій!—оглянись!
 Не жаръ твой раздѣлишь со мною,
 Изъ сожалѣнья возвратись,
 И ускори хощя мнѣ смерть!

Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
 Но ко волшебству вмигъ приближище беретъ:
 Со воплемъ всѣхъ Боговъ изъ ада призываетъ,
 Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона,
 Гекапу злобную и лютаго Алкциона,
 Чтوبъ возвратили къ ней любви ея пред-
 метъ.

Тутъ срубъ на олшарѣ кровавомъ загорѣлся
 Снизшедшей молніей, и вмигъ единъ пожерлся;
 Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
 Оспановилося печеніе планетъ,
 И рѣки съ шумомъ вспянь побѣгли въ вихрь
 зѣльномъ.

Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземель-
 номъ.

Споль голосомъ грознымъ
 Подвигся весь адъ,
 Подъ гуломъ громовымъ
 Сводъ звукнулъ пліадъ;
 Завѣса ужасна
 Подернула свѣтъ,
 Дно паршара мрачна
 Содрогшись, реветъ;

Кипишь и яришься
 Морь бурна волна,
 Опъ спраху врапишься
 Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
 Во преисподней всѣхъ вспревожило пѣней:
 Встають, опъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,
 И въ воздухъ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
 Глухой, унылый вопль, печальны завыванья,
 Ревъ, скрежешъ слышанъ ихъ;
 И съ ними спрашныхъ бурь смѣшенныя сви-
 спанья
 Изшедшихъ изъ могиль, вершеповъ, нѣдръ
 земныхъ.

Но всѣ усиліи безплодны суть сіи,
 О ты, любовница несчастна!
 Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;
 Чрезъ чары ты свои
 Могла попрясть весь міръ, и молніей ужасной
 Зевъ ада разпалишь:
 Но то, чего не могъ свершишь пвой взоръ
 прекрасной,
 Не можешь злобой учинишь.
 Любовь никакъ не лзя принудишь,
 Чужихъ она не терпишь правъ;
 Зависѣть опъ себя лишь любишь;
 Ей нравишься,—лишь милымъ спавъ;
 Законъ ея весь свѣтъ плѣняешь,
 Ни чьихъ не вѣдаешь сама.

Зима поля цвѣтовъ лишаешъ,
Вънчаешъ розами весна,
Борей Зефировъ прогоняешъ,
Зефиръ Бореевъ, солнце шьма:
А какъ любовь ужъ улепашъ,
Не возвращается она.

XLIV.

ДѢВА ЗА АРФОЮ.

Владѣющимъ своимъ персамъ,
 О Дѣва! арфы надъ струнами,
 Обезпѣлесень, обездушенъ,
 Я будто испуканъ спою.
 Царица жизни ты и смерти,
 Силь правишь тысячами, какъ Магъ!

Благоговѣя, чуть шумишь
 Вкругъ воздухъ, на себя приникши,
 Ко пѣнью своему прикованъ
 Спойшь, кружась въ вихрь, въкъ,
 И тѣмы веселія въ безмолвьи
 Природы всей къ тебѣ влечешь:
 Волшебница!—одно свое возрѣнье,
 Одинъ свой звукъ—плѣнишь всю пварь.

И звоны, полные души,
 Со струнъ роскошно устремленны,
 Какъ Серафимы вновь раждаясь,
 Изъ неба порхають, блестящъ;
 И какъ изпекши изъ Хаоса
 И вихремъ зиждущимъ взнесясь
 Изъ мрака солнца возсіяли:
 Твоихъ шакъ гласовъ шокъ злапый.

Пріяпно,—какъ сребриспый ключъ
Журча по камыщкамъ капишся;
Великолѣпно, важно, вдругъ,
Какъ грома съ облаковъ органы;
Спремишельно—вдали съ ушеса
Какъ шумный, пѣниспый пошокъ;
Оспрадно—какъ межъ липъ
Тѣниспыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны вѣперки дыхающъ;

Уныло, мрачно, шяжело,
По мершвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ
нощи;

И вой, пропяжно исчезая,
Влечется слезною Коциповой волной.

Но стой! и мнѣ повѣдай, Дѣва:
Въ связиль съ духами ты небесъ?
И пошъ ли ихъ языкъ въ Эдемъ,
Музыка коимъ говоришь?

Завѣса опъ очесъ упала!
Запворы слуха опперлись!
О Дѣва!—я дышу живѣе:
Иль огонь эѳирный, очищая,
Ужъ вихремъ выпсрь меня несепъ?

Мелькають сквозь небесъ раздранныхъ
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ проны!

За гробомъ упрення заря!

Прочь, прочь, съ понятиемъ насѣкомыхъ,
Кошунуны, прочь!—Есть Богъ!

О Л Е Н И Н У.

Обычьевъ Рускихъ, вида, чувсшва,
Моей поэзы Изографъ,
Чьего и славный Бришъ искусшва
Не снесъ, красъ возревновавъ;
Въ чьемъ рашкулъ, мѣлу, чернилахъ
Видна шакъ жизнь, какъ въ панпоминахъ,
Оленинъ милый!—вспомяни
Твое мнѣ слово—и черкни.

Предспавъ мнѣ война, идуща
Съ прямымъ безспрашіемъ души
На явну смершь, и смершь несуща,
И словомъ: Росса напиши:
Какъ ржешъ предъ нимъ Везувій ярый,
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ—скрыль мракъ его спопы.
Лежапъ Иракловы сполпы!

Тебѣ;—шакъ, Россу только можно
 Опечеснѣва предспавишь духъ;
 Услуги вѣрной ждашь не должно
 Опъ иноснранныхъ слабыхъ рукъ.
 И впрямь огромность Исполина
 Кто облечешъ, окромъ сына
 Его, и шѣломъ и душой?
 Намъ шѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Когда наука, иль природа
 Дадущъ и духъ и умъ и вкусъ,
 Ни чинъ, ни должностъ, ни порода
 Быть не прешающъ друзьями Музъ.
 И только въ полѣ на сраженьѣ,
 И за зеркаломъ дѣлъ въ вершеньѣ
 Сыновій нуженъ царству жаръ?—
 Нѣтъ!—проклятъ всякъ сокрывшій даръ.

Три дщери своего рожденья
 Судили Небеса послашь,
 Чшобъ свѣтъ, красу и упѣшенье
 На землю мрачну проливашь;
 Схващась красавицы руками,
 Съ улыбкой пихими спопами
 Проходящъ міръ:—и се въ нашъ вѣкъ
 Пришли въ полнощъ, какъ Петръ предрекъ.

Пусшь духъ Поэша сотворяешъ,
Вливаетъ Живописецъ жизньъ,
А чувства Музыканшь въдыхаетъ
Къ образованью ихъ опчизнь:
И насъ колъ Геніи въдыхають,
Отъ сна съ зарею возбуждають,
Не стыдноль нѣгу обнимають?
Пойдемъ Сатурна побѣждають!

XLVI.

КЪ СКОПИХИНУ.

Не блещеть серебро въ скупой
 Землѣ, лежаще сокровеннымъ.
 Скопихинъ! врагъ его ты злой,
 Упопребленіемъ полезнымъ
 Пока твоимъ не оцѣнишь,
 Сіяющимъ не учинишь.

Безсмертно Мининъ будешь жишь,
 Рѣшившійся своимъ имѣньемъ
 Москву опъ плѣна свободишь;
 И пошь Д., что съ шерпѣньемъ
 Свой вѣкъ казну копилъ, и вдругъ
 Далъ миліоны для наукъ.

О! есѣли Ш. къ днямъ
 Своимъ еще прибавилъ вѣку:
 То не по шѣмъ своимъ пирамъ,
 Что были дивомъ человѣку,
 Гдѣ тысячи разпочены,
 Народъ, Цари угощены!

Гдѣ, какъ въ волшебныхъ нѣкихъ снахъ,
 Зимой въ морозъ, прошивъ природы,
 Цвѣтущую весну въ садахъ,
 Шумящія съ утѣсовъ воды
 И звѣздъ разсыпавъ миліонъ,
 Свой домъ представилъ раемъ онъ.

Нѣтъ!—нѣтъ!—не роскошью такой
 Его днесъ въ свѣтъ прославляютъ;
 Спопы прошли, какъ сонъ пуспой,
 Ихъ госпи скоро забываютъ:
 Но шѣмъ обрѣлъ онъ всѣхъ любовь,
 Чшо бѣднымъ даль, больнымъ покровъ.

Сіи щедроты въ родъ и родъ,
 Какъ солнечны лучи, не умрутъ;
 Со дня ихъ на день блескъ печетъ;
 Опъ Бельша до Амура будупъ
 Съ почтеніемъ всѣ зрѣтъ на нихъ,
 По сущность учрежденій ихъ.

Преспанъ и пы жить въ погребѣхъ,
 Какъ крошъ, въ ущельяхъ подземельныхъ,
 И на чугуновыхъ шамъ цѣпяхъ
 Сперечь, при блескѣ искръ елейныхъ,
 Висящи бочки серебра:
 Иль лаятъ псомъ вокругъ двора.

Томимый скорбью водяной,
 Чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше жаждешь;
 Вредомъ вредъ умножая свой,
 Сугубой слабостию спраждешь,
 Доколь, причину онъ бѣды,
 Не выгонишь изъ жилъ воды.

Лишаясь нѣкихъ пользъ своихъ,
 Держа В. равенство
 Въ торгу прошиву спранъ чужихъ,
 Спяжалъ и честь и благоденство;
 Хоть часно чернь и злобный свѣтъ
 И добродѣтель зломъ зовешь.

Но нѣтъ! —она въ себѣ одной
 Всѣ блага смертныхъ заключаетъ;
 Уча ихъ оцѣнятъ собой,
 Тѣмъ лавръ и пальму доставляетъ:
 Кто могъ безъ зависти перпѣть,
 На злою равнодушно зрѣть?

КО ВТОРОМУ СОСѢДУ.

Не косць рѣзная Колмогорь,
Не мраморь Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфорь,
Не шелкъ Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей дѣлающъ извѣстность;
Но нѣкій пвердый духъ и чеспность,
А паче Музъ дары.

Почпоже, мой впорый Сосѣдъ,
Споль зданьемъ пышнымъ, споль опличнымъ,
Мнѣ солнца заспѣняя свѣшъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моего заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тьмы скупленныхъ побой мѣстечекъ
Твой не насыпашъ взоръ?

Въ топъ мигъ, какъ съ пошвы до конька
 И около, презрѣннымъ взглядомъ,
 Мое строеніе слегка
 Съ своимъ обозрѣвая рядомъ,
 Ты въ гордоспи своей съ высопъ
 На низменны мои, мнишь, кровы
 Навѣсипъ темный садъ кедровый
 И шумны токи водъ:

Кто вѣспъ, что рокъ гошовипъ намъ?
 Быпъ можепъ, что сіи черпоги,
 Назначенны побой Царямъ,
 Жеспоки времена и спроги
 Во спойлы конски обрапипъ.
 За щаспие поруки нѣпу,
 И чпобъ пвой фебъ свѣшилъ вѣкъ свѣпу,
 Не бейся объ закладъ.

Такъ, шакъ:—но примѣчай, какъ день
 Увы!—ночь шемна зашмѣваепъ;
 Луну скрываетъ облакъ, шѣнь;
 Она распепъ, иль убываетъ:
 Съ сумой не ссорся и шюрьмой.
 Хошъ днесъ къ звѣздамъ шы высишь спѣны,
 Но знай:—шы прахъ одушевленный,
 И скроешься землѣй.

Надежнѣй гроба дома нѣтъ,
 Богатымъ онъ опроверсѣтъ и бѣднымъ;
 И Царь и рабъ въ него придетъ:
 Къ чему жъ съ споль рвеньемъ ты безмѣрнымъ
 Свой посюпалый строишь дворъ,
 И ахъ! сокровищи Тавриды
 На баркахъ свозишь въ пирамиды
 Среди полицейскихъ ссоръ?

Любовь гражданъ и слава намъ
 Лишь воздвигаютъ прочны дома;
 Они, подобно небесамъ,
 Стоятъ и презираютъ громы.
 Зри, хижина Петра до днесь,
 Какъ храмъ, неплѣнна среди сполиты!
 Святъ домъ,—подъ кой народъ гробницы
 Машвѣеву принесть!

Рабочихъ въ шумъ голосовъ,
 Машинъ во скрипъ, во спенаньи,
 Среди громкихъ пѣсень и пировъ
 Трудись сосѣдъ и спрой ты зданьи;
 Но мой не опнимай лишь свѣтъ.
 А по оставь молвъ правдивой
 Рѣшишь: чей домъ скорѣй крапивою,
 Иль плющемъ, зараспешь?

XLVIII.

М А Н Е В Р Ы.

Громовой упряжи, пучь молненных Пра-
 вишель,
 На ржущихъ бурями лепашей коняхъ,
 О Геній браней! Богъ героевъ, Покровишель,
 Живущей мужества въ сердцахъ!
 Изъ выющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ,
 дыма, преска,
 Съ бѣгущаго струей по пыну ружей блеска,
 Склони угрюмый, грозный взоръ
 На лирный слабый голосъ мой.

Ты научилъ Петра пошѣхами, въ дни млады,
 Росадникъ насадишь перуновъ и побѣдъ;
 Румянцова, въ степяхъ водишь гремящи грады;
 Суворова,—во сердце вредъ
 Врагу вносишь, какъ громъ, какъ молніи,
 шпыками,
 Флотъ Чичагова спасъ отъ прехъ силъ
 между льдами;
 А Круза,—паруса въ оппоръ
 Подняшь Пешрополю спѣной.

Ты мужество вливалъ Герою молодому,
 Безмѣрны высоты и бездны проходишь;
 Зрѣшь съ скалъ на колыбель почіющаго грому,
 По молніямъ полки водишь;

И грудь порфирну скрывъ, не препенно эгидомъ
Разишь средь Альповъ змѣй, съ полуночнымъ
Алкидомъ,
Чтوبъ браннымъ Свяпославомъ спавъ,
Свой взялъ соименишый градъ.

Монарху Съвера давъ орлій духъ и смѣлоспъ,
Какъ въ выпренноспъ вспешапъ какъ нпз-
пускапся въ долъ,
Вдыхай, вдыхай ему науки бранной зрѣлоспъ,
Какъ охраняпъ ей царспвъ пресполь.
Онъ, воевъ храбрыхъ грудь сплопя во шверды
спѣны,
Искуспвомъ кажепъ вмигъ волшебные пре-
мѣны:

То ихъ дѣля, шо ихъ смѣшавъ,
Зовешъ съ нихъ огонь, и смершь, и адъ.

Встань Цезарь, Ганнибаль, Карль, Фридрихъ,
изъ могилы!
И изумленный взоръ изъ мрака бросьте свой
На движущія фаланговъ Россскихъ силы,
На сей блестящій, красный строй!
И въ помъ признайшесь вы безъ самолюбя
спраспи:
Чшобы вселенную своей подвергнуть власпи,
То Діевъ только сынъ возмогъ,
И можетъ развѣ Руской Царь.—

Такъ, Александромъ бывъ, будь побѣди-
шель свѣша,
О исполиновъ Вождь! Но не чрезъ брань и
кровь,
А милосердіемъ и мудроспью одѣша
Пуспъ будешъ мочъ швоя—любовь.
Какъ Зевсъ, держи перунъ и имъ сверкай
по небу;
Но благошворному подобясь больше Фебу,
Свѣши на свѣшъ, какъ свѣша Богъ,
Миря грозой мяшежну шварь!

XLIX.

З И М А.

Поэтъ.

Чшо ты, Муза, такъ печальна,
 Пригорюнившись, сидишь?
 Сквозь окошечка хрустальна,
 Склоча волосы, глядишь;
 Ципры, флейшы, и скрыпицы,
 Въ бѣлы руки не берешь;
 Ни божеспвенной фелицы,
 Ни Плѣниры не поешь?

Муза.

Чшо мнѣ пѣшь?—Ахъ! гдѣ Харишы?
 И друзей моихъ ужъ нѣшь!
 Л., Х. въ гробѣ скрышы,
 За Днѣпромъ К. живешъ.
 В., лиръ любишель,
 Богашырь, пѣвецъ въ кругу,
 Беззабошный свѣша жишель,
 Согнушь скорбями въ дугу.

Поэтъ.

Да! Фелицы нѣшъ, Плѣниры,
 Нѣшъ Харипъ, и нѣшъ друзей:
 Звукъ торжественныя лиры
 Посвяпишь кому швоей?
 Посвяпишь ли въ честь шы Хлору,
 Иль Добрадъ въ славу шы?
 Трубъ у нихъ неслышно хору,
 Дни ихъ шихи, какъ лисшы.

Муза.

Топъ сидишь всегда за дѣломъ,
 Та покоишь вдовъ, сиротъ;
 Въ покрывалъ скромномъ, бѣломъ,
 Такъ Зима гошовишь плодъ.
 Не видашь ея работы,
 Не слыхаешь ея машинъ;
 Но по сукъ зряшся льгошы,
 И земля цвѣшетъ какъ кринъ.

Поэтъ.

Между шѣмъ къ намъ, В. новъ
 Ты прійди хопя согбенъ,
 Огнь разложимъ средь каминовъ,
 Милыхъ сердцу соберемъ;
 И подъ арфой пихогласной
 Наливая алый сокъ,
 Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной:
 Дай Зимъ здоровье Богъ!

L.
В Р Е М Я,

О Д ! Д ! какъ время
 Быстро въ вѣчность все несешь!
 Будто море, смертныхъ племя
 За волной волна печешь.
 Ни поклоновъ счесть молебныхъ,
 Ни посшы, ни шажкѣй прудъ,
 Староспью напечатлѣнныхъ
 Лба морщинъ ужъ не сопрушь;
 Не удержишь дней лепящихъ
 Люшу смерть не воспяешь.

* * *

Такъ, мой другъ!—хотя адепты
 Пьютъ безсмертья эликсиръ,
 Въ ризы воздуха одѣты
 Ангельскій сославяшь міръ:
 Но до онаго мы время
 Всѣ подъ плотию живемъ,
 Носимъ разрушенья бремя
 И конечно всѣ помремъ;
 Лишь божественная искра
 Вѣчно будешь жить—нашъ духъ.

Духъ!—и шѣ дѣла не умрутъ,
 Производятъ что добро;
 Жить они за гробомъ будутъ,
 Лавромъ намъ увьютъ чело.
 Чужъ въ сей жизни поперяемъ,
 Что намъ сдѣлають бѣды,
 Естьли мы награды чаемъ
 Тамъ за здѣшніе труды?
 Только нужно запасися
 Кошмою добрыхъ дѣлъ.

* * *

Такъ,—едина добродѣтель
 Здѣсь и тамъ щаспливишь насъ.
 Естьли совѣсть нашъ свидѣтель,
 Не ужасенъ смертный часъ;
 Не ужасенъ ревъ гоненья,
 И коварство не хитро;
 Должно время для терпѣнья,
 Для веселія быстро:
 Но премудрый проживаетъ
 Равнодушно весь свой вѣкъ.

Имъ ни время не владѣеть,
 Ниже злато, ни сребро;
 Онъ порядку дѣль радѣеть,
 Любишь общее добро;
 Убѣгая пышныхъ вздоровъ
 И блестящихъ мѣлочей,
 Онъ во санъ прокуроровъ,
 Всѣхъ вельможъ, судей, царей,
 Чинишь лишь только человека
 И желаетъ самъ имъ бытъ.

* * *

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
 Ускорилъ коль правый судъ;
 Коль оперъ сиротски слезы,
 Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
 Дѣлалъ то, что дѣлать должно:
 И безъ чина ты почтенъ.
 Напрошивъ, — живя безбожно,
 Всѣми временщикъ презрѣнъ;
 Утѣсная добродѣтель,
 Самъ онъ имишь свой свѣшлый санъ.

LI.

В Е С Н А.

Таесть зима дыханьемъ Фавона,
Взгляда бѣжишь прекрасной весны;
Мчишься Нева къ Бельшу на лоно,
Съ берега суда спущены.

Снѣгомъ лѣса не блещушь, ни горы,
Спогновъ согрѣшь не пышетъ огонь;
Ломяшь спада, играя, запворы,
Рыща, ржешь на полѣ конь.

Нимфы въ лугу, подѣ луннымъ сіяньемъ,
Спавъ въ хороводъ, вечерней зарей,
Въ пѣсняхъ поюшь весну съ восклицаньемъ,
Пляшущъ, попочушь спопой.

Солнце лучемъ лиловымъ на взморье
Бросишь какъ огонь, Пепрополь вкушаешь
Свѣжій зефиръ валишь въ лукоморье:
Бдешь и ты шамъ гуляешь.

Бдешь,—и зришь злакъ, небо, лѣсъ, воды,
 Милу жену, вокругъ рощу сыновъ;
 Прелестъ всю зришь съ собой ты природы,
 Щаспливъ симъ, щаспливъ ты, Л. . . .!

Чшожь ты споишь шакъ мало упѣшенъ?
 Плюнь на пвоихъ лихихъ супоспапъ!
 Еспьли прибыпокъ оный безгрѣшенъ,
 Ревель что даль и Кроншпапъ?

Выкапи, дай, ты дай непременно
 Бочку скорѣй намъ усприцъ на споль;
 Порперъ, вино, что искрами пѣнно,
 Каплеть что злапомъ, какъ смоль;

Въ полспомъ спеклѣ что выжимки силы,
 Въ свершкахъ правы, что слаще сопа;
 Сокъ намъ подай, что молніей въ жилы,
 Быспро лешишь что въ успа!

Выспавъ намъ все.—Такъ, время пріятно,
 Должно пвоихъ друзей угощашъ.
 Дышущъ пока сады ароматно,
 Розы спѣши собирать.

Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно,
Мигъ чпо одинъ не сходень съ другимъ;
Въ міръ земномъ все, видишь, премѣнно;
Гладкій понтъ часто холмимъ.

Самый швой торгъ,—имперій цвѣтъ, слава,
Первый къ вреду, расплѣнію шагъ;
Блага лишь сушь: здоровье, забава,
Честность;—все прочее прахъ.

LII.

ПАМЯТЬ ДРУГУ.

Плакуція березы воюпъ,
 На чорну наклоняся шѣнь;
 Унылы вѣпры воздухъ роюпъ,
 Вспаешъ туманъ по всякой день—
 Надъ кѣмъ?—Кого сія могила,
 Обросши павеликой вкругъ,
 Подъ мѣдною доской сокрыла?
 Кто тушъ? Не Музь ли, вкуса, другъ?

Другъ мой!—Увы! озлобься Время
 Его спѣшило въ гробъ сокрышь,
 Чшо сѣя онъ познаній сѣмя,
 Мнилъ вѣки пользой пережишь;
 Воздвигнувъ изъ земли громады
 И зодчества блеспя челомъ,
 Трудился, чшобъ полнощи чады
 Искусствъ покрылися вѣнцомъ.

Вспань духъ Поэзы Руской древней,
 Съ кѣмъ вшоря, онъ Добрыню пѣль,
 Межъ завпреней и межъ обѣдней
 Взмахнувъ крыла въ свирѣль гремѣль;
 И лебедь, солнца какъ при всходѣ,
 Подъ красный вечеръ на водахъ,
 Раздавшись кликами въ природѣ,
 Вѣщай, шверди: пущь Л. прахъ.

Довольны ль эхомъ симъ, Харишпы,
 Чшобъ перспь вамъ милую найши?
 Таланпы рѣдки знаменишпы,
 Вокругъ песпрѣюшъ ихъ цвѣшпы:
 Облаговоньшежъ возліяньемъ
 Сердецъ вы друга своего,
 Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
 Текише, Музы! въ слѣдъ его.

Но кшожъ моей гитары спруны
 На нѣжный будепъ понъ спущашъ,
 Фивейски молньи и перуны
 Росой Тіиской упояшъ?
 Кшо памятникъ надъ мной поспавишъ,
 Подъ дубомъ шопъ сумрачный сводъ,
 Въ кошоромъ могъ меня бы славишъ
 Играя съ громами Эрошъ?

Ужъ нѣтъ тебя! ужъ нѣтъ! — Прійдите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Гдѣ скрытъ подъ пеленою Л.
Ахъ! плачьте чада, плачьте други!
Цѣлуй послѣдній разъ, краса!
Ужъ слезы Лизы и супруги,
Какъ пламенна горитъ роса.

ІІІ.
МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ.

Блажени милоспивиі, яко
тіи помиловани budúшъ.

Слетаєть съ неба лучъ въ полнощи,
На гробъ теплеться свѣча,
Благоухають миррой рощи,
Лієшся съ горъ ручей, журча;
Зефиры шепчуться съ цвѣтами,
Колеблеться луна водами;
Со перепеломъ краспелъ въ ладъ,
Чушь соловей въ дали мнѣ слышенъ:
Кому шушь монументъ возвышенъ?
Миръ праху пвоему, мужъ свящъ!

* * *

Не праведника ль спящъ шушь коспи,
Который сердоболень былъ,
Изъ зева, ослѣпленной злоспи
Испоргъ невинность, и сразилъ
Чудовище, алкавшее крови?
Даль къ чловѣчеству въ любви
Примѣрь,—и жизнь его сберегъ?
Сію вѣшвъ мирпову Царица,
Какъ древле крошка голубица,
Законовъ принесла въ ковчегъ.

Но что по мраку за каршина
 Въ эфиръ развилася вокругъ?
 Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
 Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
 Тупъ облеченное лучами
 Явилось Божество съ вѣсами,
 И мечъ и вѣшъ держа рукой,
 Рекло:—(гласъ грома повторили:)
 „Блажени милоспивы были,
 „Помилованы будутъ мной.

* * *

Не спрашный ль, грозный, неумышный,
 Нелицемерный вижу судъ,
 Предъ коимъ днешни, первобытны,
 Опчешъ дашь смертные идушь?
 Такъ!—вижу я Царей съ рабами,
 Равно спояшъ передъ вѣсами;
 Разкрыши совѣспи лежащъ.
 И се зрю: Петръ, Елисавета,
 Съ Екатериной, въ блескъ свѣша,
 Грядущъ съ улыбкой пальму взяшъ.

Идутъ и обращаютьъ взоры
 На пѣхъ вельможъ, вождей, судей,
 Бесѣды коихъ, разговоры
 Ко сожалѣнію людей,
 На милосердье ихъ склоняли,
 Которы имъ совѣшъ давали:
 Тотъ казнь, тотъ пытки испребишъ,
 Тотъ тайны разклепашъ запворы,
 Н. ! и себя въ ихъ хоры
 Велѣла Милосшъ помѣсшишъ.

* * *

Почпожъ гремѣвшіе споль браньми
 Вожди за облакомъ спояшъ?
 Лице свое скрывая дланьми,
 Глядѣшъ на лавры не хопяшъ?
 Почпо вселенной побѣдишель,
 Народовъ многихъ покоришель,
 Опъ чашъ, наполненныхъ кровей,
 Ему пѣнями подносимыхъ,
 Съ спенаніемъ вокругъ носимыхъ,
 Опворопился, слыша: „пей!

Пей, пей! ты налил ихъ, вѣщали.
 Увы! почто же на гробахъ
 Вождей мы зданьи создали,
 Коль памяшь золь стягчишь ихъ прахъ?
 Не глупости ли знакъ щеславной
 И самый мавзолей погъ славной,
 Который обогренъ въ крови?
 У вѣчности свои сушь правы.
 Ахъ! такъ:—Богъ истинныя славы,—
 Богъ милосердья и любви.

* * *

Прейдущъ куренія священи,
 И дни и времена пройдушь,
 Разрушатся сполны, швердыни,
 На царшвы царшвы упадушь;
 Поищушь дивной пирамиды,
 И не найдушь;—а развѣ виды,
 Иль мрачный въ ней звѣриный логъ.—
 Перунъ небесъ чему коснешся,—
 И мѣдъ и мраморъ разплывешся:
 Прошивишся гордынѣ Богъ.

Такъ, вѣпви кропосши свяшыя,
 Враша отверзшія темницъ,
 Прогнавшія пѣнь Гарпыи злыя,
 Спокоившія вдовъ, дѣвицъ!
 Что сущъ бичи предъ вами міра,
 Коль ваша свѣшлая порфира,
 Какъ теплотворный лучъ весны,
 Полсвѣта миромъ оживляешъ,
 Наукъ цвѣтами украшаешъ?
 Тріумфъ вашъ—Неба вышины!

* * *

Но естѣли злоба ополчипся
 Нарушитъ сладкій нашъ покой:
 Возспавъ, Россія окружипся,
 Какъ пучей, чадъ своихъ спѣной.
 Богъ милоспи предъ ней предъидешъ,
 Онъ выше облакъ воды вздымешъ,
 И съ шумомъ ихъ со всѣхъ споронъ
 Громъ бросипъ на чело возницы,
 На всадника, на колесницы:
 И гдѣ грозившій Фараонъ?

Опъ сна на возстающій міръ.
 Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
 Открылся всей ему природы!
 Онъ видѣлъ землю вдругъ и небеса, и воды,
 И блескъ планетъ,
 Тонущій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.
 Онъ зрѣлъ: какъ солнцу пупъ заря угошляла,
 Лиловые ковры съ улыбкой распилала,
 Враша воспока опперла,
 Крылатыхъ коней запрягла,
 И звѣздъ Царя, сего вѣнчаннаго возницу,
 Румяною рукой взвела на колесницу;
 Какъ хоромъ упренныхъ часовъ окружена,
 Подвигнулась въ свой пупъ она,
 И возшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна;
 Багряны вожжи напряглись
 По конскимъ блещущимъ хребтамъ;
 Лепяшъ, вверхъ пышущъ огонь, свѣтъ мещущъ
 по спранамъ,
 И мглы подъ ними улеглись;
 Тумановъ рѣки разлились,
 Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
 Челомъ сверкая золопымъ,
 Возспали горы изъ долинъ.
 И воскурился сверхъ ихъ понкій дымъ.
 Онъ зрѣлъ: какъ свѣта Богъ съ морями лишь
 сравнился,
 То алый лучъ по нихъ возколебался,
 Посыпались со скалъ
 Рубины, яхонты, кристалъ,

И бисеры перловы
Зажглися на вѣпвяхъ;
Багряны пѣни, бирюзовы,
Слилися съ запахомъ въ облакахъ;—
И все—сіянiе покрыло!

Онъ видѣлъ: какъ сіе божественно свѣшило
На высоту небесъ взнесло свое чело,
И пропащей лице лучами разцвѣло!
Открылося морей огнисто прозяженъе:
Тамъ съ холма внизъ глядишь, навѣсясь, шем-
ный кедръ,
Тамъ съ шумомъ вержешь кишъ на воздухъ
рѣкъ стремленъе,
Тамъ чолнъ на парусахъ бѣжишь средь вод-
ныхъ нѣдръ;

Тамъ выплывъ изъ пучины
Играють, рѣзвяшся дельфины,
И рыбъ спада сверкають чешуей,
И блещутъ чуды чрева бѣлизной.

А шамъ среди лѣсовъ гора переспунаешъ,
Подъемлешъ хобопъ слонъ и съ дровъ плоды
снимаешъ.

Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюды поднялись;
Тамъ конь, пуская по въпру гриву,
Бѣжитъ и мнѣтъ волнисту ниву.
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежишь,
Глазами красными блещишь;

Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ спрѣ-
лами,

И изъявляюшъ зодчихъ прудъ.
 Тамъ поселяне плугъ влекушъ,
 Здѣсь сѣпи рыболовъ кидаешъ,
 На удѣ блещешъ серебро;
 Тамъ огонь съ оружья войскъ сверкаешъ.—
 И все то благо, все добро!

Клеаншъ, на все сіе взирая,
 Быль внѣ себя Природы опъ чудесъ,
 Верховный умъ Творца воображая,
 Излилъ попоки сладкихъ слезъ.—
 Все дѣло рукъ Твоихъ! вскричалъ во умиленъ,
 И арфу въ восхищенъ
 Пріявъ, благоговѣнья полнъ,
 Въ фригическій наспроя понъ,
 Умолкъ.—Но лишь съ небесъ сквозь дуба
сводъ лиспвяный
 Проникнувъ, на него палъ свѣшъ багряный,
 Брада сребриспая, чело
 Зардѣвшися, какъ солнце, разцвѣло;—
 Ударилъ по спрунамъ, и опъ холма съ вершинъ
 Какъ искръ спруи въ доль быспро покапились,
 Далеко звуки разгласились,
 Воспѣлъ онъ Богу гимнъ.

LV.

ГИМНЪ БОГУ.

О Ты! всесый, многоимянный,
Но шопъ же и вездѣ единый!
Премудрый, вѣчный, несозданный,
Благій шворецъ и власпелинь!
Чшо солнце подъ собою прономъ,
Въ подножье звѣзды положиль,
Единымъ правишь все закономъ
Своихъ неизмѣримыхъ силъ!

Коль не возбранно шварямъ смерпнымъ
Къ шебѣ взывать: Тебя пою!
Все, чшо ни вижу окомъ бреннымъ,
Все чшипъ Тебя въ вину свою.
Я самъ, а самъ Твое шворенье,
Подобье слабое, Твой сынъ,
Души моей вседневно пѣнье,
Тебѣ сей посвящаю гимнъ.

Сводъ неба, надъ моею главою
 Что съ сонмомъ многихъ звѣздъ висипъ,
 Вращаясь вкругъ земли, собою
 Твое велѣніе пворишъ;
 Въ молчаньи движась, исполняешъ
 Земля вся маніе Твое,
 И вся природа совершаетъ
 Тобой печеніе свое.

Перунъ, посоль Твоихъ законовъ,
 Въ Твоей всесильной длани спипъ;
 Взгорясь безсмертною жизнью громовъ,
 Спрашишъ всю пварь, прясешъ, мерпвишъ:
 Но Тыжъ духъ жизни посылаешъ,
 И всѣ онъ существа живипъ;
 Все имъ содержишъ, оживляешъ,
 Твоя же власъ природы щипъ.

Что въ небѣ, морѣ, сушѣ зришся,
 Твое что бездна обняла,
 Все зиждетсѣ и все родипсѣ
 Лишь опъ Тебя, —окромѣ зла:
 Оно одно, изъ душъ порочныхъ
 Возникнувъ, возмущаетъ свѣшъ;
 Но мышцей силъ Твоихъ всемошнихъ
 Въ порядокъ паки все идешъ.

Борьбу спихій и разногласье,
 Въ согласіе приводишь Ты;
 Творишь изъ распрь покой и щасье,
 Изъ зла и блага красоты.
 Міры Тобою пребывающъ,
 Въ Тебѣ союзъ ихъ свѣта, шьмы,
 Который лишъ распроевающъ
 Одни порочные умы.

О бѣдные! найми мня щасье,
 Закона общаго не чшущъ,
 Кой просвѣшивъ, привелъ въ согласье
 И къ щасью всѣмъ опверзъ бы пущъ.
 Такъ, пакъ, они его не знающъ,
 Бѣгущъ опъ правды, красоты;
 Свое лишъ благо почипающъ,
 А благо обще за мечшы.

Спѣшащъ, лешящъ ко громкой славѣ,
 Къ богашествамъ, власши и чинамъ,
 Къ великолѣпію, забавѣ,
 Всѣхъ низкихъ слабостей къ сляспямъ,
 Которы льссящъ ихъ, обавающъ
 И въ сѣщъ обманами влекущъ;
 Но лишъ уловящъ, исчезающъ,
 Оспавя въ слѣдъ имъ скорбь и спудъ.

Но Ты, о Боже! благъ Содѣтель!
 Богъ молній, грома, свѣта, тьмы!
 Вдохни въ ихъ душу добродѣтель,
 Блесни и разжени ихъ мглы;
 Возвысь ихъ умъ къ уму неплѣнну,
 Къ тому ихъ разуму взнеси,
 Которымъ правишь Ты вселенну
 И на земли и въ небеси.

Почпилъ Ты коимъ челоуѣка,
 Чѣмъ разумѣль Твои дѣла,
 И чрезъ него опъ всѣхъ до вѣка
 Гремѣла бы Твоя хвала:
 Такъ должно, праведно, прекрасно,
 Творенію Творца хвалишь;
 Въ восклицаніяхъ всечасно
 Его святое имя чпишь.

Никто, никто изъ всѣхъ живущихъ
 Среди земли, среди небесъ,
 Не обрѣшетъ изъ шварей сущихъ
 Сполъ удивительныхъ чудесъ,
 Великихъ, славныхъ, непоспизныхъ,
 Каковъ великій разумъ шопъ,
 Чѣмъ въ маніяхъ своихъ обширныхъ
 Природѣ всей законъ даетъ.—

Онъ пѣлъ—и къ гласу споль священну
Главу, казалось, вознесенну
Вкругъ холмы, горы и лѣса,
И сами вышні небеса
Съ благоговѣніемъ склонили;
Всѣ штилися ему внимають,
Присущствіе Господне чтили,
Кого могъ праведникъ призвають.

Знойное лѣто весна увѣнчала
 Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцомъ;
 Липова роща, какъ жаръ, возблиспала
 Вкругъ меда лиспомъ.

Желтые грозды, сквозь листь продираясь,
 Запахомъ, рдяномъ нимфъ сельскихъ маняшъ;
 Травы и нивы, косою озаряясь,
 Какъ волны шумяшъ.

Спкляныя рѣки лучемъ полудневымъ
 Жидкому злапу подобно пекушъ,
 Кравы и овцы съ млекою накопленнымъ
 Подъ кущи бѣгушъ.

Сизые враны, орлы быспропарны,
 Крылья спустивши, подъ хвраспомъ сидяшъ;
 Тучная роскошь въ пѣни сокъ прохладный
 Пьешъ, ищешъ опрадь.

Видишь ли, Д. ! всего изобилъе,
 Самое благо бышь можешъ намъ зломъ;
 Щасъ и нѣга разума крылья
 Сплошь давяшъ ярмомъ.

Въ домѣ живѣ лѣшомъ, въ раю ты небесномъ,
Въ славномъ помѣспѣ Сызранскомъ съ опцомъ,
Мышлю, лѣнишься пѣть въ хорѣ прелесномъ,
Цвѣспѣ Музъ подѣ вѣнцомъ.

LVII.

О С Е Н Ь.

На скирдахъ молодыхъ сидючи Осень,
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносень,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даешъ,
Песпрошой по лѣсамъ живо цвѣшешъ,
Взоръ мой дивишъ!

Разныхъ пшицъ голоса, вьющихся пучи,
Шумъ сноповъ, бѣгъ пѣлегъ, оси скрипучи,
Спукъ цѣповъ по покамъ, въ рощахъ лайпсовъ,
Жницъ съ знаменъ идущихъ гуль голосовъ
Слухъ мой плѣнишъ.

Какъ миль сей природы радостный образъ!
Какъ пварей довольныхъ сладоспенъ возгласъ!
Гдѣ Осень обилье рукою ведешъ,
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даешъ
Общій опецъ.

Но что же вдругъ, Я. . . . ! черныя бури,
Грохоча такъ, кроюшъ неба лазури?
Здѣсь шихій покъ съ ревомъ роешъ волна,
Тамъ въ блѣдныхъ шуманахъ ржешъ намъ война:
Благъ ли Творецъ?

Ахъ! благъ всѣхъ Зиждитель, я слышу,
ты рекъ:
Невѣжда продерзкій лишь ты, человекъ,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Самъ часто своихъ ты ищешь сѣпей:
Хранишь только Богъ.

О! правда то, правда!—Смиримъ же предъ
нимъ
Нашъ глупый мы ропотъ и волю дадимъ
Всемощной десницѣ солнце водишь;
Бѣгъ міра превраща на спанемъ сносишь,
Чпящи свой рокъ.

Такъ ешъли съ Урала злапые ключи
Въ царской лиль кладязь, ихъ самъ не пьючи;
Я дни мнилъ Аспрей, миръ и покой
Ввесъь распрей въ вершепъ, — и съ чиспой
душой
Благъ всѣмъ желалъ:

Но то коль не надо,—оставимъ судьбамъ
Премудрымъ, дасть лучшій здѣсь жребій людямъ;
Сѣвъ, сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ,
Осени доброй намъ дасть по прудѣ
Щаспья покаль.

LVIII.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА.

Какъ свѣпящся блески
На розѣ росы:
Такъ милы усмѣшки
Невинной красы.
Младенческой образъ
Видъ въ каплѣ зари.

А быспро журчащій
Межъ розъ и лилей,
Какъ перломъ блестящій
По лугу ручей:
Такъ юноши упро,
Играя, печешъ.

Рѣкажъ, или взморье
Полдневной порой
Какъ въ долъ, иль на взгорье
Несешся волной:
Такъ мужество бурно
Спраспами блещишъ.

Но озеро спкляно,
Упихнувъ опъ бурь,
Какъ шихо и важно
Чушь кажешъ лазурь:
Такъ спароспъ подъ вечеръ
Споишъ на клюкѣ.

Сколь счаспливъ, кпо въ жизни
Всѣ возраспы вѣль,
Спрашасъ укоризны
Внупръ совѣспи золь!
На западъ свой ясный
Онъ весело зришъ.

ПОХОДЪ ОЗИРИДА.

Алое облако сходишь,
Свѣтъ озлащающе весь,
Оку и слуху низводишь
Блески и звуки небесъ.

Чпо за видѣнье?

Чувствъ упоенье

Душу влечешь!

Новой ли идешь на землю по годъ?

Или поль свѣтлаго вида
Духъ созерцапельный мой
Юнаго вновь Озирида
Видишь, какъ идешь войной

Въ бой на гienну,

Миромъ вселенну

Всю побѣдишь,

Дней въ ней злапыхъ сады насадишь?

Въ слѣдъ его Музы
 Идутъ, поютъ,
 Вязъ цвѣшовъ, узы,
 Легку кладутъ
 Цѣпь на народы,
 Царствъ на главы.
 Пней короводы
 Кочки, совы
 Вкругъ ихъ полпяся
 Щасья въ залогъ,
 Сонмомъ лежася
 Подлѣ у ногъ.

Или по Фивъ лучезарный,
 Милый Богъ свѣта идешь?
 Спрѣлъ за спиной быспропарный
 Туль онъ гремящихъ несешь:
 Двурожець въ рукахъ,
 Огнь быспрый въ очахъ,
 Гнѣвъ на челѣ;
 Ищешь Тифона онъ спрашнаго въ мглѣ.

Видишь,—и въ мигъ напягаешь
 Вербью кленову спрѣлу,
 Вержешь,—и рогъ содрагаешь,
 Воешь спруна, и во мглу
 Лучь улешаешь,
 Свищешь, сверкаешь,
 Съ прескомъ разишь
 Грудь оспріемъ,—спаль чешуйна звенишь.

Кровь по хрупчашу
 Вьешся песку,
 Злобу зубашу,
 Адску шоску
 Льешъ Князь тьмы зевомъ,
 Крылья и хвостъ
 Бьешъ,—и пыль съ ревомъ
 Кохшми дерешъ;
 Ядъ пошвенно
 Блещешъ, шипишъ.
 Фивъ зришъ презрѣнно,
 Лукъ лишь гремишъ.

Или то Царь злошкудрый,
 Доблй мой вождь, полубогъ,
 Рождшись что—сѣвера бури
 Въ люлькѣ, морозы возмогъ,
 Дунувъ зефиромъ,
 Воззя сапфиромъ,
 Вмигъ укропишъ,
 Красное солнце къ веснѣ возврапишъ?

Вѣрно онъ, съ Фивомъ шоль схожй
 Пурпуромъ, свѣплымъ лицомъ,
 Роспомъ, осанкой пригожй,
 Бѣлымъ на шлемѣ перомъ;—
 Онъ, кому геньи
 Всѣ въ восхищеньи
 Слили дары,
 Я кого пѣль,—днесъ спавишъ шапры!

Даждь ему небо
Злоспъ побѣдишь,
Дланями Феба
Міръ умиришь,
Силы вѣсами
Царспвы сравняшь,
Домъ свой лучами
Славы обняшь!
Я Полимнію
Въ ликъ соглашу,
Пѣсньми Россію
Всю освѣщу.

ГЛАСЬ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА.

Небесъ зеркало, въ коемъ ясный
 Мы видимъ отблескъ Божества,
 О Ангель нашихъ дней прекрасный!
 Благаго образъ Существа!
 Который, какъ весна, сапфиромъ
 Глядишь на насъ,—дышишь зефиромъ
 И багряницей зарь, цвѣшовъ,
 Отъ дальныхъ спранъ благоухаешь,
 Насъ помнишь, любишь, упѣшаешь,
 Взаимну въ насъ родя любовь!

* * *

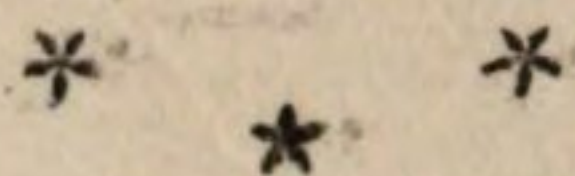
Любовь любимаго народа,—
 Се перло царскаго вѣнца!
 Не санъ, не клятва, не порода,
 Творяшь опечества опца,—
 Любовь,—она всѣ царшвы зиждешь:
 Велишь горѣ,—и съ мѣста идешь;
 Речешь, и пихнешь шумъ морей.
 Ты зришь днесъ самъ на рапномъ полѣ:
 Чѣмъ всѣхъ Царей Ты въ свѣпѣ болѣ?
 И чѣмъ народъ Твой всѣхъ храбрѣй?

Спранъ чуждыхъ хвально чшишь искусство,
 И ихъ любя, благошворишь:
 Но Росса сердце, сына чувство,
 Опець! чѣмъ можешь замѣнишь?
 Пусть предають полки шамъ грады;
 Но мы,—мы всѣ Тебѣ ограды,
 Ты только будь у насъ главой.
 Какъ Богъ, въ подобьи исполина,
 Шагни,—и свѣта половина
 Другая будешь подъ Тобой.

* * *

Мы слышимъ, полнъ къ тебѣ любовью
 Лешишь шамъ Россъ на шрубный гласъ
 И увѣнчался уже кровью:
 Но дѣши ешь еще у насъ;
 Возьми ихъ всѣхъ и насъ на жершву,
 И прежде Ты Россію мершву
 Удришь всю шрупомъ предъ Собою,
 Чѣмъ измѣнимъ Тебѣ и вѣрѣ,
 Смѣняемъ Ормъ, польспя химерѣ,
 Ошцовъ съ доскою гробовой.

Пусть вождь, тиранъ шамъ гордый, бранный,
 Средь хипроспей своихъ, коварспвъ,
 Куешъ мечи,— и умысль шайный
 Плешешъ на плѣнь сосѣднихъ царспвъ:—
 Но Ты, владѣшель бывъ полсвѣша,
 Благопворящая планеша
 Обширныхъ спранъ и шьмы сердець,
 Не посягнешъ безъ нужды на брани;
 Тебѣ пріятнѣе нѣшъ дани,
 Какъ миротворческій вѣнецъ.



Коль подвигъ славень, благородень,
 Чтобы враждующихъ смиряшь!
 Но коль великъ, богоподобень,
 Чтобъ царспвы падши поднимаешь!
 Посредникъ плачущей Европы!
 Опъ Чукчей въ знойны Ефіопы,
 Какъ огонь, сверкнешъ Твой славы громъ;
 Мы видимъ: небо разтворилось,
 И надъ Пешпрополемъ явилось
 Царей сословье, звѣздный сонмъ.

Межъ ними Петръ, Екатерина,
 (О Россамъ радостный соборъ!)
 „Благопріятна намъ судьбина,
 „Петръ рекъ, къ нимъ ослабляя взоръ:
 „Трудовъ мы сколько прилагали,
 „Чпобъ Европейцы насъ узнали
 „И допускали въ ихъ союзъ:—
 „Теперь праправнукъ торжествуетъ,
 „Престоламъ равный вѣсь даруетъ
 „И бережетъ ихъ всѣхъ опъ узъ.

* * *

Какъ святъ воспоргъ душъ горнихъ, радостъ,
 Чпо видяшъ насъ на сей чредѣ!
 Подруга истины есть храбростъ,
 Мзда добродѣтель по шрудѣ.
 Они насъ всѣ благословляющъ,
 Во Александра духъ вливающъ
 Миръ общій, вѣчный, міру дасть.—
 Цари колѣни преклоняющъ,
 Народы, царсшвы прибѣгающъ
 Сшопы Спасителя лобзашъ.

Россія нынѣ, какъ невѣста,
 Ждешь съ брачнымъ жениха вѣнцемъ;
 Повсюду ищешь время, мѣста,
 Чтобы навѣдаться о немъ;
 То клонишь слухъ, то высишь взоры,
 То всходишь на высоки горы
 Зрѣшь солнца своего восходъ.
 Тебя такъ Сѣверъ ожидаетъ,
 Твоей блескъ пѣни примѣчаетъ:
 Приди свой радовать народъ!

* * *

Предстань, любезнѣйшій, народу,
 Какъ рекъ, любезному Тебѣ;
 Воздвигни къ поржесству природу
 Ты всю во срѣшенъе Себѣ:
 Оимьямы въ храмахъ возкурятся,
 Черпоги славой озарятся,
 И нашъ возпламенился духъ.
 О еспѣлибъ въявь онъ засвѣщился!
 Въ подобномъ блескѣ бѣ Ты явился,
 Какъ Топь, кто правишь солнцевъ кругъ.

LXI.

Г. ОЗЕРОВУ

На приписаніе Эдила.

Випія! кому Мельпомена,
 Надѣвъ копурнь, дала кинжалъ;
 А сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена
 Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ
 Блещаще чело.

О пы! что собою предспавиль
 Софокла съ Оссіаномъ вдругъ,
 Въ Эдипъ, намъ въ Бардахъ прославиль
 Расиновъ, Кребилыіоновъ духъ,
 Дѣвъ слезъ ремесло.

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь
 И жжешь пы хладныя сердца,
 Съ глазъ шоки, съ душъ вздохи сзываешь,
 Напрасно чпишь во мнѣ Пѣвца:
 Но демспвенникъ пы.

Ты Музъ олшарей пѣхъ служишель,
 Которыхъ чудопворный гласъ
 Народной толпы просвѣщитель
 Скорѣй теапромъ, чѣмъ Парнасъ:
 Ты огонь съ высоты.

Огонь, что изъ мрака сверкая,
Зміями рѣжешь сквозь эфиръ;
Но Лель съ спрунь Тіискихъ порхая
Мой чухъ звеня, какъ въ зной зефиръ,
На вѣжди сонъ льешь.

Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство,
Съ Гораціемъ я сладость лишь:
То можешь во гробъ попомство
И блескъ вельможъ мнѣ удѣлишь.
Тамъ лавръ мой взрастешь.

LXII.

ЭРОДІЙ НАДЪ ГРОБОМЪ ПРАВЕДНИЦЫ.

Въ далекой,—но единовѣрной,
 Паришь эродій мой спранѣ;
 Унылой, жалобной, плачевной
 Его кликъ огнь льепъ въ сердце мнѣ:
 Что за воспоргъ благочеспивый,
 О врагъ змїевъ храмолюбивый!
 Вдыхаешь мнѣ сей швой полепъ?
 Я вижу за волнами волны,
 Славяно—Россовъ родъ сокровный,
 Какъ сонмы водъ, печепъ въ швой слѣдъ.

* * *

Я вижу нѣкую проспую
 И неизвѣспну въ свѣпѣ вѣсь,
 Надъ малой церквью шѣнь гуспую,
 Вокругъ нависшій юный лѣсь
 Оливъ, миршъ, лавровъ благовонныхъ,
 И пѣсней сладоспныхъ духовныхъ
 Тамъ шихій раздаепся спонъ:
 Но злапомъ не горда гробница,
 Се чшо?—Не скрыша ль шупъ Царица,
 Сїявшая въ лучахъ коронъ?

Нѣпъ!—Ангель шупъ уснуль тѣлесный,
 Сопрясшій плѣна суешы,
 Добропъ прозябшій кринъ небесный
 Души и шѣла красомы,
 Предъ коимъ всѣ сіяньи міра,
 Богашсшвы, почеспи, порфира,
 Какъ предъ луною мрачна дебрь.
 Зри!—блещепъ вѣсь, цвѣпепъ пущыня:
 Почіепъ въ Богъ шупъ богиня,
 Жена, сеспра Монарха, дщерь.



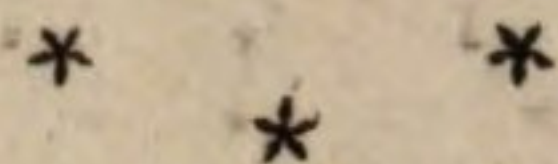
И запахъ льепъ ужъ лавръ зеленый
 Во знакъ побѣды красомой;
 Оливы,—нравы чпо смиренны;
 А миршы,—чпо любви душой
 Къ супругу своему горѣла,
 Сердцами подданныхъ владѣла;
 А шѣсный храмъ,—чпобъ въ швердь неслись
 Молишвы изъ него лишъ вѣрныхъ,
 Не слышались бы лицемѣрныхъ,
 И волки съ агнцы не паслись.

Прочь, Фурья зависши, опъ гроба
 Блаженной! и не смѣй взглянуть
 Ты на него, когда внутрь злоба
 Твою перзаешь тайно грудь.
 Виждь!—Ангель, въ небо возносяся,
 Со облакъ долу преклоняся,
 Просивъ себя, благословишь;
 На маперь склабясь, сеспръ и брашьевъ,
 Средь бабки и опца обяшьевъ,
 Опмцапъ за грѣхъ пивой не велишь.

* * *

Текишежъ къ праведницы гробу,
 О В. и С., близнецъ Славянъ!
 И презря сокровенну злобу,
 Ея лобзайше испуканъ,
 Клянясь предъ всемогущимъ Богомъ,
 Симъ намъ и вамъ свяшымъ залогомъ,
 Чпо нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
 Въ защиту вѣры обнажится,
 Чрезъ рвы и горы успремится
 Васъ къ спаду нашему привлечь.

Какъ урны глиняны, скудельны,
 На круговращной зиждясь дскѣ,
 И зданья, буйно вознесенны
 На рыхлосыпчапомъ пескѣ:
 Такъ почно всѣ черезъ коварствы
 Разпроспранившіяся царствы
 И козньми славныя спраны
 Въ корешко время разрушапся,
 Спраспьями своими сокрушапся,
 И слѣдъ ихъ будетъ мѣспомъ шпы.



Займутъ пресполъ Цари другіе
 Ихъ скипшры къ ихъ врагамъ прейдутъ,
 Замышленные ковы злые
 На ихъ самихъ главы падутъ;
 Разпоргнется и возмущится,
 Въ пущыняхъ дикихъ водворится
 Обманчивый, невѣрный родъ:
 Но честь и вѣрность сохраняй,
 По правдѣ, вѣрѣ поборай,
 Великъ всегда, блаженъ народъ!

Великъ, кто на войнѣ кровавой
 Споялъ неуспрашимъ душой,
 Одинъ пропиву пьмы за славой
 Лепѣль,—и умеръ, какъ герой!
 Великъ!—кто въ узахъ и въ неволѣ
 Былъ спольже пвердъ, какъ въ рапномъ полѣ
 И предъ пираномъ ницъ не лѣгъ;
 На даръ, на ласки негодуя,
 Надъ гладомъ, жаждой поржесшвуя,
 Опечесшву бышь вѣрнымъ могъ.



Вы видѣли при Ошерлицахъ,
 Въ чьихъ адъ, и въ чьихъ былъ Богъ сердцахъ!
 На вашихъ люша смерть границахъ,
 Побѣду вѣся на вѣсахъ,
 Едва ль кому вѣнецъ вручила:
 Но Сѣвера не пала сила,
 Ни вѣра, ни любовь къ Царямъ;
 Врожденно Рускимъ естъ геройсшво,
 И ваше намъ подобно свойсшво;
 Однимъ бы солнцемъ грѣшся намъ!

Не раздѣляешь шѣхъ пространство,
 Въ комъ кровь и умъ и духъ одинъ,
 Славяно—Руско—С. царство
 Одинъ со В. исполинъ;
 И праведны ли шѣ утѣхи,
 Чтѣбъ насъ лишать одной державы?
 Межъ братьевъ нерушимъ союзъ:
 Гробъ А. вкругъ цвѣтами
 Осыпавъ и оплававъ съ нами,
 Еще ли вы средъ чуждыхъ узъ?



По утру сребрено - огнисты
 Какъ блещутъ капли на цвѣтахъ,
 Ея духъ въ радугахъ зрю чистый,
 Сверкнувъ М. на поляхъ,
 Сраженья мѣсто посѣщаетъ,
 Надъ Россю шѣхъ косыми вздыхаетъ,
 Кто мужественно пролилъ кровь;
 И осыпая ихъ росами,
 Зришь свѣтлыми на васъ зарями,
 Чтѣ вы являли къ намъ любовь.

Мы не забудемъ благодарность
 И чувствъ нѣжнѣйшей дружбы къ вамъ,
 Ни время не зашмишь, ни дальность,
 Благодарнѣйшихъ вашихъ намъ:
 Извѣстны мащери, какъ въ раны
 Ихъ чадъ вы щились лишь бальзамы
 И огонь успѣ влагой уполять;
 Опцы,—какъ души ободряли
 Младыхъ героевъ—и внушали
 За славу бѣдствы презирашь.

* * *

Храмъ, швердымъ мужемъ соруженный,
 И благочестія олшарь,
 Правдивой вѣрой озаренный,
 Спой всѣхъ до померцанья зарь
 Подобно неподвижну холму!
 И къ свяпу Праведницы дому
 Любящихъ свяшоспѣ собирай:
 Тыжъ, спражъ его, музъ другъ, М.....!
 О жипель В..... и сынъ Россій!
 Единомысліе вперяй.

LXIII.

Х О Р Ъ І.

На Шведской міръ,

Орлы и львы соединились,
 Героевъ храбрыхъ полкъ возросъ,
 Съ громами громы помирились,
 Поцѣловался съ Шведомъ Россъ.

Сіаньемъ Сѣверъ украшайся,
 Блисцай Петровъ и Карловъ домъ;
 Екатерина упѣшайся,
 Подъ лаврами оливъ плодомъ.

Да будешь днесъ благословенна
 Двухъ Сѣверныхъ державъ чепа,
 Союзомъ вѣчнымъ сопряженна,
 И дружба ихъ во вѣкъ свяша.

Сіаньемъ Сѣверъ украшайся,
 Блисцай Петровъ и Карловъ домъ;
 Екатерина упѣшайся
 Подъ лаврами оливъ плодомъ.

Раздоръ и злоба удалися,
По браняхъ царствуй пишина,
Съ Геройствомъ нѣжность обоймися
И водворись въ зимѣ весна.

Сіаньемъ Сѣверъ украшайся,
Блиспай Петровъ и Карловъ домъ;
Екатерина ушѣшайся
Подъ лаврами оливъ плодомъ.

LXIV.

Х О Р Ъ II.

НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА I.

Чшо такъ Орлы высокопарны
Подъ небомъ вьюшся?—Плескъ и звонъ!
Во храмъ Божьемъ лучезарный
Блескъ видимъ царскихъ двухъ коронъ.

Луна ли съ солнцемъ совмѣспились?
Въ площи ль два Ангела явились?

Се Александръ, Елисавета,
Красотъ возможныхъ образецъ!
Онъ обладашель душъ, полсвѣта,
Она владычица сердець.

Съ воспоргомъ зришь на нихъ Марія
И восхищенная Россія.

Съ воспоргомъ зримъ и мы:—сердечны
Молишвы льемъ предъ олпаремъ,
Да будущъ дни ихъ свѣплы, вѣчны,
И юнымъ славны мы Царемъ!

Какъ солнце, міръ обнявъ лучами,
Такъ онъ, какъ Богъ, да правишь нами!

LXV.

III. НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ.

Росскими лепишъ спранами
На злпыхъ крылахъ молва,
Солнца новаго лучами
Освѣщается Москва.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Облеченныхъ во порфиру,
Видя въ царскихъ васъ вѣнцахъ,
Радость нашу кажушъ міру
Наши души на очахъ.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Естьлибъ можно было взоры
Кинушъ въ наши вамъ сердца,
Вы бы зрѣли чадъ соборы
Окружавшихъ Мать, Опца.

Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ.

Коль Россія вся дивилъся
 Вашимъ нравамъ и красѣ,
 Свѣшомъ всѣмъ богопворишься
 Должно вамъ, коль любяшъ всѣ.

Александръ, Елисавета!
 Восхищаете вы насъ.

Видимъ мы уже породу
 Божеску изъ вашихъ дѣлъ:
 Ошдаете вы свободу,
 Спрахъ и ужасъ ошлешѣлъ.

Александръ, Елисавета!
 Восхищаете вы насъ.

Будьте, Ангелы, вѣкъ съ нами,
 Знавъ сердца ми обладашъ!
 Ихъ обвивъ любви цвѣтами,
 Вы могли насъ привязашъ.

Александръ, Елисавета!
 Восхищаете вы насъ.

LXVI.

О Б Л А К О.

Изъ тонкой влаги и паровъ
Изшедъ невидимо, сгущенно,
По малу, тихо вознесенно
Лучемъ надъ высокою холмовъ,
Опливомъ свѣта освѣпяся,
По безднѣ голубой носяся,
Гордишся облако собой,
Блิสлая солнца красою.

Или прозрачносью сквозясь
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, златомъ изпещряясь
И багряницею спелясь,
Спруясь, собираясь въ сизы шучи,
И вдругъ схолмясь въ холмъ пловучій,
Заспѣниваетъ солнца зракъ;
Забывъ свой долгъ и благодарносъ,
Его любезну свѣтозарносъ
Сокрывъ опъ всѣхъ—наводишь мракъ.

Или не долго временщикъ
 На свѣшлой высотѣ бываешь;
 Но вздувшись пукомъ, исчезаешь
 Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ.
 Подъ лучезнойной пягошою
 Разорванъ молніи стрѣлою,
 Обрушась, каплями падаешь,—
 И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хопяжъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ,
 Во мглахъ, въ шуманахъ возродился
 И къ выспренноспямъ вновь спремился;
 Но рѣдко доспигаешь ихъ:
 Давленьемъ воздуха гнѣшомый
 И влагой внизъ своей влекомый,
 На блапы, пундры опускась,
 Ложись въ нихъ,—и зришься грязь.

Не видимъ ли Вельможъ, Царей,
 Живаго здѣсь изображенья?
 Одни:—изъ праха, изъ презрѣнья
 Пренизкихъ возводя людей
 На сшепени первѣйшихъ сановъ,
 Творящъ Боговъ въ нихъ испукановъ,
 Имъ ввѣря власть и скипетръ свой;
 Не видя, ихъ чшо ослѣпляютъ,
 Любезной доброшы лишаютъ,
 Темня своею черношой.

Другіе:—щасстья бывъ рабы,
Его рукою вознесенны,
Сіяньемъ ложнымъ украшенны,
Сспраспей не выдержавъ борьбы
И доблеспей путь презря, правды,
Превѣсясь зломъ, какъ водопады,
Падуть спремглавъ на низъ во мглахъ:—
Бывъ идолы,—бывають прахъ.

Но добродѣшель красою
Своею собственною сіяетъ;
Пускай нещасстье помрачаетъ,
Свѣшла она сама собой.
Какъ Антонины на престолѣ,
Такъ Эпикшипы и въ неволѣ
Почтенны суть красой ихъ душъ.—
Пускай чей злобой блескъ зашмился:
Но днесъ, иль завтра прояснится
Безсмертной правды солнца лучъ.

О вы, имѣющіи Боговъ
Въ рукахъ всю власъ и всю возмощность,
Въ себѣ же смертнаго ничтожность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ!
Цари! Опъ васъ вашъ шронъ зависишь
Унизишь зломъ, добромъ возвысишь;
Имѣйте вокругъ себя людей,
Незлюбьемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойтесь щасстья возведенцевъ,
Ползущихъ песпрыхъ вокругъ васъ змѣй.

И вы, наперсники Царей,
Друзья, цвѣпущи ихъ красою!
Ихъ пишуци жизнь, смерть рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей!
Познайте:—съ вашимъ всѣмъ соборомъ
Вы съ шѣмъ равны лишь метеоромъ,
Который блещетъ опъ зари;
А сами по себѣ—пары.

И ты, кто потерялъ красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, швердою душою:
Подобенъ міръ сей колесу.
Се спица внизъ и вверхъ врапшся,
Се капля мглой, иль пучей зришся:
Такъ чшождь снѣдаешься поскою?
Въ кругу швореній обращаьсь,
Той внизъ,—другою вверхъ вздымаясь,—
Умѣй и въ прахъ быть злопой.

LXVII.

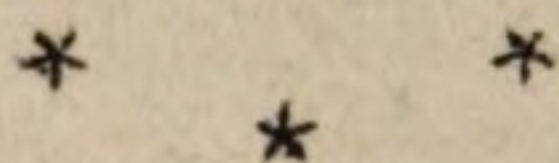
Г Р О М Ъ.

Въ тяжелой колесницѣ грома
 Гроза, на шмѣ воздушныхъ крыль,
 Какъ страшная гора несомъ,
 Жметъ воздухъ подъ собой,—и пыль
 И понпъ кипяпъ, лепяпъ волнами,
 Древа вверху вержуща корнями,
 Ревущъ берега и воепъ лѣсъ.
 Средь пучныхъ пучъ, раздранныхъ съпрескомъ,
 Въ шмѣ молніи, багрянымъ блескомъ
 Черпяпъ гремѣщихъ слѣдъ колесъ.

* * *

И се, какъ ночь осенняя, шемна,
 Нахмурясь надо мной челомъ,
 Хлябъ пламенемъ разсѣлась черна,
 Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ;
 И своды попрысались звѣздны:
 Спокрапно опгласились бездны,
 Гулъ возшумѣлъ, и дождь и градъ,
 Просперся синій дымъ полешомъ,
 Дубъ вспыхнулъ, холмъ спалъ водомешомъ
 И капли радугой блестяпъ.

Упихло дуновенье бурно,
 Чуть слышанъ шумъ и сѣрный смрадъ;
 Пространство воздуха лазурно
 И чела въ злапѣ горъ горяпъ.—
 Природѣ ужъ не спрашны грозы,
 Дыхаюпъ ароматомъ розы,
 Пернапыхъ раздаешся хоръ;
 Зефиры легки, насѣкомы,
 Цѣлуютъ злаковъ зыбки холмы,
 И пупникъ осклабляетъ взоръ.



Кто Сей, копорый пучи гонитъ
 По небу, какъ спада оновъ,
 И перстомъ быспры рѣки водишь
 Между гористыхъ береговъ?
 Кто море очерпилъ въ предѣлы,
 На шумны, яры волны бѣлы
 Незримы наложилъ бразды?
 Чьимъ маніемъ вѣпръ вземлетъ крыла,
 Спихіевъ засыпаетъ сила,
 Блескъ въ хаосъ возникъ звѣзды?—

И въ мигъ единый миліоны
 Кпо дланію возжегъ планетъ?
 О Боже!—се Твои законы,
 Твой взоръ міры пворишь, блюдешь.
 Какъ спалю камень сыплешь искры,
 Такъ опъ Твоей спруяшся мишры
 Въ мракъ солнцы, средь безмѣрныхъ мѣспъ.
 Ты дхнешь: какъ прахъ, вновъ сферы вспанушь;
 Ты прервешь духъ:—какъ злакъ, увянушь;—
 Твои слѣды сущь бездны звѣздъ.

* * *

О вы, безбожники!—не чпуци
 Всевышней власпи надъ собой,
 Въ разврапныхъ мысляхъ шѣхъ живущи,
 Чпо случай все пворишь слѣпой;
 Чпо умъ лишь вашъ еспъ Царь вселенной,
 Взгляните въ буйноспи надменной
 На сей ревуцій спрашный мракъ,
 На шѣ огнемъ блестящи рѣки,—
 И вѣрьте, дерзки чловѣки,
 Чпо все величье ваше—прахъ.

Но естѣли вы и впрямь всемочны,
 Почтожъ вамъ грома препешать?
 Нѣшъ!—Гордоспи пуши порочны,
 Богъ правды долженъ наказашъ.
 Гдѣ ваша мочь погда, коварсшвы,—
 Вновь созданны Цари и царсшвы,—
 Какъ рокъ на васъ свой склонилъ персшъ?
 Огонь и воды съединяшся,
 Земля и небо ополчашся,
 И мечъ и лукъ сопрешся въ персшъ.



Но шопъ, кпо почиашъ Бога,
 Надежду на него кладешъ,
 Сей не боишся время спрога,
 Какъ холмъ средь волнъ, не упадешъ.
 Пусшъ зѣльна буря успремилъ:
 Душой всѣхъ превзойши онъ шщилъ,
 Безспрашенъ, мужесшвенъ средь бѣдъ;
 И подъ всеильнымъ даже гнѣвомъ,
 Подъ зыблющимъ, падающимъ небомъ,
 Благослова Творца,—уснешъ.

Труба величья силъ верховныхъ,
Вишнїя Бога и посоль!
О громъ!—гроза духовъ шѣхъ гордыхъ,
Кѣмъ колебался звѣздъ пресполь!
Земли ты чрево разпворяешь
И плодородьемъ мїръ вѣнчаешь:
Но швой же можешь бросишь шуль
И жупловъ шмы на Князя ада.—
Встань! грянь!—и въ слѣдъ его упада
По безднамъ возгрохочешь гуль.

LXVIII.

Р А Д У Г А.

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
 Въ сумрачномъ облакъ шамъ,
 Видишь, какая изъ ленъ полоса,
 Огненна тканъ блещетъ очамъ,
 Склонясь надъ швоею главою
 Дугою!

Пурпуръ, лазурь, злато, багрянецъ,
 Съ зеленою швъ, сліась съ серебромъ,
 Чудный, опливный, блещущій глянецъ
 Сыплютъ вокругъ, шихимъ лучомъ
 Зѣницъ къ упшвеню сіяють,
 Плѣняють!

Гдѣ красота, блескъ разноцвѣшныхъ
 Камней драгихъ, свѣплосъ порфиръ,
 Прелести красокъ яркихъ, несмѣшныхъ,
 Чѣмъ завсегда славишя міръ,
 Чѣмъ могутъ Монархи хвалишя,—
 Свѣпишя?

О Апеллесъ! взявши орудье,
 Киспи свои,—дерзкой рукой
 Съ разныхъ цвѣтовъ вмигъ полукружье
 Сдѣлай, соспавъ пвердой чершой;—
 Соспавъ,—и сзови зрѣшь Аѳины
 Карпины,

Нѣтъ, Изографъ!—хоть превосходишь
 Всѣхъ масперспвомъ дивнымъ пвоимъ;
 Вижу, что средспвъ пы не находишь
 Съ Мастеромъ въ помъ споришь такимъ,
 Чей взглядъ все одинъ образуешь,—
 Рисуешь.

Только одно солнце лучами
 Въ капляхъ дождя, въ доль опразясь,
 Можешь писашь сими цвѣтами
 Въ мракъ и мглѣ, вѣчно свѣпясь.—
 Умѣй подражать пы ему,
 Лей свѣтъ въ пьму.

Зри, какъ оно лишь опивращаешь
 Свѣплый свой взоръ съ облака вспяшь,
 Живосъ цвѣтовъ вмигъ изчезаешь,
 Краски карпинъ пмяпся опяшь:
 Бѣги пы такого пруда
 Опъ спыда.

Можешъ ли кпо въ свѣтѣ небесномъ
 Чпишся равно солнцу тому,
 Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, пѣлесномъ
 Чпо озаривъ тяжкую тьму,
 Творишъ его радугой мира?
 Пой лира!—

Бога возпой, — смѣлымъ паренемъ
 Чиспаго внутрь сердца вноси
 Духъ мой къ нему, упреннимъ пѣннемъ,
 Чшобы Творецъ, внявъ съ небеси,
 Вліялъ чувствъ моихъ въ глубину
 Тишину.

Свѣплая чшобъ радуга мира,
 Въ небѣ явась въ цвѣтѣ зарей,
 Спала въ залогъ пихихъ дней міра,
 Къ щаспію всѣхъ царствъ и Царей.
 Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣпишъ,
 Примиришъ.

LXIX.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ РОЖДЕНИЕ
ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ
ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Ноября 4 дня 1806 года.

Склоненной лаврами главой
Возпрянь, Россія, опъ мечпаній;
И щипъ взложа на грудь, лукъ въ длани
Пріавъ, воспанъ, оспавъ покой!
И доблести горя воспоргомъ,
Иди, водима правды Богомъ,
На бранъ, какъ на поржеспвенъ пиръ.
Се щасплива межъ звѣздъ планеша,
Родилася Елисавета,
И мечъ швой даспъ Европъ миръ.

Когда Авроры алый перспъ
 Воспока опворяешъ двери,
 И солнцевъ конь изъ синей дебри
 Вмигъ скачешъ чрезъ безмѣрноссть мѣсць:
 Царь звѣздъ злапишь лице вселенны.
 Такъ духъ мой, днемъ симъ возбужденный,
 Зарю Царевны пѣшь лепишь.
 О свѣшлой радости и новой!
 Дщерь соименную Петровой
 Россіи Александръ даришь!

* * *

Вообразивъ моей весны
 Цвѣшущія, младыя лѣша,
 Какъ скипешромъ Елисавета
 Намъ разсыпала свѣшлы дни,
 Какъ спраху Божью поучались,
 Мы въ правдѣ, вѣрѣ укрѣплялись,
 Любили съ прешешомъ Царей:
 Мои обрадованны взоры
 Поющихъ дѣвъ и юношъ хоры
 Тамъ зряшь средъ злачныхъ нивъ полей.

О сколь красота, пріятельство, добро!
 Какіе честны, пверды нравы!
 Любовь къ опеческву, духъ славы!
 Россъ и тогда былъ царствъ оплошъ.
 Кто смѣлъ коснуться исполина?
 Главу его Екатерина
 Еще превыше вознесла.
 Да будутъ дни благословенны
 Такъ и рожденные Царевны,
 Чшобъ Опча въ ней душа цвѣла.



Умъ крошкой Матери и нравъ,
 Чшобъ ангелъ въ ней на свѣшъ явился,
 Съ Маріей въ благоспи сравнился,
 Сиротъ и вдовъ богиней спавъ.
 Какіе раздаются клики,
 Опъ Бельша до Камчапки лики,
 При имени Елисаветъ!
 Вспрѣчая въ ней прошедше время,
 Печашъ всѣхъ благъ,—красу Эдема,
 Силь описать не достаешъ.

Пеленъ, Харишы, спаньше вкругъ;
Премудросшь, сядь близъ колыбели,
И вѣкъ Ее чшобъ Музы пѣли,
Вдыхайшс Ей къ нимъ вкусъ и духъ:
А днесъ была звѣздой чшобъ славы,
Какъ у Непрядвы и Полшавы
Мы сперли супоспашовъ рогъ.
Она лишъ только улыбнешся,
Ошъ Александра громъ проспрешся;
Предъидешъ Россамъ въ браняхъ Богъ.

LXX.

НА ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРМІЮ ФЕЛЬДМАРШАЛА
ГРАФА КАМЕНСКАГО.

Ноября дня 1806 года.

Взлещь маспшый Орль,—паршъ,
Ширяешся межъ звѣздъ крылами,
Свисшъ бурь, блескъ молній подъ когшями;
И змѣй, во мглѣ клубясь, шипишъ.
Оспавшій мечъ Екатерины,
Булашъ, обдержанный въ бояхъ,
Каменскій! ты полки орлины
Ведешъ на брань,— и Галлу спрахъ.

Иди! иди! предходишъ Богъ
Передъ хоругвью Александра,
И пламень жруща Саламандра
Онъ въ прахъ швоихъ повергнешъ ногъ.
Суворовъ былъ водимъ пошъ Богомъ
И разжеля враговъ онъ шму:
Я, вдохновенный Музь воспоргомъ,
Побѣды предвѣщаль ему.

Такъ: вышней силой я держусь;
 Ты именемъ и духомъ камень,
 Холодноспью угасишь пламень;
 Сразись!—и я не поспыжусь.
 Опечесство спыдомъ не кроя,
 (Нашъ Царь его не долженъ несть,)
 Дерзай, мужъ, избранный въ героя,
 Ты Россъ!—побѣда, или смерть!

Побѣда!—лавръ швой съ сѣдиной
 Младымъ ппенцамъ явишь пупъ къ славѣ,
 Лучъ Александровой державѣ,
 И дасъ Европѣ онъ покой.
 О Россы! вы не посрамишесь,
 Природнчй васъ днесъ вождь ведетъ:
 Во блескѣ новомъ вы явишесь,
 Вѣнцы за правду Небо шлепъ.

LXXI.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА.

Прикованна цѣпьми къ утесистой скалѣ,
 Огромной, каменной, досягшей тверди звѣздной,
 Нахмуренной надъ бездной,
 Средь яра рева волнъ, въ нощи, во шѣмѣ, во мглѣ,
 Напасши Андромеда жершва,
 По вѣпру распусся власы,
 Трепещуща, блѣдна, чужь дышуща, полмершва,
 Лишенная красы,
 На небо тусклый взоръ вперя, ломая персшы,
 Себѣ ждесть скорой смерши;
 Лія пошоки слезъ въ рыданіи спенешъ
 И шако вопіешъ:

* * *

*Ахъ! кто сласетъ нещастну?
 Кто гибель отвратишь?
 Прогонишь смерть ужасну,
 Которая грозитъ?*

*Чье мужество, чья сила,
 Чрезъ мечъ и крѣпкій лукъ,
 Покой мнѣ возвратила
 И оживилабъ духъ?*

*

Увы! мнѣ нѣтъ помощи,
Надеждъ, отрады нѣтъ;
Прогнѣвались Боги,
Скрежеща рокъ идетъ.

Чудовище. Ахъ! вскорѣ
Сверкнетъ зубовъ коса.
О горе мнѣ! о горе!
Избавьте, небеса!

* * *

Но небеса къ ея моленію несклонны.
На скачущи вокругъ сѣдя, шумны волны,
Змѣями молніи лепя изъ мрачныхъ пучъ
Жгутъ воздухъ, пламенемъ горючъ,
И рдянымъ заревомъ поитъ синій обагряющъ.
За громомъ громы ударяющъ,
Освѣчивая въ тѣмѣ бездонну ада дверь,
Изъ коей дивій волю, иль преисподній звѣрь
Спальночешуйчатый, крылатый,
Серпокохшиспый, двурогатый,
Съ наполненнымъ зубовъ ножей, разверстымъ
ртомъ,
Сстоящимъ на хребтѣ щетиннымъ тростникомъ,
Съ горящими, какъ уголь, кровавыми глазами,
Опъ коихъ по водамъ огонь спелешся спруями,
Между раздавшихся воспѣенныхъ валовъ,
Какъ островъ между спѣнь, межъ синихъ льда бу-
гровъ
Возсхаль, плывешъ, на брегъ заносишь лапы
мшисшы,
Колеблешъ холмъ кремнистый

Прикосновеніемъ однимъ.
Прочь ропщущи бѣгутъ гнѣшомы волны имъ.

* * *

Печальная страна
Вокругъ молчитъ,
Изъ облаковъ луна
Чуть, чуть глядитъ;
Чуть дышутъ вѣтерки,
Чуть слышанъ стонъ
Царевниной тоски
Сквозь смертный сонъ;
Никто ей не дерзаетъ
Защитой быть:
Чудовище зѣяетъ,
Идепъ сглотить.

* * *

Но внимлеть плачь и стонъ Зевесъ
Вездѣ безъ помощи несчастныхъ.
Вскрылъ вѣжди онъ очесъ
И всемогущій скиптръ судебъ всевластныхъ
Подъялъ.—И се Герой
Съ Олимпа на конѣ крылатомъ,
Какъ быспро облако, блестяще златомъ,
Лепилъ на доль, на бой,
Избавилъ спраждущую дѣву;
Уже не внимлеть онъ его горшани реву,
Ни свисту бурныхъ крылъ, ни зареву очей,
Ни ужасу роговъ, ни оспрошѣ кохпей,
Ни жалу, издали смертельный ядъ почашу,
Все въ трепеть приводящу.
Но свѣтлы звѣзды какъ чрезъ сине небо рѣя,
Такъ спрѣлы быспрыя, копье, спремишъ на змѣя.

Частая свѣча меча
 Сильна могуща плеча,
 Стали о плиты спуча,
 Ночью блеща какъ свѣча,
 Эхо за эхами мча,
 Гулы сугубятъ, звуча.

* * *

Ужъ чувствуетъ Драконъ, что силъ его превыше
 Небесна Воя мочь;
 Онъ спановишся будно шише,
 И удаляешся коварно прочь:
 Но кольцами склубясь, вдругъ съ яростию злою,
 О бездны опершись изгибисшымъ хвостомъ,
 До звѣздъ возспавъ, какъ дубъ, въшвиспою главою
 Онъ сердце раздробить рогапымъ адскимъ лбомъ
 У Вишязя мечшаешъ;
 Бросаетъ,—и вспяшь опъ молній упадаешъ
 Священнаго меча,
 Чупъ движа по землѣ свой шрупъ, въ крови влача.
 Опъ воя звѣря вокругъ вздрогнули черны враны,
 Шумишь ихъ въ дебряхъ крикъ: сокрыло море раны,
 Но чермна кровь его по пѣннымъ водѣ буграмъ,
 Какъ рдяный блескъ видна пожара по снѣгамъ.

* * *

Вздохи и стоны Царевны
 Сердца ужъ больше не жмутъ;
 Трубятъ Тритоны, Сирены,
 Музы и Нимфы поютъ.
 Вольность поютъ Андромеды,
 Храбрость Персея гласятъ;
 Плескъ ихъ и звукъ про побѣды
 Холмы и доли твердятъ.

*Побѣда! побѣда!
Жива Андромеда!
Живи о Персей,
Вѣкъ славой твоей!*

* * *

*Не зримъ ли образа въ Европѣ Андромеды,
Во Россѣ бранный духъ, Персея славны слѣды,
Въ Губишелѣ мы баснь живаго Саламандра,—*

Не насыпима кровью?—

*Во плоти божества могуща Александра?
Полнь милосердіемъ, къ опечесѣнью любовью,
Онъ рекъ: „когда еще злодѣю попущу,
„Я царства моего просѣпанна не сыщу,
„И честполюбію вселенной не доспанешъ.*

„Лепи, Орель!—да громъ мой грянешъ!„

* * *

*Грянулъ межъ Бельта заливовъ,
Вислы и Шпрей береговъ;
Галлы средь жаркихъ порывовъ
Зрѣли, духъ Рускихъ каковъ!
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Россѣ!*

*Весело Россѣ проливаетъ
Кровь за законъ и Царя;
Страху въ бою онъ не знаетъ,
Къ нимъ лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Россѣ!*

*Россѣ добродѣтель и славу
Чтитъ лишь наградой своей;
Трудъ и походы въ забаву,
Ищетъ побѣдъ, иль смертей.*

*Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Россѣ!*

*Жизнь тѣхъ прославимъ полезну,
Кто супъ отчизны щипомъ:
Слава Монарху любезну!
Слава тебѣ, Бенингсонъ!
Знайте, языки, страшна колосса.
Съ нами Богъ, съ нами; чтите всѣ Россѣ!*

* * *

*Повѣся шлемъ на мечъ, имъ въ землю водруженной,
Предъ воинства лицемъ хвалу Творцу вселенной,
Колѣно преклоня съ простёртымъ рукъ, возпѣлъ
На мѣстѣ брани Вождь:—въ Россіи громъ взгремѣлъ.*

LXXII.

НА ВЫСТУПЛЕНИЕ КОРПУСА ГВАРДИИ
ВЪ ПОХОДЪ.

Громовая стрѣла,
Лучь молнии быспропарной,
Подобіе орла—
О духъ Россіи бранной!
Проспряся быспрыми крылами
Средь мразовъ, бурь, между снѣгами,
Леши предъ спроемъ Александра,
Леши,—и грянь на Саламандра.

Греми, рази ехиднѣ
Илекпра на волнахъ,
Освободи Берлинъ,
Лежащій во змїяхъ,
Обвившихъ вкругъ его все шѣло.
Твое, шебя доспойно дѣло
Плеснь лавръ себѣ изъ новой славы,
Къ улыбкѣ Випязя Полшавы.

Такъ Петръ шронъ Прусской взнесъ
 И царствъ въ чреду пославиль;
 Знакъ перспомъ далъ съ небесъ,
 Праправнукъ чпобъ избавиль
 Опъ жрущаго его дракона,
 Открыль въ немъ образъ Лаокона;
 Но спасшагось спрѣлами Феба.
 О Россъ! будь громъ, падающій съ неба!

Спупай и побѣди
 Никѣмъ непобѣдимыхъ;
 Обращно не ходи
 Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.
 Ты храбрыхъ цвѣлъ, могущъ, прекрасенъ,
 Быть долженъ славой міру гласенъ,
 Чпо чпишь друзей своихъ союзы:
 Полкъ Александра,—щишь Медузы.

LXXIII.

ГРАФУ СТЕЙНБОКУ.

Кого на брегъ моря бурна
 Близъ вешихъ града спѣнь, въ шѣни,
 Жизнь не богата, но не скудна
 Течешъ,—и онъ пріятно дни
 Проводитъ, избѣжавъ сполиты,
 Желаніевъ своихъ въ границы
 Умѣренность поспановивъ;
 А малой домикъ окруживъ
 Свой садомъ, нивами, спадами,
 Въ семьѣ, съ супругой и друзьями,
 Ничѣмъ внупръ сердца не смущень:
 Тотъ мудръ,—и испинно блаженъ!

* * *

Такъ, милый Графъ! волненіе Бельща —
 Быспропекущихъ образъ лѣтъ,
 Видъ Гапсаля,—видъ плѣнна свѣта,
 Что скоро рушится, падешъ;
 Древесны шѣни, пшичекъ пѣнья,—
 Спокойной совѣсти, смиренья
 И добродѣтели удѣлъ.
 Когда швой прудъ плодомъ поспѣлъ
 И нивъ колосья золопые
 Возблещутъ въ полѣ, и молодые
 Взыграютъ агнцы на лугу:
 Что знашнихъ блескъ сихъ благъ въ кругу?

Ничто.—И такъ наскучашъ грады
 И ихъ когда забавы намъ,
 Пойдемъ искашъ ушѣхъ, проклады
 Мы къ злачнымъ Волхова брегамъ:
 Или въ швоемъ помѣсшѣ новомъ,
 Во храмѣ возсѣдя Петровомъ,
 Чшо въ чесшъ ему шы мнишъ вознесшъ,
 Велимъ хоръ Музъ къ себѣ привесшъ;
 И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ,
 Чшо пламенной ихъ пляской сгладимъ
 Съ сѣдыхъ морщины нашихъ лбовъ,
 Обрѣзавъ крылья у годовъ.

* * *

Часы веселія сущъ крашки,
 Минуша скуки—цѣлый вѣкъ:
 Ахъ! для чего же люди падки
 Къ забошамъ?—Спраждешъ человѣкъ
 Не для шого ль, чшо ищешъ часпи
 Своей всякъ въ гордоспи и власпи,
 Самъ мучась, мучишъ и другихъ
 На счешъ крылашыхъ дней своихъ?
 Прешанемъ же къ звѣздамъ моспишся;
 А лучше съ серномъ льву резвишся,
 Съ державой яхонпу играшъ:
 Придешъ къ намъ зависшъ танцовашъ.

LXXIV.

МОЛИТВА.

По Высочайшемъ отсутствіи въ Армію
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

1807 года Марша 16 дня.

Господи!—возсылаюшъ
Къ Тебѣ свои мольбы;
Взоръ, длани проспираюшъ
Смиранные рабы:
Взгляни сквозь спрашны бездны
Съ высотъ Твоихъ свяшыхъ
На вздохи, поки слезны,
На огонь еимьямовъ ихъ.
Взгляни и виждь,—Россія,
Тьмой душъ, какъ звѣздъ, горя,
Средь пшверди голубыя,
Гласишъ: спаси Царя!

Храни его на брани,
Покой въ пуши, паси;
Твои незримы длани
Вездѣ надъ нимъ носи;
Будь пшвердый щипшъ опъ злобы.—
Ты зришъ, сколь врагъ его
Геройскихъ душъ свель въ гробы
Средь звѣрспва своего:
Тамъ мать лишилась сына,
Тамъ брашъ палъ смерши въ долъ,
Чепы здѣсь половина—
И ты, Творецъ! доколь?

Доколѣ шоки крови
Велишь намъ грѣшнымъ лишь?
Богъ благоспи, любви,
Жестокъ не можешь быть:
Преспани же опъ гнѣва,
Ревъ бури усмири;
Хлябь алчную Эрева
Перунами запри;
Ударь!—и съ крыль Зефира
Снесется тихій день,
Благоуханну мира
Даспъ Александръ намъ сѣнь.

LXXV.

АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ.

Плаповъ!—Европѣ ужъ извѣстно,
 Чпо силъ Донскихъ ты спрашный вождь.
 Въ разплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
 Падешь какъ снѣгъ ты съ пучь, иль дождь.
 По черныхъ вороновъ полешу,
 По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
 По рыску волчью, видя мѣшу,
 Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ;
 И зря на пускъ, на блескъ червонца,
 По солнцу, иль пропиву солнца,
 Свой учреждаешь ершауль
 И тайный спавишь карауль.

* * *

Въ правѣ идешь,—съ правою равень;
 Въ лѣсу,—и равень лѣсъ съ главой;
 На конь вскокнешь,—конь пихъ, не нравень,
 Но вихремъ мчишься подъ побой.—
 По камню ль черну змѣемъ чернымъ
 Ползешь ты въ ночь,—и слѣду нѣтъ.—
 По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
 Плынешь ты въ день,—лишь спруйка слѣдъ.—
 Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной,
 Спрѣлу съчешь ей въ слѣдъ пущенной,
 И брося пепли округъ шей,
 Фазановъ удишь, какъ ершей.

Разилъ пы льва, лунѣ гнулъ роги,
 Ходилъ прошиву солнца въ бой;
 Медвѣдей, пигровъ, средь берлоги
 Могучей задушаль рукой:
 Почтожъ вепря щетино - черна,
 Залегшаго въ лѣсахъ средь блашъ,
 Съ клыковъ копораго кровь, пѣна
 Течешъ,—зловоніе и ядъ—
 Опъ рыла взрышы вкругъ могилы,
 Опъ взоровъ пламенны свѣпили
 Край заревомъ покрыли весь—
 Арканомъ не схватилъ по днесъ?



Чшожъ спаль?—Борзаль коня не стало?
 Возьми коверъ свой самолешъ.—
 Ружейнаго ль снаряду мало?
 Махни ширинкой, лѣсь падешъ.—
 Запаса ли не видишь хлѣбна?
 Гложи желѣзны просфиры.—
 Жупанъ ли, епанчаль попребна?
 Самъ невидимкой все бери.
 Сапогъ нѣшъ?—Спупни самоходны,
 Надѣнь перчатки самородны
 И дуй на огонь, на мразъ, на гладъ:
 Россійской силъ нѣшъ преградъ.

Бывало вѣдь и въ прежни годы
 Взлешала саранча на Русь,
 Многообразные уроды
 Грозили ей налогомъ узъ.
 Быль грѣхъ, опъ сваръ своихъ кряхтѣли,
 Теряли янспвомъ и главы:
 Но лишъ на Бога мы воззрѣли,
 Опъ сна вспрянули будпо львы.
 Быль врагъ Чипчакъ;—и гдѣ Чипчаки?
 Быль недругъ Ляхъ;—и гдѣ шѣ Ляхи?
 Быль сей, былъ попъ;—ихъ нѣшъ:—а Русь?...
 Всякъ знай, мошай себѣ на усь.

* * *

Да какъ же эшо такъ случилось?
 Забопились, какъ днесъ, Цари;
 Премудро все разпоряжалось,
 Водили рапъ богатыри:
 При Свяпославичѣ Добрыня
 Убилъ дракона въ облакахъ;
 Чернецъ Донскаго—исполина
 Тапарскаго повергъ во прахъ.—
 Голицынъ, Шеремешевъ, Львовы
 Крушили зубы въ дни Петровы;
 Побѣдъ Екатерины лавръ:
 Чесьма, Кагуль, Крымъ, Римникъ, Тавръ.

Не ужъ-то Альпы въ міръ шашка?
 Тамъ молнии Павла видѣлъ Галль;
 На клячѣ бѣлая рубашка
 Не разъ его въ усы щелкалъ:
 Или шеперь у Александра
 При войскѣ нѣшу молодца?
 Съ креспомъ на адска Саламандра
 Ужель не сыщется бойца?
 Внемли же моему шы гласу:
 Усердно помоляся Спасу,
 Въ чешыре спороны поклонъ,
 И изъ ноженъ булапъ шы вонъ!



И съ свиспомъ звонкимъ, молодецкимъ,
 Разбойника сбрось *соловья*
 Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ,
 И будь у насъ впорой Илья;
 И заперши въ желѣзной клепкѣ,
 Какъ желтоглазаго сыча,
 Уранга, сфинкса на веревкѣ
 Примчи, за плечьми впороча.
 Иль двапцашъ молодцовъ опборныхъ,
 Лицомъ, лѣшами, роспомъ сходныхъ,
 Пошли шы за себя за злымъ;
 Двапцашый хопъ—пріѣдешъ съ нимъ.

Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги,
 Ты Расскажи имъ Руску быль:
 Чшо спарики, бывъ въ службѣ спроги,
 Всѣ невозможности чли въ пыль;
 Сжигали грады воробьями,
 Ходили въ лодкахъ по землѣ,
 Топили вражій спанъ прудами,
 Имѣли пищу въ киселѣ,
 Спускались въ мрачны подземелья,
 Живошъ счишали за бездѣлья;
 Къ опчизнѣ ревностью горя,
 За вѣру мерли и Царя.

* * *

Однако жъ, чшобъ не быть и жертвой,
 Ты мечъ имъ кладенецъ опдай,
 Живою водой ихъ sprысни, мершвой,
 И горы злапа обѣщай;
 Черкесенокъ, Грузинокъ милыхъ,
 У коихъ зарьныя успа,
 Бровь черна, жилъ по шѣлу синихъ
 Сквозь видѣнъ огонь и красота;
 А на грудяхъ, какъ пухъ зыбучихъ,
 Лилей кусты и розъ пахучихъ,
 Маняшъ къ себѣ и спарцевъ длань:
 Ты, словомъ,—все сули имъ въ дань.

*

Я дочь свою и самъ крестову,
 Красотку юную, во бракъ
 Опдамъ тому, кто грудь орлову
 На славный сей опважитъ шагъ;
 Денисовымъ и Краснощокимъ,
 Орловымъ, Иловайскимъ въ слѣдъ,
 По безднамъ, по горамъ высокимъ
 Въ домъ опчій лавръ кто принесетъ:
 Дѣвицы, барыни Донскія,
 Вздѣвъ плащя Рускія, злапыя,
 Введутъ его въ крестовъ черпогъ
 И воспоютъ: великъ нашъ Богъ!

* * *

Подъ вечеръ, упрямъ, на зарянкѣ,
 Сей радостный услыша гласъ,
 Живя уединеннымъ въ Званкѣ,
 Такъ сякъ взбреду я на Парнасъ
 И пѣсню войску шамъ Донскому,
 Тебѣ, на гусяхъ пробренчу:
 Да бѣлому Царю, младому,
 Въ вѣнцѣ алмазы разцвѣчу. —
 Пустъ звукъ ужасныхъ dneшнихъ боевъ
 Сподвижниковъ его Героевъ
 Мой повпоряетъ холмъ и лѣсъ,
 И гуль шумитъ, какъ громъ небесъ!

LXXVI.

ПИНДАРОВА

ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ.

Всѣхъ элеменовъ вода превосходнѣй,
 Злапо богашествъ среди пышныхъ, вельмож-
 ныхъ,
 Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ,
 Пышущу пламени ночью подобно.
 Хочешь ли, Муза! побѣды возвысишь,
 Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣе пихихъ
 Солнца полдневна лучей теплопворныхъ,
 Кои, пуспыню воздушну пропекши,
 Міръ освѣщаюшъ вокругъ:—и славнѣйшихъ
 Ты не ищи же поржесствъ Олимпійскихъ.

Душу Поэшовъ они
 Пламенемъ всю наполняюшъ,
 Кронова сына когда,
 Сидя Гирона въ черпогахъ
 Щаспьемъ, богашествомъ цвѣпущихъ,
 Звучно возносяшъ, поюшъ.

Скиптръ правосудья вращаетъ
 Онъ въ многоспадной Тринарѣ,
 Доблестей цвѣтъ всѣхъ собирая,
 Блещетъ, красой озаряясь
 Пѣсень согласныхъ съ музыкой,
 Кои мы дружески часпо,
 Сидя съ нимъ вкругъ за прапезой,
 Въ славу ему восклицаемъ.

Снемли съ стѣны сей Дорійскую ципру,
 Коль Олимпійскій конь побѣдоносный,
 Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
 Сладоспнымъ духъ швой плѣняетъ воспоргомъ.
 О! какъ онъ берегомъ быспро Алфея
 Безъ подспреканія гордо, красиво,
 Мчалъ Сиракузска Царя конелюбна,
 Къ цѣли лепя по всему Ипподрому,
 Громкой побѣдой межъ всѣми блистая,
 Чесль своему пріобрѣлъ шѣмъ владыкѣ.

Слава до нынѣ о немъ
 Селы, града пролетаетъ,
 Рождшимъ полъ много вождей
 Лидскимъ Пелопсомъ селенны;
 Богъ, препоясавый моремъ
 Землю,—его возлюбилъ,

Мощный Непшунъ,—какъ изъяла
Врѣюща свѣпла коноба
Клоша его, и ему шупъ
Коспи слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, песпро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.

Прелеснь поэзи, волшебная сила,
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнишь услаждая,
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто даетъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;
Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принад-
лежность,
Чтобъ съ умиленіемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашать всѣмъ Боговъ благоспыню.
Если не будешь кто виннымъ въ чемъ много,
Топъ и опвѣшу подвергнешся мало.

Сыне Таншаловъ! шебя
Нынѣ воспѣлъ я намѣренъ,
Прежде не пѣша ни къмъ,—
Твой какъ отецъ на прапезу
Звалъ всѣхъ Боговъ въ свой любимый
Градъ, Сипилію, къ себѣ:

Скиштра презубна Державецъ,
 Спрасшью къ тебѣ вспламеняся,
 Взявши тебя, какъ добычу,
 Зевсу всечпиму далече
 На огнеконномъ снарядѣ
 Въ свѣплы взнесъ неба черпоги;
 Но для услуги сей самой
 Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде.

Бывшужъ тебѣ опъ всѣхъ смертныхъ сокрышу,
 Какъ опыскапъ и посланцамъ родившей
 Было тебя уже больше не можно:
 Зависшью мрачною, злой, воушенны
 Тайны сосѣды всѣмъ слухъ разпустили,
 Будпо бы шѣло швое все на часпи
 Было прерублено оспрой сѣкирой
 И во кипящей водѣ разваренно,
 Ночью Богамъ въ кругу пира носимо;
 Сладоспно ими, какъ снѣдно, пожерпо.

Но возвѣщапъ мнѣ о помѣ,
 Будпо безсмертныя алчны,
 Дерзко, безумно, грѣшно;—
 Сильно того я спрашуся,
 Коль богохульниковъ часпо
 Ярый сражаешъ перунъ!

Чпили ль кого земнородныхъ
 Неба блюспишели, Боги, —
 Быль по Танпаль. — Но увь! онъ,
 Чашей блаженствъ упоенный,
 Много собою кичася,
 Гнѣвной свель мщенье десницы:
 Камень надъ нимъ преужасный
 Зевсъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его опрѣваешъ,
 Вѣчно бѣжишъ опъ него и спокойство;
 Жалкій спрадалецъ, межъ прехъ онъ чепвер-
 тый,
 Жизнь провождаешъ свою всю въ мученьи,
 Сколь въ бесполезномъ, споль горькомъ ры-
 даньи:
 Чшо у Боговъ, даровавшихъ безсмертье,
 Тайно священный похищилъ онъ нектаръ,
 Также унесъ и амброзію сладку
 Для угощенія смертныхъ клевреповъ.
 О суеша, сокрываться опъ Вышнихъ!

Въ кару за тяжкій шоль грѣхъ
 Боги обратно сослали
 Сына въ родъ смертныхъ его,
 С шоль увядающій скоро. —
 Юность же розоцвѣща
 Чернымъ лишь власомъ вокругъ

Щеки его отънила,
 Сердце прельспилось мгновенно
 Бракомъ ему обѣщаннымъ
 Со Ипподаміей милой,
 Дщерью владѣльца Олимпій. —
 Къ пѣнну онъ ночью шедъ морю
 Трезубодержца водхолмна
 Вызвалъ, — и Богъ лишь явился;

Сильный Царь водъ! рекъ онъ, ежели дары
 Благоугодны тебѣ суть Венеры,
 Мѣдно копье удержи Аэммона,
 Скрой въ Элизей и меня ты съ собою
 На колесницѣ пвоей быспропечной.
 Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обряцу.
 Тришцапъ ужъ имъ жениховъ перебишю;
 Дочь же его и по нынѣ въ невѣспахъ.
 Такъ! — лишь опасностейъ не воспрѣчаюшъ,
 Коихъ вся въ нѣжности жизнь прошекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужъ судилъ,
 Чшобъ умереть неизбѣжно,
 Вѣкъ свой безславно по чшо
 Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
 Дѣль уклоняться геройскихъ,
 Жизнь всю влачить со стыдомъ?

Нѣтъ! нѣтъ!—иду я сражаться!
 Пусть лишь опкрой мнѣ щаспливый.—
 Тако вѣщая,—и спѣшно
 Душу онъ Бога восхипилъ,
 Кой озаряя въ немъ сердце,
 Пролилъ сіянье на взоры,
 Давъ ему неушомимыхъ
 Коней злыхъ съ колесницей.

Опъ Аэммонова гнѣва избѣгши,
 Дѣву изпоргъ онъ со славой ко браку,
 Седмъ воевождей ему породившу;
 Тщилися чшипъ всѣ они добродѣпель. —
 Днесъ ему жершвы куряшся надгробны,
 Кои на брегъ онъ злачномъ Алфея
 Во благолѣпїи внемля, почіешъ.
 Холмъ его вкругъ какъ могильный обходяшъ,
 Тожъ и олшаръ его въ праздничныхъ играхъ,
 Гдѣ собирается сонмъ чужеспранцовъ.

Блещешъ далеко Пелопсъ
 Славой поржеспвъ Олимпійскихъ
 Со ипподромовъ своихъ;
 Сила гдѣ, быспросъ ногъ гибкихъ,
 Мышцы и жилы напрягшись,
 Рьяно вдругъ споряшъ съ собой.

Лучъ отъ побѣды награда,
 Вишязей въ вѣкъ услаждаешъ,
 Слаще злапаго сопа. —
 Да и кому чѣмъ сей вящше
 Радостью лъзя наслаждаться,
 Какъ не тому, гдѣ вседневно
 Съ блескомъ она вспянь спруишся
 И упѣшаешъ насъ снова?

Пѣснью Эольской и мнѣ днесъ надлежишъ
 Вишязя игръ увѣнчашъ бранноносна,
 Конна риспанья по праву извѣстну.
 Кпо межъ госпей здѣсь естъ изъ иностран-
 ныхъ,
 Иль изъ живыхъ гдѣ сущъ люди на свѣшъ,
 Царспвъ что въ правленьи, наукъ и худо-
 жеспвъ,
 Во превосходспвъ сънимъ могъ бы поспоришъ?
 Нѣшъ! не дерзнешъ ужъ никпо, какъ онъ только,
 Бышъ возвеличенъ подвижниковъ въ ликъ
 Благозвучащими пѣснями доспойно.

Богъ швой покровъ, о Хиронъ!
 Нѣжно онъ бдишъ надъ побою,
 Коль онъ не снимешъ впредь длань,
 Взыду на красный холмъ Кроновъ
 И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
 Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ
Какъ быспролетную стрѣлу;
Взнесся пошъ симъ, а сей онимъ:
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ доль не взирая,
Сей и всегда высокою:
Благо съ побой житъ мнѣ, Вишязь!
Грецію пѣсни освѣщаютъ.

LXXVII.

Е В Г Е Н І Ю

Жизнь Званская.

Блаженъ, кто менѣе зависишь отъ людей,
 Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
 Не ищешь при Дворѣ ни злата, ни чесшей,
 И чуждъ суешь разнообразныхъ!

Зачѣмъ же въ Пешрополь на вольну ѣхашь спросить,
 Съ пространства въ тѣсношу, съ свободы за за-
 шворы,
 Подъ бремя роскоши, богатствъ, Сирень подъ
 власъ
 И предъ вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
 Съ уединеніемъ и пишиной на Званкѣ?
 Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
 Покой мнѣ нуженъ—дней въ останкѣ.

Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ;
 Мой упреннуетъ духъ Правителю вселенной;
 Благодарю, что вновь чудесь, красота позоръ
 Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.

Пройдя мигувшую, и не нашедши въ ней,
 Чтобъ черная змія мнѣ сердце угрызала,
 О! коль доволенъ я, оставилъ что людей,
 И чесполюбія избѣгъ отъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу розъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ черпяще.

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
Смошрю надъ чашей водъ, какъ вьюшъ подъ небомъ
 круги;
На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣшей,
 На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги.

Паспущьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали пещеревей глухое покованье,
Барашковъ въ воздухъ, въ кустахъ свистъ соловьёвъ,
Ревъ кравъ, громъ жолнъ, и коней ржанье.

На кровлѣ жъ зазвенишь какъ ласпочка, — и парь
Повѣшь съ дома мнѣ Манжурской, иль Леваншской,
Иду за круглый шоль: и пущь-то раздобарь
О снахъ, молвь градской, кресстьянской;

О славныхъ подвигахъ великихъ шѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по стѣнамъ злапыхъ блистають
лицы,
Для воспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
И для прикрасъ моей свѣтлицы.—

Въ кошорой по утру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣспникѣ, въ газетахъ, иль журналахъ,
Россiянъ храброспи, какъ всякъ изъ нихъ Герой,
Гдѣ естъ Суворовъ въ Генералахъ!

Въ кошорой къ Господѣ, для похвалы госпѣй,
Приносятъ разныя полошна, сукна, шкани,
Узорны образцы салфешокъ, скашершей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани.

Гдѣ съ скошень, пчельниковъ, и съ пшичниковъ,
прудовъ,
То въ маслѣ, то въ сопахъ зрю злапо подъ вѣшьями,
То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
Сребро, шрепещуще лещами.

Въ кошорой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ врачъ
Приходишь доносишь о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
Проя на пищу имъ: шѣмъ съ поливкой калачъ,
А шѣмъ аѣкарспвица, въ подспорье.

Гдѣ также иногда по палкамъ, по коснямъ,
Усасный спароспа, иль скопидомъ брюхапой,
Дають опчешъ казнѣ, и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутовапой.

И гдѣ случается, художники млада
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получають въ даръ подачи за труды:
А въ часъ и денегъ по полтинѣ.

И гдѣ до ужина, чшобы прогнать какъ сонъ,
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ каршы мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ ошдачи.

Ошшуда прихожу въ святилище я Музь,
И съ флаккомъ, Пиндаромъ, Боговъ възсѣдши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу возно-
шусь:
Иль славлю сельску жизнь, пою на лирѣ.

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На спраспи, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ,—и драки челоуѣковъ.

Все суеша суешъ! я въздыхая мню:
 Но бросивъ взоръ на блескъ свѣшила полудневна,
 О коль прекрасенъ міръ! Чшождухъ мой бременю?
 Творцемъ содержишся вселенна.

Да будешъ на земли и въ небесахъ Его
 Единого во всемъ вседѣйствующа воля!
 Онъ видишь глубину всю сердца моего,
 И спроишся моя имъ доля.

Дворовыхъ между шѣмъ, крестьянскихъ рой дѣшей,
 Сбираюшся ко мнѣ не для какой науки:
 А взяшь по нѣскольку баранокъ, кренделей,
 Чшобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводишель мой шупъ долженъ на моихъ
 Бумагахъ мараныхъ, паспухъ какъ на овечкахъ,
 Репейникъ вычищашъ.—Хопъ мыслей нѣшъ боль-
 шихъ;
 Блещашъ и жучки въ епанечкахъ.

Бѣешъ полдня часъ, рабы служишь къ сполу бѣгушъ;
 Идешъ за прапезу госшей хозяйка съ хоромъ.—
 Я озрѣваю споль,—и вижу разныхъ блюдь
 Цвѣшникъ, поставленный узоромъ.

Багряна вешчина, зелены ши съ желпкомъ,
 Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны,
 Чшо смоль, яншаръ, икра, и съ голубымъ перомъ
 Тамъ щука песпрая:—прекрасны!

Прекрасны пошому, чшо взоръ маняшъ мой, вкусъ;
 Но не обиліемъ, иль чуждыхъ спранъ приправой:
 А чшо опряшно все и предспавляешъ Русь;
 Припасъ домашній, свѣжій, здоровой.

Когда же мы Донскихъ и Крымскихъ кубки винъ.
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ:
Бесѣда за сласными шушлива.

Но молча вдругъ всшаемъ:—бѣешь, искрами горя,
Древъ Рускихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ
бревень:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, Царевичей, Царевень.

Тутъ кофе два глотка; скрапну минушь пяшокъ;
Тамъ въ шахманы, въ шары, иль изъ лука спрѣлами,
Пернашый къ пошолку лопшой мечу лешокъ,
И шѣшусь разными играми.

Иль изъ криспальныхъ водъ, купалень, между древъ,
Ошъ солнца, ошъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
Тамъ внемлю юношей;—а здѣсь плесканье дѣвъ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ спекла опшики каршинныя мѣста
Смошрю моихъ усадьбъ;—на свѣшкахъ грады, цар-
спва.

Моря, лѣса,—лежишь вся міра красоша
Въ глазахъ, испушвъ черезъ коварспва.

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь, звѣзды зря
Бѣгуши въ пишинѣ по синю волнь спремленью:
Такъ солнца въ воздухѣ, я мню, текушь горя,
Премудроси ко прославленью.

Иль смошримъ, какъ вода съ плошины съ ревомъ
льешь;
И движа машину древа на доски дѣлишь;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ сполповъ на воздухъ
бѣешь,
Клокоча огонь, толчешь и мелишь.

Иль любопышны, какъ бумажны руны волнь
 Въ лопки сквозь иглъ, колесь, подобно снѣгу льюща
 Въ пушистыхъ локонахъ, и пѣмь вдругъ верешень
 Мариной рукой прядуща.

Иль какъ налень, на шелкъ, цвѣтъ, песпроша и
 лоскъ,
 Всѣ прелести, красы, беруща съ полъ Царицы;
 Спаль жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ.
 Куеша въ бердыши милицы.

И сельски рапники какъ, царства спавъ щипомъ,
 Бѣгущъ съ стремленьемъ въ спрой во рыцарскомъ
 убранствѣ,
 За вѣру, за Царя, мы—говорятъ—помремъ,
 Чѣмъ у Французовъ бытъ въ подданствѣ.

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшъ, верхомъ,
 Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
 То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
 То зайцевъ ловимъ псовъ спаницей.

Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнь,
 Какъ дернъ бутришь соха, злакъ правъ падешъ
 косами,
 Серпами злапо нивъ,—и ароматовъ полнь
 Пархаетъ вѣтръ межъ Нимфъ рядами.

Иль смопримъ, какъ бѣжитъ подъ черной пучей
 шѣнь
 По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
 И сходишь солнышко на нижнюю спепень
 Къ холмамъ и рощамъ синешемнымъ.

Иль, ушомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь;
 На брегъ Волхова разводимъ огонь дымиспый;
 Глядимъ, какъ на воду ложится красный день,
 И пьемъ подъ небомъ чай душиспый.

Забавно! въ пѣмъ челновъ съ сѣшми какъ рыбаки,
 Лѣнивымъ спроємъ плывъ, спрашають шварь влаги
 спухомъ;
 Какъ парусы суда, и лямкой бурлаки
 Влекутъ однимъ подъ пѣсню духомъ.

Прекрасно! тихіе, оплогіе брега
 И рѣдки холмики, селеній мѣлкихъ полны,
 Какъ, полосають ихъ клоня поля, луга,
 Стояють надъ покомъ спруй безмолвны.

Пріятно! какъ вдали сверкаешь лучъ съ косы
 И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамишь народа,
 Жнецовъ поющихъ, жницъ, полкъ идешь съ полосы,
 Когда мы ѣдемъ изъ похода.

Стекль заревомъ горишь мой храмовидный домъ,
 На гору желшый всходъ межъ розъ осіавая,
 Гдѣ вспрѣчу водомешъ шумишь лучей дождѣмъ,
 Звучишь музыка духовая.

Изъ жерль чугуновыхъ громъ по праздникамъ ревешъ;
 Подъ звѣздной молніей, подъ свѣшлыми древами
 Толпа креспьянъ, ихъ женъ, вино и пиво пьешъ,
 Поешь и пляшешъ подъ гудками.

Но скучишь какъ сія забава сельска намъ,
 Внутрь дома шѣшимся сполицъ увеселеньемъ;
 Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣшамъ
 Блисшають: музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харипъ плешень, иль хоровадь,
 Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
 Цвѣшочные вѣнки паспухъ паспушкѣ вьешъ:
 А мы на нихъ и пядимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
 Здѣсь *тихогрома* съ спрунь смягченны, плавны
 поны
 Бѣгушь,—и въ еспешивѣ согласія во всѣмъ
 Даюшь намъ чувствовашъ законы.

Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,
 На возвышеніи сидя сполповъ перильныхъ,
 При гусяхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
 Склонясь, ношусъ въ мечшахъ умильныхъ:

Чего въ мой дремлющій погда не входипъ умъ?
 Мимолешящи сущъ всѣ времени мечшаньи:
 Проходяшь годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
 И всѣхъ зефировъ повѣваньи.

Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вкругъ, минувшій красный день?
 Побѣды слава гдѣ, лучи Екатерины?
 Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось солнце,—шѣнь!...
 Кто вѣстъ и впредь полешъ орлиный?

Видъ лѣша краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
 Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобень двигаешь
 спруны;
 Блаженствоваль подъ нимъ въ спокойствѣ чловѣкъ,
 Но мещешъ днесъ и онъ перуны.

Умолкнушь ли они?—Сіе лишь знаешъ топъ,
 Который къ одному концу всѣ правишь сферы;
 Онъ перстомъ ихъ своимъ, какъ спрой какой
 ведѣшь,
 Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, онъ зришь полешъ всѣхъ
мечшь,
И поглумляется безумству челоуѣковъ:
Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, шѣхъ помрачаетъ свѣтъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ ушвердилъ, какъ спѣну, онъ въ
ошпоръ
Темиру новому подъ Пульшускомъ, Прейсшъ-лау;
Младыхъ вождей разцвѣлъ побѣдами шамъ взоръ,
А скрылъ орла сѣдаго славу.

Такъ самыхъ свѣшлыхъ звѣздъ блескъ меркнешь
опъ ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прахъ спашнешь моихъ костей
Сатурнъ крыдами съ плѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнешь боръ и садъ,
Не вспомнянешся нигдѣ и имя Званки;
Но совъ, сычей изъ дупль огнезеленый взглядъ,
И развѣ дымъ сверкнешь съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсень здѣсь, взойдешь на холмъ пощъ
спрашный,
Который, пощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ,
Вождя, волхва, гробъ кроешь мрачный.

Ошъ коего, какъ громъ капаешся надъ нимъ
Съ булашныхъ ржавыхъ врашъ, и збруи мѣдной гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохопомъ глухимъ
Въ лѣсахъ шрясясь звучащъ спрѣль шулы.

Такъ, развѣ ты, отецъ! святымъ швоимъ жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свисыхъ вокругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь,—блѣдну зависть,—въ бездны.

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
 На возвышеніе, на пониженъе щасья,
 Единой правдою меня въ умахъ людей
 Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ, въ мракъ вѣчности она своей трубой
 Удобна лишь явишь по мѣсто, гдѣ опзывы
 Отъ лиры моея шумящею рѣкой
 Неслись чрезъ холмы, доли, нивы.

Ты слышалъ ихъ,—и ты, будя своимъ перомъ
 Пошомковъ ото сна, близъ сѣвера столицы,
 Шепнешъ въ слухъ спраннику, въ дали какъ тихій
 громъ:
 „Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ,—Фелицы.

LXXVIII.
ИЗДАТЕЛЮ
МОИХЪ ПѢСНЕЙ.

Пѣсней моихъ Издавашель!
Другъ Сіонидъ и пѣвецъ!
Въ храмъ Искусствъ обиташель!
Естьли ихъ кисть и рѣзецъ
Тѣнь хощь едину въ картинѣ
Бога Творца изразить;
Въ мраморъ ль, мѣди, холстинѣ
Хлора, Фелицу являть:
Сложушъ ли, Л. . . . ! черви въ могилѣ
Со мною тебѣ?

* * *

Сложушъ, коль самыя Музы
Только мечпаній рабы:—
Тѣна носящее узы
Смерти не уйдетъ папъбы.
Гдѣ же завѣса Анелла?
Фидія Дій?—Прахъ и персть.—
Гдѣ Иліонъ, Тиръ и Пелла?
Развѣ убѣгли сихъ мѣстъ?
Нѣтъ!—шамъ, гдѣ башни неба касались,
Обломки лежатъ.

Но Меонидъ въ кругъ міра
 Въ словъ безсмертномъ живешъ:
 Громкая правдою лира
 Духа печашь,—не умрешъ.—
 Геніи въ мракъ шакъ зримы,
 Нощью какъ въ небѣ огни;
 Памятны будутъ Зосимы,
 Въ духъ Евгеня они
 Прейдутъ къ попомспву.—Солнце лучами
 Проходишь сквозь мракъ.



Такъ чрезъ тебя я прольюся
 Цѣлаго свѣта вокругъ;
 Въ книгахъ, какъ въ спеклахъ, возжгуся,
 Узрятъ далече мой духъ:
 Чпожъ запрещаль ты Брамину
 Свѣтъ въ Лапландцахъ лучи?
 Жегъ еиміамъ, иль лучину,
 Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи.—
 Долгъ Саламандра жечь: долгъ Поэта
 Въ міръ правду вѣщашъ.

Шеспвуй со мною безспрашно
Ты въ проповѣдничій пущь;
Бога вѣщай велегласно,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь;
Всюду хвали добродѣтель,
Свяпосшь и испину славь,
Доблеспей Россовъ свидѣтель,
Памятникъ вѣчный оспавъ
Въ звукахъ Багрима:—по и во гробѣ
Насъ червь не сгрызешъ.

LXXIX.

Л Е Б Е Д Ь.

Необычайнымъ я паренемъ
Отъ плѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.

Въ двойкомъ образѣ неплѣнный,
Не задержусь въ врапахъ мытарствъ;
Надъ зависью превознесенный,
Осавлю подъ собой блескъ царствъ.

Да, шакъ! Хошь родомъ я не славенъ;
Но, будучи любимецъ Музъ,
Другимъ вельможамъ я не равенъ,
И самой смертью предпочусь.

Не заключишь меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ;
Но, будшо нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.

И се ужъ кожа, зрю, пернаша
 Вкругъ спанъ обшягиваетъ мой;
 Пухъ на груди, спина крылаша,
 Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.

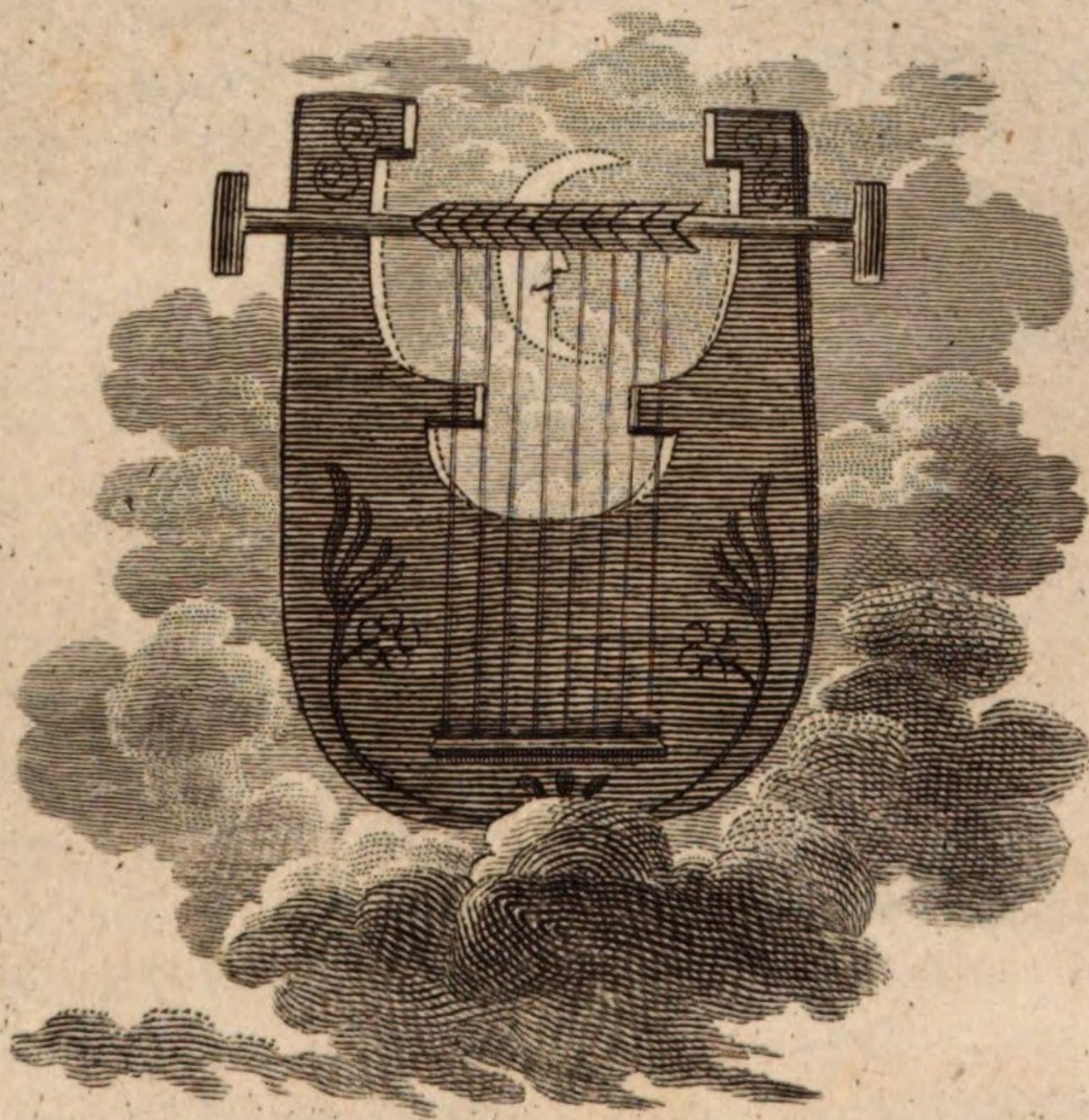
Лечу, парю,—и подъ собою
 Моря, лѣса, міръ вижу весь;
 Какъ холмъ, онъ высипся главою,
 Чтобы услышатъ Богу пѣснь.

Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
 Опъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
 Народы, свѣта съ полукруга,
 Сославившіе Россовъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнають:
 Славяне, Гунны, Скиѣы, Чудь,
 И всѣ, что бранью днесъ пылають,
 Покажутъ перспомъ,—и рекутъ:

„Вошъ шопъ лепишъ, что спроя лиру,
 „Языкомъ сердца говорилъ,
 „И проповѣдуя миръ міру,
 „Себя всѣхъ щаспьемъ веселилъ.,,

Прочь съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ,
Друзья мои! Хоръ Музъ не пой!
Супруга! облекись перпѣньемъ!
Надъ мнимымъ мерпвцомъ не вой.



ПОГРЪШНОСТИ

ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

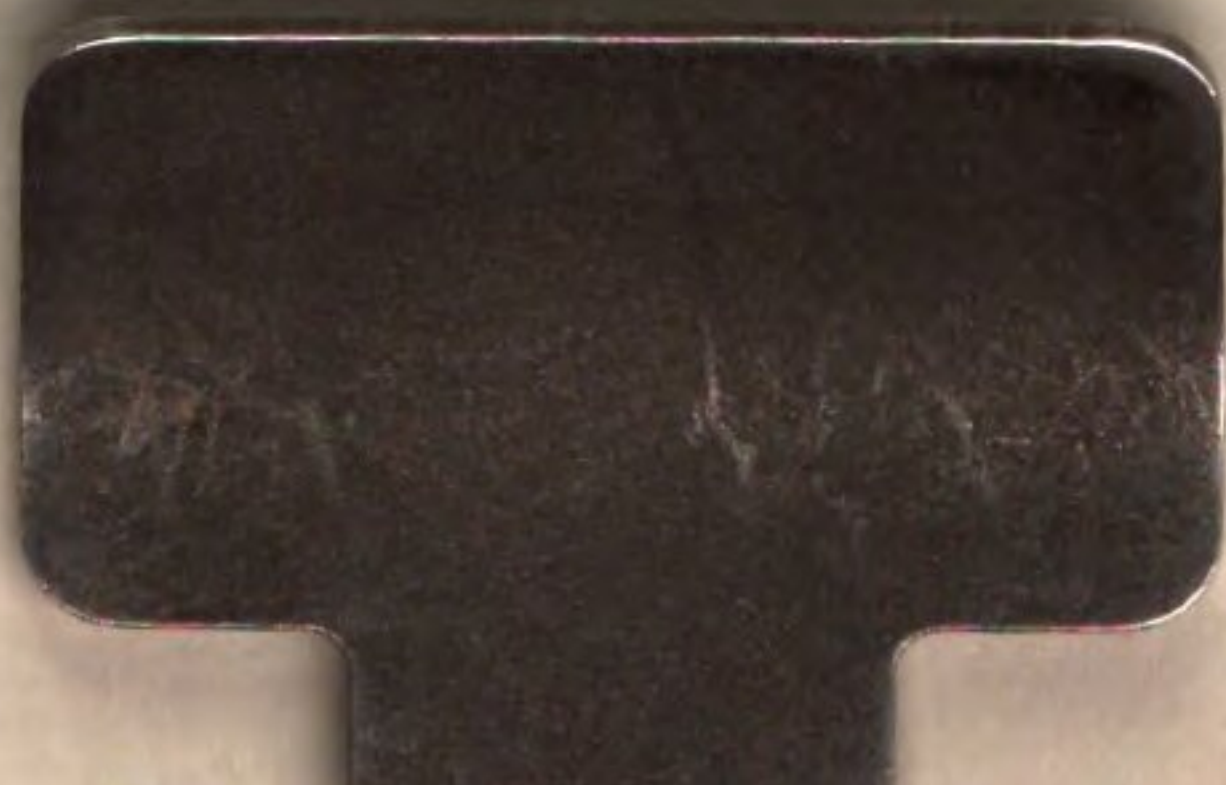
Напечатано :

типай :

стран. широк.

18	—	23	покорилъ	- -	прокормилъ
26	—	7	видишь онъ вашу	вашу съ	высотъ
			глупость и дер-	онъ глупость и	
			зость - - -	дерзость	
	—	8	видя - - -	видишь	
26	—	16	вы - - -	всѣ забыли зришь	
				ли тѣхъ свѣтъ	
47	—	11	добрѣшлись - -	добрѣшели —	
67	—	13	свободу - - -	свободу	
70	—	7	шруды - - -	шруды	
80	—	21	рукою руку - -	рукой и руку	
166	—	8	ушли, прядутъ	ушми прядутъ	
173	—	3	шрудолюбивы -	шрудолюбивый —	
181	—	6	въ лучахъ - -	въ лугахъ	
182	—	2	Александра - -	Александра	
183	—	5	срдечной - - -	срдечной	
	—	11	И въ изступленіи	И въ изступленьи	
200	—	10	волшебные пре-	волшебныя пре-	
			мѣны - - -	мѣны	
203	—	14	машинъ - - -	машинъ	
213	—	2	шеплется - - -	шеплился	
215	—	19	носимыхъ - - -	ходимыхъ	
218	—	8	мольчанье - -	молчанье	
223	—	13	Я самъ, а самъ	Я самъ, я самъ	
224	—	18	швое - - - -	швоя	
227	—	8	кого - - - -	его	
272	—	4	Вдыхайтс - -	Вдыхайте	
304	—	24	Жизнь пою на лирѣ	Жизнь на лирѣ	
312	—	15	гдѣ же - - -	гдѣ, ахъ!	
9	—	11	премое - - -	святное	

1870



Bur
Han

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina

Bd.: 2. 1808. - 317 S. m. Abb.

Sanktpeterburg 1808

P.o.russ. 60 c-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610053-5